

The book cover features a close-up of a woman's face with red lips and a red veil. Her hair is a vibrant, curly red. The background is a textured, warm-toned surface. The title is written in a large, elegant, golden-yellow font. The author's name is in white, and the co-author's name is in a smaller, italicized font.

Ransom
my Heart

by Princess of Genovia

MIA THERMOPOLIS

with help from

MEG CABOT

author of The Princess Diaries

Он — высокий, привлекательный рыцарь, хранящий тайну. Она — отважная красавица, у которой также секретов немало. Финнуле Крейс нужны деньги на приданое сестре, и медлить нельзя. У Хьюго Фицтивена, графа Стивенсгейта, возвращающегося домой в Англию из крестового похода с мешками драгоценностей, денег в достатке. Так что же может быть проще, чем похитить его и потребовать выкуп? Но с самого начала Финнула совершает ужасную ошибку — влюбляется в своего заложника.

От автора

Как человек, долгое время рассказывавший вам о победах и поражениях обыкновенной дженовийской принцессы Миа Термополис, сегодня я счастлива представить вам *«Выкуп за любовь»*. Эта история известна вам по последнему из дневников принцессы, также вы знаете, что Миа давно мечтала стать автором книги.

И вот, наконец, этот день настал. *«Выкуп за любовь»* — исторический роман, над которым принцесса Миа провела двадцать один месяц (время между *«Принцессой Миа»* и *«Принцессой навсегда»*, 9 и 10 книгами из серии *«Дневников»*).

В этой книге читатель, возможно, встретит знакомые уже имена и события (так, например, сестра главной героини — Меллана — может напомнить о печальном опыте самой принцессы на вечеринке в книге *«Принцесса на вечеринке»*; а собаку главной героини зовут Толстым Луи — так же, как и кота принцессы Миа). Но я уверена, что Миа Термополис ни в коем случае не хочет, чтобы читатель принял эти случайные совпадения за скрытые послания... Во всяком случае, по ее словам, они таковыми не задумывались. К тому же, образ главного героя — рыцаря Хьюго, что долгое время был на службе, а затем возвращается домой — также не имеет никакого отношения к Майклу Московитцу, которого связывали с принцессой долгие романтические отношения.

Также следует отметить, что все средства, полученные от публикации этой книги, будут направлены в Гринпис, как того хочет принцесса. Пусть она не потратит год после окончания школы на спасение китов, как планировала, эти средства смогут оказать некоторую поддержку фонду защиты дикой природы.

Итак, в этой книге воплощается главная мечта дженовийской принцессы Миа Термополис, и разве это не замечательно? Автор облачает свою мечту в слова, а читатели живут в созданном им мире.

Для миллиона читательниц, мечтающих стать принцессами после прочтения *«Дневников принцессы»*, в *«Выкупе за любовь»* открывается тайна — о чем мечтают сами принцессы. Надеюсь, вам понравится!

Глава 1

Англия, 1291 г.

Ястреб вернулся.

Финнула увидела это в тот же миг, как открыла деревянное окно своей спальни и высунулась наружу, чтобы удостовериться, что шериф и его люди отъехали. Неуклюжая

птица с коричневым оперением и дьявольскими глазами сидела на соломенной крыше курятника, невозмутимо спокойная. Неделию назад ястреб прикончил двух любимых кур Мелланы, а теперь косился и на третью, ту, что Мел называла Гретой. Ничего не подозревающая пестрая курица тем временем направлялась к остаткам пшена в кормушке. Несмотря на то, что ястреб обычно не охотился во время дождя, а сейчас как раз моросило, Финнула знала наверняка — он готовится напасть.

Быстрее, чем граф на охоте, Финнула сняла лук и колчан, висевшие на столбике ее кровати, и прицелилась в наглую птицу. Удерживать равновесие было непросто из-за ветра, врывавшегося в окно, и самого окна, находившегося чересчур низко. Натянув до отказа изношенную тетиву, Финнула сосредоточилась на цели — взъерошенных перьях на груди охотника за курами. Она не слышала шагов поднимающейся по лестнице сестры, не слышала и скрипа открывающейся двери.

— Финн!

Испуганный голос Кристины застал Финнулу врасплох, и она выпустила стрелу слишком рано. С почти мелодичным звуком та пронзила воздух и безобидно вонзилась в крышу курятника в каком-то лишь дюйме от ноги ястреба. Испуганная птица улетела прочь.

— Ради бога, Кристина! — вскричала Финнула, оборачиваясь и обвиняюще указывая пальцем на улетевшую стрелу. — Это была замечательная стрела, посмотри, что ты наделала! Как я ее теперь достану? Она застряла в курятнике!

Кристина устало прислонилась к двери, ее круглое лицо покраснелось от долгого подъема по узкой лестнице. Положив одну руку на грудь, девушка старалась успокоить сбившееся дыхание.

— Тьфу на тебя, Финнула, — пропыхтела она, вдохнув, наконец, полной грудью. — О чем ты только думаешь? Шериф уехал пять минут назад, а ты тут как тут, опять стреляешь по невинным птицам!

— Невинным! — Финнула сняла потертый кожаный ремешок колчана с худого плеча. — Это был тот самый ястреб, что убивает кур Мелланы, доложу я тебе.

— Ты что, совсем потеряла рассудок, данный тебе Господом? Если бы шериф увидел, как из окна твоей комнаты вылетает стрела, он бы немедленно вернулся и арестовал тебя на месте.

Финнула насмешливо фыркнула.

— Ха! Ни за что на свете. Ты только подумай, арестовать такую милую девушку, как я. Да его бы вмиг возненавидело бы все графство Шорпшир.

— Кузен лорда едва ли был бы против, — на восьмом месяце беременности Кристина не могла подниматься по лестнице с обычным проворством, и теперь она легла на кровать, что раньше принадлежала ей и Финнуле, и сдула со лба прилипшие рыжие кудри. — Неужели ты не понимаешь, Финн? Его светлость знает, что это ты браконьерствуешь в его лесах...

Финнула вновь фыркнула.

— Хьюго Фитцстивен понятия об этом не имеет. Откуда ему знать? Последние десять лет он провел на Святой Земле, а от него самого ничего не слышно с Михайлова дня (*католики празднуют Михайлов день 29 сентября. Название дня происходит от имени Архангела Михаила), когда пришел тот отвратительный домовладелец и объявил, что благородный рыцарь угодил в плен к сарацинам.

— Не нужно выражаться так грубо, Финн. Реджинальд Ларош, кузен лорда Хьюго,

теперь приглядывается за его владениями в отсутствие хозяина. Как ты можешь называть его отвратительным домовладельцем? Мы должны относиться к нему с тем же уважением, с каким относились бы, будь он нашим лордом. Как ты...

— С уважением? — на лице Финнулы было написано презрение. — Вот когда его поступки будут достойны уважения, тогда я и стану его уважать. А пока что даже не проси меня называть его лордам. Ни один лорд не станет относиться к своим вассалам с таким...

Кристина протяжно вздохнула, перебивая сестру.

— Очень хорошо, Финнула. Я уже поняла, что совершенно бессмысленно спорить с тобой по этому поводу. Но подумай вот о чем: Реджинальд Ларош сказал шерифу, что у него нет оснований не верить в то, что это ты охотишься на землях лорда Хьюго. Одно крохотное подтверждение этому, и для тебя все будет закончено.

Финнула раздраженно пнула деревянный дорожный сундук, стоявший в футе от кровати. Внутри лежали накидки и блио (*длинные платья с рукавами узкими до локтя и расширяющимися к запястью), которым она предпочитала поношенную, но очень удобную шерстяную тунику и кожаные шоссы (*мужские чулки-сапоги).

— Этого бы не случилось, — проворчала она, — если бы Хьюго Фитцстивен знал, как бедно живут его слуги при его дьявольском кузене Лароше. А живи он среди нас, уж точно бы не отказался от мяса, что я продаю.

— Но это все лишь вымысел, Финн, — устало промолвила Кристина. Это была старая ссора, начавшаяся, когда старший и единственный брат девушек, Роберт, выбрал маленький лук и научил тогда еще четырехлетнюю Финн стрелять по мишеням. Первая же выпущенная ею стрела угодила в задницу любимой няни семейства, Эгги, и с тех пор никому не было позволено забирать лук из рук маленькой охотницы.

— К тому же, — продолжала Финнула, точно не слыша слов сестры, — шериф не найдет никаких доказательств. Я никогда не оставляю своих стрел, он не найдет ни единого следа, способного привести ко мне. Единственная причина, по которой он действительно потрудился сюда приехать — это его любовь к Меллане.

— Финн, ты неправ. Месье Ларош сказал шерифу де Бриссаку, что недавно еще один олень из лесов лорда пропал.

— И вовсе он не пропадал, — уголки губ Финнулы слегка поползли вверх, на ее лице вот-вот готова была появиться улыбка. — Олень там же, где был всегда, в усадьбе Стивенстейт. Просто так вышло, что теперь он отдыхает в животах некоторых слуг лорда Хьюго.

Кристина лишь растерянно заморгала в ответ на бесстыдное заявление сестры. Она давно уже поняла, что если бы у Финнулы не было таких странных пристрастий в одежде, если бы она надела хоть раз одно из своих шелковых платьев, пылившихся в сундуке, если бы она расчесала густые рыжие волосы, а не заплетала их в тугую косу, то стала бы поистине прекрасной молодой женщиной. Вот только эта упрямая девчонка даже советов слушать не желала, хотя, по мнению Кристины, вовсе не Меллана привлекла шерифа, а сама Финнула. И дело тут было вовсе не в ее любви к запрещенной в графстве охоте.

Громко вздохнув в третий и последний раз, Кристина ухватила за столбик кровати, неловко поднимаясь на ноги.

— Так и быть, я сделала все, что могла. Роберт не сможет обвинить меня в бездействии.

Финнула улыбнулась, на этот раз по-настоящему, и великодушно похлопала сестру по плечу.

— Бедная Кристина, — пропела она. — Мне так стыдно за то, что я то и дело создаю проблемы тебе и дорогому Брюсу. Я не могу обещать, что прекращу, но точно обещаю, что меня никто не поймает. И что я не смущу тебя перед твоей новой семьей.

Кристина, забыв о том, что она теперь замужняя женщина — и к тому же, жена важного в деревне человека, мясника — фыркнула точно так же, как несколькими минутами ранее сделала Финнула.

— Это будет то еще представление, — рассмеялась она, качая головой. — Что же, в таком случае, я советую тебе спуститься и повторить свое обещание перед Робертом.

— Перед Робертом? — Финнула отвела от лица прядь растрепанных рыжих волос. — Что Роберт делает дома? Разве он не должен быть сейчас на мельнице?

— Он там и был бы, если бы не визит твоего поклонника, шерифа Джона де Бриссака, — серые глаза Кристины насмешливо заблестели. — Но это не единственная причина. Розамунда тоже здесь, и, кажется, они с Робертом хотят тебе о чем-то сказать.

Финнула так и задохнулась. В отличие от сестер, она не любила свадьбы, наряды и прочие подобные вещи, но за брата была счастлива.

— Ты же не... Неужели отец Розамунды наконец дал согласие?

Кристина кивнула, и радость, которую она так старательно скрывала, пока честила младшую сестренку, вырвалась на свободу.

— Да! Иди скорее, поприветствуй ее. Она была обескуражена присутствием служивого в своем будущем доме. Мне пришлось убеждать ее, что это из ряда вон выходящее событие.

Но Финнула уже ее не слушала. Слетев вниз по лестнице, она поспешила к небольшой группе людей, собравшихся у камина.

— Боже милостивый, Робби! Почему же ты мне не сказал?

Присутствующие расступились, и Роберт, молодой мужчина ростом в добрые шесть футов с небольшим (~183 см), подхватил на руки свою младшую, но гораздо более шумную, нежели он сам, сестру. Оторвав Финнулу от земли, он покружил ее, как делал в детстве, а затем осторожно поставил на место и слегка шлепнул.

— Черт подери, Роберт! — возмутилась Финнула, отскакивая в сторону и потирая ноющую кожу. — Это еще за что?

— За оленя, — суровость Роберта никак не сочеталась с его обычным веселым и легким нравом. — Если мне придется еще раз соврать, чтобы выгородить тебя, ты неделю сидеть не сможешь, заруби себе на носу.

Едва ли на такое празднование помолвки надеялась Финнула. Сморгнув слезы обиды, выступившие на глазах, она сурово уставилась на брата, стараясь не замечать миниатюрное личико его будущей невесты, маячащее где-то возле его локтя.

— Тьфу на тебя, Роберт, — процедила она. — Ты ничем не докажешь, что это я подстрелила оленя, а уж шериф де Бриссак или этот идиот Реджинальд Ларош тем более не смогут. Я собиралась пожелать вам с Розамундой радости и счастья, но теперь, пожалуй, пойду напрямиком к шерифу и попрошу вздернуть меня на виселице, раз уж мне не рады в родном доме.

С этими словами она круто развернулась к дверям, прекрасно зная, что, как бы Роберт ни старался держать ее в строгости все эти годы, он не вынесет ее несчастного вида. Он был единственным братом шестерых сестер, каждая из которых могла крутить им по-своему. Но младшая, Финнула, постигла это искусство в совершенстве. Ее старшим сестрам оставалось лишь наблюдать за тем, как испаряется гнев Роберта при одном лишь грустном взгляде

Финнулы, брошенном в его сторону.

— Нам не стоило, — сдался Роберт, — омрачать ссорами этот прекрасный день.

— Нет-нет, — подхватила Розамунда, явно удивленная переменами настроения Роберта, — мы не должны были.

У самой двери Финнула тихонько улыбнулась, затем изобразила глубочайшее раскаяние и обернулась.

— Значит ли это, — промурлыкала она, — что ты меня простишь?

— Ага, — Роберт тяжело вздохнул и кивнул, словно откладывая казнь пойманного за руку преступника. — Но лишь на этот раз.

Ни секунды не медля, Финнула бросилась в объятия брата. Затем так же поприветствовала и Розамунду, похожую на ангела дочь мэра Стивенсгейта и первую и единственную девушку, не сразу попавшую под чары Роберта, но ставшую любовью всей его жизни. Нетрудно было понять, почему отец Розамунды неохотно дал согласие на этот брак, ведь у Роберта было шесть сестер. Уже само по себе это казалось недобрый знаком и даже проклятием, хоть его родители и были горды. Но куда худшим обстоятельством была его младшая сестра, разгуливающая в мужской одежде и хваставшая тем, что она — лучший стрелок во всем графстве Шорпшир, несмотря на то, что в семнадцать лет она уже должна была вырасти из таких игр. И, конечно, никто не забывал неудачного замужества Финнулы...

Остальные пять сестер обладали репутацией, достойной подражания. Старшая, Бринн, двадцати пяти лет от роду, на год младше Роберта, жила в счастливом браке с кузнецом. У них родилось четверо сыновей, каждый был крепко сбит, как отец, и мог похвастаться огненно-рыжими волосами матери. Затем Патриция, жена хозяина местного трактира, мать троих детей, Камилла, которая бунтовала и спорила, не переставая, пока не стала совсем нежеланной гостьей в собственной семье и не согласилась выйти замуж за винодела в два раза старше нее. Кристина, недавно обвенчавшаяся с мясником Брюсом и нежно любившая его, и, наконец, пятая дочь, Меллана, которую многие называли самой красивой из шестерых сестер, но ей, к ее двадцати годам, лишь предстояло найти себе жениха.

Конечно, семья мельника, в целом, была весьма достойной, а Роберт Крейс мог бы составить достойную партию Розамунде, а потому у мэра не было никаких причин косо поглядывать в его сторону, но Финнула, странно независимая и известная своим стремлением попрасть законы, настораживала всех жителей деревни. Как закрыть глаза на слухи о том, что Финнула Крейс, быть может, и ложно, обвинялась в убийстве собственного мужа?

Но Розамунда, любимая и единственная дочь своего отца, быстро переубедила его. Если дело здесь лишь в Финнуле, то это не непреодолимая трудность. Сестра Роберта юна, однажды она еще перерастет глупые состязания и мальчишеские шосс, начнет уважать закон, ее бунтарство не вечно. К тому же, влияние Розамунды могло бы помочь ей увидеть свои ошибки — так почему бы не закрыть глаза на ее странности?

Неудивительно, что, собравшись семьями по радостному поводу, чувствуя за столом предстоящую свадьбу Роберта, большая часть присутствующих не замечала отсутствия одной из сестер. А вот Финнула незамедлительно опустила свою чашу эля и вслух поинтересовалась, что случилось с Мелланой.

Как ни странно, на Финнулу никто не обратил внимания, что было довольно необычно, ведь «Финн» слыла не только величайшим разочарованием семьи, но и главной рассказчицей. Ее невероятные истории всегда были интересны, но верили им теперь только

самые младшие племянники и племянницы. Теперь же, будучи незамеченной, Финнула отставила чашу и отправилась на поиски своей любимой сестры. Она нашла ее возле огня в кухне, девушка плакала, утираясь фартуком.

— Меллана! — воскликнула Финнула, удивленная таким зрелищем. — Что с тобой приключилось? Снова беспокоит желудок? Или, может, налить тебе тоника?

Меллана подняла на сестру припухшие и покрасневшие глаза, видно, плакала она уже не в первый раз. На правах самой красивой дочери мельника Меллана пользовалась мужским вниманием, поклонников вокруг нее было больше, чем вокруг кого-либо еще, но замуж она так и не вышла. Финнула никогда не могла взять в толк, почему ей однажды сделали предложение, а Меллана так и оставалась одна, несмотря на свою красоту, во много раз превосходящую красоту младшей сестры.

Нежная чистая кожа и стройная фигура были не единственными достоинствами Мелланы, эта девушка был единственной, кто избежал семейной участи в виде огненно-рыжих волос. Светлые кудрявые волосы обрамляли миловидное личико, точно золотая рама прекрасную картину. Глаза не были дымчато-серыми, как у сестер и брата, но сияли глубоким сапфировым блеском. И, к дополнению ко всему прочему, Меллана замечательно готовила и была великолепной хозяйкой в доме, наслаждаясь обществом кур, точно компанией друзей. От этого по деревне пошла слухи, что блондинка в семье Крейсов слаба рассудком, но Роберт и Финнула быстро пресекли сплетни, один кулаками, а другая луком, и с тех пор никто не упоминал о Крейсах, сперва не оглядевшись по сторонам — а вдруг старший или младшая представители семьи окажутся поблизости?

— Меллана, милая, что произошло? — Финнула опустила на колени возле любимой сестры и вытерла слезы с ее щек. — Почему ты не празднуешь с нами?

Меллана лишь всхлипнула, слова едва были слышны сквозь плач.

— Ох, Финн, если бы я только могла тебе рассказать!

— Что значит «Если бы ты только могла»? Ты можешь рассказать мне все, Мел, и ты знаешь это.

— Не все, — Меллана потрясла головой с такой горячностью, что кудри подскакивали от каждого движения. — Ох, Финнула. Я так опозорена!

— Ты? — Финнула коснулась плеча сестры, стараясь не смять мягкую ткань любимого зеленого блю Мелланы. — И что же ты, самое невинное создание в мире, называешь позором? Тебе нечего надеть на свадьбу? Ты переживаешь из-за этого, а, глупышка?

Меллана вытерла слезы рукавом кремовой накидки.

— Я мечтаю, чтобы это было так, Финн, — прошептала она. — Ох, Финн, если бы в этом было все дело! Я так боюсь, что ты станешь презирать меня, если узнаешь...

— Я? Презирать тебя, Мел? — теперь настал черед Финнулы покачать головой. — Ни за что! Ох, Меллана, ты ведь знаешь, что я ни за что...

— Все... задержалось, — выдохнула Меллана, снова ударяясь в слезы.

— Задержалось? — переспросила Финнула, сдвигая брови в недоумении. — Почему, ничего не задержалось. Праздник только начался... — но, приглядевшись к Меллане, Финнула замолчала. Все задержалось. Задержка. Она уставилась на девушку, и осознание пришло с огромной тяжестью. Эта тяжесть будто придавила Финнулу к земле и надломил ее голос. — Задержка, Мел? — переспросила она, заставив старшую сестру вздрогнуть. — Ты это имеешь в виду?

Меллана жалко кивнула. Но Финнуле необходимы были объяснения. Она не могла

поверить в то, что только что услышала от своей прекрасной, добродетельной сестры.

— Меллана, ты хочешь сказать, что... Что ждешь ребенка?

— Д-да, — прорыдала Меллана.

Финнула невидящим взглядом смотрела на ее золотые волосы, удерживаясь от желания встряхнуть сестру за плечи. Она обожала Меллану и расправилась бы с каждым, кто посмел бы причинить ей боль, но, если говорить откровенно, Меллана была самой доверчивой из сестер, а потому Финнуле оставалось лишь догадываться, что за подлец воспользовался этим.

— Как его зовут? — она беспомощно опустила руки на колени.

Меллана лишь заплакала еще сильнее.

— Его имя, Мел, — отчеканила Финнула. — Этот выродок умрет к заходу солнца.

— О, я знала, что не должна была тебе говорить, — простонала Меллана. — Финн, пожалуйста, пожалуйста, не убивай его. Ты просто не понимаешь. Я люблю его!

Финнулу точно по голове ударили.

— Ты его любишь? Это правда, Мел? — горькие рыдания девушки дали ей понять, что ответ на ее вопрос положительный. Финнула помолчала. — Ну, что же, полагаю, это все меняет. Не могу же я убить его, раз ты влюблена. Но тогда к чему слезы? Раз ты любишь его, выходи за него замуж.

— Ты не понимаешь, — снова проскулила Меллана, — ох, Финн, мы не можем пожениться.

— А, так он уже женат? — догадалась Финнула. — Хорошо. Мы с Робертом повесим его раньше, чем ты скажешь «Ноттингем». Вставай, Мел. Он будет неплохо смотреться на сосне.

— Он не женат, — шмыгнула носом девушка.

Финнула потерла лоб. Не было у нее того терпения, что требовалось для слез любимой сестры. Выследить и подстрелить дикого борова было в десять раз легче, нежели понять, о чем говорит Меллана.

— Но тогда в чем проблема, Мел? Если он не женат, а ты его любишь, почему вы не можете быть вместе?

— Это мое... Мое приданое, Финн.

— Приданое? — Финнула стукнула ладонями об колени, затем спрятала лицо в ладонях. — Мел, скажи мне, это неправда!

— Мне пришлось, Финн! Пять свадеб за пять лет. А мне было совершенно нечего надеть. Я надевала голубое к Бринн, лавандовое к Патриции, бархатное, что заказала из Лондона, к Камилле, розовое к Кристине и золотое к тебе, — в глазах Мелланы читалась мольба о прощении, ведь она знала, как Финнула терпеть не могла упоминания о своем прошлом замужестве. — Я... Мне так стыдно, Финн. Теперь я точно кажусь тебе дурочкой. Ты ведь переживаешь из-за лука и стрел, а не из-за лент и безделушек. Но надо мной бы все смеялись, если бы я пришла на свадьбу сестры в том платье, которое надевала в прошлый раз...

Даже крепко задумавшись, Финнула не смогла бы вспомнить, что надевала Меллана на все эти свадьбы. Стивенсгейт едва ли можно было назвать мировой столицей моды. Но вслух она говорить этого, разумеется, не стала.

— Значит, — Финнула по-прежнему не отвела рук от головы, — ты потратила все приданое на блио, Меллана?

— Не только на платья, — возразила Меллана, — еще накидки.

Если бы Меллана говорила с кем-то еще из своих сестер, то наверняка услышала бы, что поступила эгоистично и неразумно. А Финнула, хоть и считала, что Меллана поступила безрассудно — как и ее подруга Изабелла Ларош, это глупейшее создание, чей отец так бездарно управлял деревней в отсутствие кузена — все равно сочувствовала ей. В конце концов, ужасно быть беременной и незамужней.

Когда Финнула наконец подняла голову, ее лицо ничего не выражало.

— Ты хоть понимаешь, что сделает Роберт, — заговорила она, — когда узнает, что ты наделала?

— Понимаю, Финн! Я понимаю! Почему, ты думаешь, я рыдаю? А у Джека нет ни гроша за душой...

— У Джека?

— Джек Меллори, — Меллана покраснела, опустив глаза. — Он трубадур. Ну, помнишь, играл на свадьбе Кристины...

— Боже милостивый, — Финнула в ужасе закрыла глаза. — Трубадур? Ты забеременела от трубадура?

— Да, и мы не можем пожениться, ты понимаешь, почему. У меня нет приданого, а у Джека есть лишь ребенок (*старинная трёхструнная скрипка) да несколько жонглерских шариков. О, и ослица, Кейт. Ты ведь понимаешь, что Роберт ни за что не позволит мне выйти за мужчину, у которого нет даже смены одежды, не говоря уж о доме...

Финнула вздохнула, мечтая о том, чтобы не она, а кто-нибудь другой обнаружил Меллану плачущей у огня. Бринн посочувствовала бы, Патриция отчитала, Камилла посмеялась, Кристина повздыхала, но каждая из них справилась бы с ситуацией лучше Финнулы. А она, Финнула, никогда не имела дело с такими эмоциями, понятия не имела, что значит быть влюбленной в мужчину так, как Меллана влюблена в Джека Меллори. Впрочем, в этом Финнула видела свое преимущество. Судя по тому, что ей довелось наблюдать, любовь часто приносила страдания.

— Ладно, вместо того, чтобы лить слезы снова и снова, почему ты не собрала все заработанное на продаже эля? — она замолчала, потому что Меллана лишь помотала головой. — Что такое?

Длинные ресницы сестры дрогнули.

— Р-разве ты не поняла? Я потратила деньги.

— Ты потратила все? — голос Финнулы снова дрогнул. — Но там было больше пятидесяти...

— Мне нужны были новые гребни, — прошептала Меллана, вновь разражаясь слезами. — И ленты для волос. И жестянщик, что приходил недавно, продавал прелестные пояса, на них была вышивка настоящим золотом...

Финнула с трудом удержалась от брани.

— Ты потратила все деньги, что заработала этой зимой, продавая эль? Ох, Меллана, как же ты могла? Мы ведь должны были купить солод и хмель для летней партии!

— Я знаю, — Меллана шмыгнула носом. — Знаю! Но девушка не может все время думать об эле!

Челюсть Финнулы так и отвисла. Ее сестра не могла похвастаться острым умом, но большей глупости никто еще в Шропшире не делал. У Мелланы дело шло в гору, она готовила лучший в деревне эль, за который дрались торговцы, увозившие его в другие

графства, а чистая прибыль поступала в карман семьи Крейс. Но без солода и хмеля дни успеха Мелланы были бы сочтены.

— Девушка, — повторила Финнула. — Девушка! Но ты больше не девушка, не так ли, Меллана? У тебя родится ребенок! Как ты собираешься его растить? Нельзя же всю жизнь прожить здесь! Розамунда, милейшая из девушек, и то не будет благосклонна к безмужней золовке, живущей в родительском доме с ребенком-безотцовщиной!

Финнула немедленно пожалела о своих резких словах, едва они слетели с ее губ, а Меллана ударилась в плач с новой силой. Сквозь рыдания были едва различимы слова:

— О! Кому, как не тебе судить, Финнула Крейс! Разумеется, тебе, бывшей замужем всего лишь одну ночь, а затем вернувшейся на мельницу.

— Я вернулась вдовой, — заметила Финнула, не собираясь поддаваться слезам сестры. — Помнишь, Меллана? Я вдова. Мой муж умер в ночь после свадьбы.

— Ох, — покачала головой Меллана, — как будто это было совпадением, если учесть, как сильно ты его ненавидела.

Финнула покраснела от ярости, но, не успела она открыть рот, как Меллана взяла ее ладонь и взмолилась, глядя в глаза:

— Прости меня, Финн! Я не должна была это говорить, мне очень, очень стыдно. Это была не твоя вина, я знаю, конечно же, ты не виновата ни в чем. Пожалуйста, не уходи, прошу тебя. Мне очень нужна твоя помощь. Ты такая умная, а я невероятно глупа. Пожалуйста, останься еще на минутку, выслушай меня. Изабелла сказала мне, как можно вернуть часть денег, я уверена, это сработает... Но я не могу, мне очень страшно.

Финнула слушала сестру вполуха. В другой комнате муж Камиллы открыл дверь, и теперь веселая музыка доносилась и в кухню. Спустя миг-другой Роберт позвал девушек. Проклятье! Он в любую минуту может зайти на кухню, а Меллана — худшая обманщица на свете, правда откроется в ту же секунду, и празднику конец. Будет убийство... Финнула могла лишь надеяться, что Джек Меллори и его чертова ослица сейчас не в Стивенсгейте.

Меллана вдруг выпрямилась, широко распахнув голубые глаза.

— Но ты можешь, Финн! Ты не из робких. Ты ничего не боишься. И это почти то же самое, что поймать лисицу или оленя. Я уверена, это не сложно.

— Что не сложно? — Финнула в недоумении посмотрела на сестру, чье лицо так неожиданно изменилось. Даже следы слез исчезли, в глазах снова загорелся огонь жизни, а розовые губы почти улыбались.

— О, прошу, Финн, скажи, что поможешь мне! — Меллана схватила сестру за руку. — Скажи, что спасешь меня!

Финнула, опасаясь, что в кухню вот-вот зайдет брат, нетерпеливо произнесла:

— Разумеется, я помогу тебе, если сумею, Меллана. Но я не понимаю, как ты хочешь выпутаться из этого, я просто не вижу решений.

— Доверься мне, обещаешь?

— Обещаю. А теперь давай вернемся к остальным, Мел, нас уже зовут. Мы ведь не хотим, чтобы они начали беспокоиться.

— Ох, спасибо тебе, Финн! — повеселевшая, Меллана заключила сестру в объятия. — Я знала, знала, что ты мне поможешь. Ты всегда была так добра ко мне! Неважно, что говорят люди, я не считаю тебя странной. И с твоими навыками охотницы, ты точно захватишь самого богатого человека во всем Шропшире!

Финнула подозрительно взглянула на сестру.

— О чем это ты говоришь, Мел?

Удивленная непониманием Финнулы, Меллана пояснила. И затем снова, на этот раз уже от счастья, расплакалась, прежде чем Финнула поняла, чем может обернуться данное ею слово.

Глава 2

Хьюго Фитцстивен, может, и провел последние десять лет на Святой земле, сражаясь за Иерусалим, но святым никак не был. Совершенно. Так, например, он легко затащил в постель жену владельца постоянного двора, после чего отказался платить за постой, сказав, что «случилось так, как случилось».

В крестовый поход Хьюго направился не по своей воле, но единственной альтернативой был монастырь, что тоже никак ему не нравилось. Сердечным желанием его матушки было участие сына в войнах на Святой земле, а потому он подчинился родительской воле. Но, даже самоотверженно сражаясь, Хьюго никогда не забывал о других удовольствиях жизни, в том числе и о женщинах, которых он познал великое множество за прошедшее десятилетие. Так, женщины из Акко (*израильский город) имели занятную привычку брить самые интимные места тела, что уже было хорошим стимулом для Хьюго, чтобы остаться на войне как можно дольше.

Там же, в Акко, Хьюго попал в плен к мусульманам, и, к тому времени, как корона заплатила за него выкуп, Святая земля успела ему осточертеть, как и сами крестовые походы. Его старший брат между тем погиб, после чего последовала странная смерть отца, и Хьюго Фитцстивен остался единственным хозяином родового поместья. Став седьмым графом Стивенсгейта, Хьюго решил, что пришло время возвращаться в родные края и наслаждаться жизнью в новом титуле.

Но пока что подобного шанса ему не представилось. Не успел рыцарь въехать в Шропшир, как неприятности вновь посыпались на его голову. На этот раз не сарацины преследовали его, желая смерти Хьюго, нет, теперь это был муж одной очень одаренной блондинки, с которой Хьюго приятно провел время в Лондоне. Ее муж, впрочем, использовал несколько другие выражения и требовал компенсации за «унижение». Хьюго подозревал, что эта пара работала сообща: она соблазняла рыцарей, а он затем случайно «узнавал о произошедшем». Но Хьюго не собирался сдаваться так быстро.

Поэтому он и его слуга были вынуждены пробираться к дому окраинами да лесными тропками, избегая главной дороги, по которой мчался преследователь. Разумеется, Хьюго не боялся сражения, он всего лишь устал от битв за эти долгие десять лет, и теперь ему хотелось только вернуться в поместье и наслаждаться тем, что он имеет. К двадцати пяти годам он понял, как важно ценить моменты спокойствия.

Трактиры и постоянные дворы не были безопасны в полном смысле, и Хьюго со слугой приходилось спать под открытым небом. К счастью, весна уже вступила в свои права, а потому Хьюго в любом случае предпочел бы зеленую траву всему тому, что могли предложить захудалые домики, стоявшие вдоль дороги.

Питер, его слуга, уже успел привыкнуть к комфорту в Лондоне, где Хьюго и взял его в услужение, и непрестанно жаловался на слабое здоровье, ухудшившееся в подобных условиях не по дням, а по часам. Каждую ночь, проведенную под звездами, он причислял к своим достижениям и хвалился силой духа. Привыкнув к туманным узким улочкам Лондона, паренек боялся открытых просторов полей и лесов, из которых в любой момент могли

выбежать волки. Хьюго терпел бесконечные жалобы и высказываемые вслух опасения Питера, но понимал, что еще немного — и придется задать парню трепку, на которую тот так давно напрашивается.

Будучи в двух днях езды от Стивенсгейта, Хьюго забеспокоился, как бы им не пришлось остановиться в близлежащей деревушке Лизбури, чтобы пополнить запасы провизии. Рыцарь был не так уверен в своих силах, как его верный боевой конь Скиннер, готовый скакать вперед днями напролет. Позавидовав животине, Хьюго, скрепя сердце, направил поводья в сторону Лизбури. Во всяком случае, питаясь лишь хлебом и сыром, он давно тосковал по великолепному английскому пиву, а добыть его можно было, лишь зайдя в трактир.

Узнав радостную весть о скорой остановке, Питер преисполнился надежды, перед ним замаячило счастливое возвращение к «цивилизации», как он это называл, а вот Хьюго сомневался, что слуга будет впечатлен. Но говорить он этого пока что не стал, а лишь строго-настрого запретил Питеру обращаться к нему «милорд» на людях. Въехав в деревню, Хьюго был приятно удивлен ее видом, все выглядело не так запущенно, как он опасался.

На ближайшем же постоялом дворе с трактиром Хьюго велел мальчугану накормить лошадей лучшим сеном, а сам, сопровождаемый Питером, вошел внутрь. Трактир назывался «Лисица и заяц», потолки были низкими, и Хьюго, мужчине ростом в шесть с половиной футов (~190 см), пришлось хорошенько наклониться, чтобы не удариться головой у самого же входа, и ссутулиться, чтобы широкие плечи не задели дверной проем. Его появление не вызвало никакой реакции у посетителей трактира, многие из которых выглядели так, словно и сами провели не одну ночь на улице.

А вот хозяин заведения едва ли был похож на своих посетителей. По загоревшему лицу Хьюго и густой бороде он сразу понял, что рыцарь был на Святой земле, а оттуда никто не возвращался с пустыми карманами, владельцу «Лисицы и зайца» это было прекрасно известно. Не иконы, не реликвии, нет, любому разумному человеку они и в жизни негодились бы. Бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры, золото и серебро — вот, с какой добычей возвращались из крестовых походов. Предвкушение немалой прибыли взбудрило трактирщика, и он дружелюбно улыбнулся новым посетителям.

— Добрый день, сэр, — учтиво кивнул он. — Не желаете ли присесть за столик и освежиться, выпив кружку лучшего эля, приготовленного моей свояченицей?

— Охотно, — откликнулся Хьюго, садясь за стол и указывая глазами, что Питер должен сесть напротив. Слуга послушно уселся рядом, наконец-то чувствуя, что теперь с ним обходятся так, как и пристало обходиться со слугой лорда. К столу поднесли еду, и Питер с наслаждением вгрызся в буханку свежее испеченного хлеба, затем принялся за вкуснейший суп и жаркое. Жуя, он оглядывался по сторонам, рассматривая посетителей трактира, как сделал много раньше еще хозяин. Ничего такого, из-за чего стоило бы переживать, он не нашел, и вновь уделил все внимание еде. Наконец, залпом выпив кружку превосходнейшего эля (стоило бы попросить еще), Питер откинулся на спинку деревянного стула и удовлетворенно вздохнул.

А вот Хьюго не расслаблялся ни на мгновение. Давно привыкший к неожиданным нападениям, он хорошо знал излюбленную тактику врагов: ублажить соперника ложным чувством безопасности, а затем нанести удар. Потягивая эль, он мысленно согласился с трактирщиком в том, что это был лучший эль во всем графстве, а может, и за его пределами, но его взгляд все равно не покидал лиц окружавших его людей. Краем глаза Хьюго наблюдал и за дверью.

Именно так он и увидел создание, скользнувшее в трактир спустя каких-то несколько минут после их появления. Поначалу Хьюго принял эту хрупкую фигурку за мальчишескую. Разумеется, ни одна женщина не будет настолько бесстыдна, чтобы надеть мужские шоссы. Но вскоре ему пришлось признать, что он ошибался в этих мыслях. Это была женщина, да еще и очень молодая, с ангельским личиком и копной рыжих волос, заплетенных в разлохмаченную косу, спускавшуюся до поразительно тонкой талии и касавшейся кончиком ягодич, напоминавших по форме сердечко (это Хьюго заметил благодаря тем самым кожаным мужским шоссам). Никакой накидки, никакого блио. На ней была шерстяная туника, перехваченная широким поясом, а за спиной висел небольшой лук и до отказа заполненный стрелами колчан.

Если кто еще и был так же удивлен нарисовавшейся картиной, то этот человек не подал вида. Трактирщик и вовсе поприветствовал вошедшую так, словно она была его сестрой, предложил ей присесть и протянул кружку эля. И каким-то образом это прелестное создание в мужской одежде так вписывалось в обстановку трактира, что никому бы и в голову не пришло задавать вопросы о том, как девушка здесь оказалась. Бросив быстрый взгляд в сторону Питера, Хьюго понял, что не только он был ошарашен только что разыгравшейся сценой.

— Ущипните меня, — пробормотал парень. — Но это ведь девушка!

— И очень красивая к тому же, — Хьюго покачал головой. Десять лет назад, когда он покидал Англию, юные девушки не разгуливали в мужских одеяниях и уж точно не заходили в трактиры в одиночестве. Похоже, все изменилось куда больше, чем предполагал Хьюго.

Девушка, должно быть, уже успела завоевать славу эксцентричной особы, потому что все посетители совершенно спокойно отнеслись к ее странному присутствию. Возможно, она каким-то образом была связана с самим владельцем трактира. Они начали оживленный разговор о большой удаче кого-то по имени Роберт. Спустя какое-то время трактирщик указал на Хьюго, что-то сказал, понизив голос, а девушка обернулась и взглянул в сторону рыцаря.

И тут Хьюго почувствовал, как пытливый взгляд девушки буквально пронзает его, пригвозждая к месту, щеки его моментально запылали. Даже женщины в Акко, хоть и брили интимные места, не были так смелы, чтобы посмотреть незнакомцу в глаза, и Хьюго не привык, чтобы его рассматривали с таким неприкрытым интересом. К счастью, борода скрыла покрасневшие щеки.

Но не прошло и минуты, как девушка отвернулась от него и уставилась на Питера, который только-только набрал полный рот эля и едва ли им не подавился, заметив ее взгляд. А потом к ним подошел сам проклятый владелец трактира, явно знавший нахальную девицу и наблюдавший за этой престранной сценой. Он поинтересовался, не принести ли рыцарю чего-нибудь еще.

— Все, что угодно, для мужчины, вернувшегося с поля великого боя, — вот так он закончил свой вопрос, давая понять, что ему стало ясно — Хьюго вернулся со Святой земли. — Если вам понадобится что-нибудь, что захотите, только позовите.

Хьюго перехватил руку трактирщика прежде, чем тот успел отойти, и подтянул его к себе так, что его ухо оказалось возле рта рыцаря.

— Кто, — заговорил он глубоким голосом, заставлявшим людей повиноваться, — эта девушка в мужском платье?

Трактирщик явно удивился такому вопросу.

— Финн? — он посмотрел в сторону девушки, которая, слава богу, теперь глядела в другую сторону. — Вы о Финнуле? Мой брат, владелец трактира в Стивенсгейте, что чуть дальше по дороге, женат на ее сестре. Все знают Прекрасную Финн.

Как бы в подтверждение его слов, дверь трактира открылась, внутрь вошла старуха, просившая милостыню у постоялого двора, прошагала к девушке и подергала ее за рукав. С привычной, судя по всему, грацией Финнула вынула монетку и бросила ее старухе, которая поймала ее, издав счастливый возглас, а затем вновь удалилась на улицу.

— Видели? — улыбнулся трактирщик. — Как я и сказал, все знают Финнулу Крейс, дочь мельника. Она — лучший стрелок во всем Шропшире.

Этот ответ едва ли удовлетворил любопытство Хьюго полностью, однако он все же протянул трактирщику монету. Удаляясь к стойке и потирая руку, за которую Хьюго схватил его чересчур сильно, трактирщик взвесил монету на ладони и пристыдился. Чистое золото, какого он не видел... Ну, сказать по правде, никогда. Разглядывая неожиданно доставшееся богатство, владелец трактира случайно налетел на стул одного из посетителей, извинился и со смехом показал монету, объясняя свою оплошность. Двое пьяных за столом одобрительно засвистели, а девушка вновь посмотрела в сторону рыцаря.

Питер толкнул хозяина ногой под столом.

— Смотрите, — прошептал он. — Она смотрит сюда уже второй раз. Наверное, я ей понравился!

— Вставай, — решительно произнес Хьюго. — Мы уходим.

— Как? Мы ведь только пришли!

— Уходим, — повторил Хьюго. — Мы обращаем на себя слишком много внимания.

Бормоча себе под нос, Питер запихнул пару кусков хлеба с сыром в карманы, затем опрокинул в горло остатки эля из стакана. Хьюго оставил на столе несколько монет, даже не заботясь о сдаче, и прошагал к двери, мысленно приказывая себе не смотреть больше на загадочную девушку.

Но недалеко он успел уйти, его остановил чей-то хриплый голос:

— О, сэр? Вы, кажись, что-то оставили.

Хьюго даже не пришлось оборачиваться. Он уже слышал какой-то шум за спиной, но, подумав, что это трактирщик уронил монету и полез за ней под стол, не придавал ему значения. Но, как выяснилось, хозяин «Лисицы и зайца» не имел к этому никакого отношения.

Положив руку на рукоятку меча, Хьюго отчеканил, по-прежнему не поворачиваясь:

— Отпустите парня.

Двое пьяных головорезов лишь усмехнулись.

— Отпустить его, сэр? Ага, отпустим. Но за небольшую плату.

Вздыхнув, Хьюго повернулся. Он устал от насилия, ему надоели смерти. Он не хотел убивать двух деревенских увальней, вцепившихся в его слугу, как в добычу. Раньше он бы давно уже перерезал их горла и посмеялся бы над их глупостью, но те времена прошли. Он видел столько бессмысленных кончин во время крестовых походов, что теперь больше не собирался убивать людей, словно букашек.

Но это не означало, что он никого не убил бы, если бы его принуждали к тому.

Двое мужчин, которым трактирщик показал монету, теперь поднялись из-за стола, и тот, что был покрупнее, зажал шею юного Питера в своей гигантской руке. Питер же явно не ожидал нападения, его еще мальчишеское лицо скривилось от предчувствия возможного

ужасного конца. Его застали врасплох, за что он рисковал поплатиться головой.

— Не тревожьтесь за меня, сэр, — задохнулся он, пытаясь своими тоненькими ручками оторвать руку громилы от шеи. — Бегите, спасайтесь! Я не стою того, чтобы...

— Черт подери, — пробормотал Хьюго, возводя глаза к небу.

— Дик, — крикнул трактирщик, — оставьте его в покое. Никаких драк у меня в трактире!

— Если он подарит нам свой туго набитый кошелек, — усмехнулся тот, что поменьше, видно, это и был Дик, — никаких драк не будет, Саймон. Это даже можно будет назвать обменом, а, Тимми?

Громила слегка придушил Питера, от чего тот дернулся.

— Ага.

В следующий миг разом произошли три вещи. Питер внезапно осознал, что у него есть достаточно храбрости, чтобы впиться зубами в руку Тимми. Тимми взвыл и встряхнул парня, что было силы, показывая Хьюго, что не намерен так легко выпустить свою добычу. Дик же вынул кинжал и приставил его к груди Питера, беспомощно трепыхавшегося в руках сообщника.

Краем глаза Хьюго заметил, что трактирщик отступает за стойку и потихоньку сгибается в три погибели, чтобы стать незаметным для участников потасовки. Рыцарь выхватил меч из ножен и замахнулся на Дика, который немедленно отшатнулся в сторону, но затем с завидным бесстрашием метнулся вперед, прямо на Хьюго — и вот уже в следующее мгновение Хьюго Фитцстивен лежал на полу, а на его руке, сжимающей меч, восседал бандит Дик.

— Хороший у вас меч, сэр, — похвалил Дик оружие в руке рыцаря, ласково проводя по его горлу кинжалом. — Так что с деньгами?

Тем временем Тимми, в отместку за укус, таскал беднягу Питера за волосы, а тот пытался ухватиться хоть за что-нибудь. Трактирщик под шумок выполз из-за стойки и бочком подошел к столу, где Хьюго оставил несколько монет за еду.

Хьюго тяжело вздохнул. В его левом сапоге лежал хорошо заточенный кинжал, подходящий для таких случаев, как этот, и его лезвие легко вспорол бы горло Дику, но Хьюго не хотел заляпать кровью одежду. Боже милостивый, как он устал от смертей!

— Хорошо, — он снова вздохнул. — Забирайте.

Но в тот самый момент, когда Дик потянулся за кошельком, висевшим на поясе Хьюго, что-то со свистом пронзило воздух, зацепило рукав бандита и пригвоздило его руку к полу, аккуратно между ногами Хьюго. Сам рыцарь едва успел отдернуть ногу, иначе стрела (а это оказалась стрела) пронзила бы ее насквозь.

Стрела мирно покачивалась в полу. Дик хлопал глазами. Хьюго в недоумении разглядывал наконечник, вонзившийся в пол на добрые два дюйма. Пройди она под другим углом — и рука Дика была бы изувечена. Но стрелок рассчитал все как нельзя лучше.

Хьюго поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как девушка, которую трактирщик назвал «Финн», целится следующей стрелой в широкую спину Тимми. На этот раз она предупредила жертву прежде, чем атаковать.

— Отпусти парня, или я выстрелю тебе в спину.

Гигант застыл. Затем медленно отпустил руки, и Питер отскочил в сторону. Тимми обернулся, глядя то на Финн, то на своего дружка, прикованного к полу стрелой девушки.

— Это... — пробормотал он, — не стреляй, девчушка. Мы с Диком ничего такого...

Питер потер шею и застонал, перебивая и без того обрывчивую мысль бандита. Хьюго приподнял бровь. Слишком уж громко стенал его слуга, даже стыдно сделалось.

Рыжеволосая девушка опустила лук и подошла к Хьюго, ее миловидное личико было так же безмятежно, как если бы она забирала вещи у прачки. Она не обратила никакого внимания на скулящего рядом Дика, не взглянула и в сторону Хьюго, а лишь легко выдернула из деревянного пола стрелу.

Когда она была так близко к Хьюго, он не могу справиться с собой и разглядывал ее, стараясь запечатлеть в памяти нежную белую кожу, розовые губы и щечки, длинные темные ресницы, стройную фигуру. Обычно рыцарь не был так сражен присутствием женщины — скорее, наоборот — но теперь он впервые в жизни не знал, что сказать этой юной девушке, особенно, когда она была совсем рядом.

— Ага, — девушка коснулась острия кончиком пальца, — ну, хотя бы не напрасно пропала, — сказала она скорее себе, чем кому-либо еще, и слегка улыбнулась.

Дик с трудом встал на ноги, яростно ругаясь себе под нос и растирая руку, ранее прибитую за рукав к полу.

— Чертова рыжая ведьма, — взвыл он. — Ты чего влезла? Подумаешь, повеселились. Мы ведь просто шутили, так, Тимми? Просто подшутили над рыцарем, вот и все.

Но Финнула Крейс его не слушала. Она вернула стрелу в колчан и, бросив на Хьюго последний взгляд, вышла за дверь.

Хьюго немедленно вскочил с пола и, не обращая внимания ни на извергающего проклятия Дика, ни на трактирщика, собирающего раскатившиеся со стола деньги, понесся следом. Он вышел лишь спустя мгновение или два после девушки, но ее уже и след простыл. Он посмотрел в обе стороны дороги, надеясь увидеть ее хоть где-то, но она исчезла так же молниеносно, как и появилась.

Он ругал себя последними словами, когда Питер вышел из трактира.

— Вы видели это, мой лорд? — воскликнул он. — Я никогда не знал никого, кто так же хорошо владел бы луком! Она держала его, словно это продолжение ее руки. Вы видели?

Хьюго, все еще вглядываясь в полотно дороги, машинально кивнул. Парень либо не слышал его приказа, либо произошедшее выбило у него из головы все мысли.

— Она спасла нам жизни, милорд, точно вам говорю, спасла. Но почему? Такая девушка, что бы ей делать в трактире? Но она выстрелила в этого Дика... — тут голос его переменялся. — Милорд, что с вами? Что приключилось?

Хьюго мысленно выругался. Что приключилось? Кто такая Финнула Крейс, и почему она ввергла его в такой водоворот чувств одним лишь взглядом? Сотни женщин смотрели на него за всю его жизнь, но он никогда раньше не реагировал на их взгляды подобным образом. Нет, он, разумеется, с удовольствием затаскивал их в свою постель, после чего они оба приятно проводили время. Но что было такого в этой нелепо одетой рыжей малютке, за которой он почему-то готов был погнаться, точно мартовский кот?

— Пойдемте, сэр, — воскликнул Питер, — поспешим! Она не могла уйти далеко. Позвольте мне бежать за ней...

Рыцарь схватил парня за руку, чуть не сбив с ног.

— Ничего такого ты делать не будешь. Иди, забери лошадей. Мы уезжаем отсюда как можно скорее.

Питер разочарованно прищелкнул каблуками сапог. Он уже и забыл страх, в котором пребывал, когда его схватил тот огромный мужик в трактире, теперь его мысли занимала

лишь прелестная рыжеволосая девушка в мужских шосссах. Таких он никогда не видел в Лондоне, а в Лондоне ему встречались разные женщины — от полуобнаженных танцовщиц в трактирах до принцесс по крови. Но эта девушка сбежала, а его хозяин, хоть и сам тот еще ловелас, не за что не разрешит ему броситься на ее поиски.

— Вряд ли ее будет трудно найти, — проворчал Питер. — Она рыжая, да еще и одета заметно, ее заметят везде. Готов поспорить, мы встретим ее меньше, чем через час. Мы обязаны ей жизнью, милорд! Или, по крайней мере, деньгами...

Хьюго грозно кашлянул.

— А что, милорд? — неожиданно осмелел Питер. Он никак не мог понять, почему его хозяин не желает отправиться на поиски спасительница. — Вы думаете, она колдунья? И поэтому так отчаянно бежите от нее?

Хьюго смерил нетерпеливого парнишку взглядом, очень похожим на пытливый взгляд загадочной девушки, хотя ореховые глаза рыцаря становились золотистыми, когда он был в ярости, а сейчас как раз был этот случай.

— Нет, — отбрил он слугу. — Но она слишком много интереса проявила к нам, странствующему рыцарю и его глупому слуге.

— Ага, — с готовностью согласился Питер. — Мне понравилось ее внимание.

— Да, я заметил, — саркастически хмыкнул Хьюго. — Но чем мы можем быть интересны такой симпатичной девушке, которая и сама по себе явно не последняя из жителей деревни?

Питер, разумеется, ответил бы, что ее интерес был, безусловно, романтическим, но ему не хотелось казаться самовлюбленным хвастуном. Он сам был уверен, что причиной этого внимания был он, а не его хозяин. К чему такой прекрасной девушке интересоваться бородатым воякой чуть ли не вдвое старше нее, который даже одеться подобающе своему титулу не мог? А вот Питер носил золотую цепочку на шее и дорогую бархатную тунику, которая, конечно, никак не предназначалась для ночевки на траве, но подчеркивала его высокий статус. И что такого в том, что и цепочка, и туника были куплены хозяином? Девушке вовсе не обязательно забивать свою прелестную головку такими пустяками.

Но теперь, когда Хьюго Фитцстивен снова заговорил, Питер в очередной раз позавидовал его глубокому баритону.

— Я не хочу, чтобы на нас было обращено лишнее внимание, — пояснил рыцарь. — Хотя эти добрые люди уже успели серьезно нам помешать, мы все еще можем уехать и должны это сделать. Что же до девушки, то нет внимания хуже, чем острый глаз отца или брата невинной девицы.

— А, — хитро улыбнулся Питер, — я понимаю. Это как с той девушкой, что позвала своего сутенера, когда вы...

Хьюго окинул слугу мрачным взглядом.

— Нет, ничего подобного, — прогремел он, затем быстро взял себя в руки и уже гораздо спокойнее вновь приказал Питеру забрать лошадей.

Пока слуга ходил на стойло, глаза рыцаря путешествовали по горизонту, а в мыслях была одна лишь фигурка. Как эта девушка по имени Финнула научилась так управляться с луком? И почему она спасла его? Женщина определенно очень сильно изменилась с тех пор, как он уехал на войну. Они не только наряжались в мужское платье, но носили колчаны на плечах и стреляли в разбойников. Но, подумал рыцарь, возможно, девушка так одевалась потому, что хотела защититься... От мужчин, подобных ему, Хьюго Фитцстивену.

В дороге Хьюго то и дело усилием воли заставлял себя думать не о Финнуле Крейс, а о поместье и той работе, которая предстоит. Вероятно, его глупый кузен успел привести деревню и замок в упадок, а потому следует сделать очень и очень многое. Но дымчато-серые глаза никак не покидали разум рыцаря, а если бы он обернулся хотя бы раз, когда отъезжал от трактира, то увидел бы, как эти самые глаза буравят его спину. Финнула Крейс просчитывала свои ходы.

Глава 3

Финнула знала, что ей предстоит сделать. Она выбрала жертву, обезопасила ее от нападения других охотников за добром и теперь собиралась расставить силки. Но она размышляла о своем плане с тяжелым сердцем. Девушка не переживала за будущего пленника, она сердилась на себя и — как бы ей не было неприятно это признавать — на Меллану.

Она понимала, что ни за что не должна была соглашаться на эту глупую авантюру. Если Роберт прознает об этом, она точно не сможет сидеть не меньше недели... Или он, по крайней мере, попытается ее поймать. Финнула, хоть и устыжалась своих поступков иногда, не давала наказать себя просто так. Но и бросать тень на честь семьи ей не хотелось. Пусть они не были титулованы, пусть у них не было земель, но мельница принадлежала семье Крейсов уже много десятилетий и снискала им уважение в округе. Чтобы дочь Филлипа и Хелены Крейсов вдруг была замешана в подобной истории... Это казалось совершенно невыносимым. Что подумают люди?

И заверения Мелланы в том, что «все девушки Стивенсгейта то и дело ловят рыцарей, вернувшихся из крестовых походов, а затем требуют выкуп, чтобы купить хмеля и солода» были очень слабым утешением. Финнуле не было дела до остальных девушек Стивенсгейта, которые думали лишь о лентах да мужьях. Да и церковь тоже была против этих выходок, о чем Финнула и напомнила Меллане в тот день на кухне.

— Меллана, ты совсем потеряла рассудок, — колко заметила Финнула. — Конечно, остальные жители Стивенсгейта могут быть и язычниками, но...

— Язычество тут не при чем, — шмыгнула носом Меллана. — Изабелла Ларош делала это не один раз, и она...

— Изабелла Ларош — потаскуха и набитая дура, — терпению Финнулы приходил конец. — И не смей отрицать, Меллана, что она задерет юбку ради любого, кто носит шоссy. Боже правый, да она меня несколько раз принимала за парня и предлагала заглянуть к ней, выпить по кружке эля. Разумеется, для такой девицы похитить рыцаря и потребовать с него выкуп — повседневное дело, но ты прекрасно знаешь, что отец Эдвард рьяно выступает против подобных случаев.

— А ты прекрасно знаешь, что отец Эдвард не гнушается часов в обществе Толстой Мауд в ее доме, — прошипела Меллана.

Финнула, не найдясь с ответом, лишь пожала плечами. Меллана любила сплетни и всегда была в курсе самых интересных скандалов, вопрос лишь в том, кто ей рассказывал всю эту грязь. Наверняка это была чертова Изабелла. Но насчет священника Меллана была права, отец Эдвард был далеко не праведником, но все-таки был хорошим человеком и делал все, что мог, чтобы помочь бедным крестьянам, страдавшим от самоуправства Реджинальда Лароша. Видя, что никакие доводы не переубедят сестру, Финнула решила, что ей остается поверить в успех безумного плана.

— Ладно, — проворчала она. — Я поймаю тебе рыцаря, приведу его сюда, а ты уже

можешь сколько угодно требовать с него выкуп, забрать всю его добычу со Святой земли, заставить работать на себя — что угодно. Только не позволяй, прошу тебя, Меллана, не позволяй Роберту узнать об этом, — Финнула покачала головой. — Он убьет нас обоих.

Меллана просияла, поняв, что победила.

— О, об этом не тревожься. Роберт любит тебя больше всех нас, милая Финн. Он все тебе позволит.

— Ты не видела его после прихода шерифа, — вздохнула Финнула, опустив голову и глядя на тонкие пальцы. — Я привыкла расставлять ловушки животным, Меллана, как я поймаю человека?

Меллана, заполучив желанное обещание, уже мало интересовалась деталями.

— Господи, я понятия не имею, — пожалала плечами она, приглаживая пальцами волосы, чтобы в пристойном виде выйти к семье, которая праздновала помолвку Роберта. — Главное, чтобы он был не из Стивенсгейта.

— Что? — в серых глазах Финнулы плескалась тревога. — Не из Стивенсгейта? Ты хочешь, чтобы я привела тебе чужеземца?

— Ну конечно. Изабелла уже брала в заложники, наверное, каждого жителя соседней деревни. И из Шрюбери, и из Дорчестера. Их семьи точно не будут платить снова. К сожалению, чем больше делаешь что-то, тем быстрее оно теряет свою привлекательность.

Финнула не сдержалась и выплюнула в сестру парочку отборных ругательств, и Меллана, неприятно удивленная, поспешила присоединиться к празднованию, оставив младшую сестру гневно взирать на очаг.

Похитить человека родом издалека... Для этого, прикинула Финнула, придется проехать не меньше двух дней и остановиться в большой деревне. Лизбури, деревня, находившаяся как раз в двух днях езды, подходила как нельзя лучше. Финнула была там частым гостем, хозяин местного трактира, «Лисицы и зайца», был братом мужа Патриции, он часто закупался у нее мясом. Девушка не очень-то доверяла местным людям, судя по их виду, они вполне могли промышлять тем же самым захватом рыцарей и вытряхиванием из них выкупов, но... Чем черт не шутит. Во всяком случае, это далеко от Стивенсгейта, там нельзя наткнуться на земляка. Возможно, сначала стоит разведать обстановку.

Теперь же, увидев монету, что путник бросил Саймону в трактире, Финнула поняла, что выждать больше не нужно, подходящая добыча пришла к ней в руки сама. Конечно, этот человек не из Лизбури, Саймон сказал, что он, судя по всему, держит путь дальше, но у него были деньги и слуга, а значит, этот рыцарь неплохо устроился в жизни.

Разглядывая будущего заложника, Финнула заметила его ответный интерес к ней, который не имел ничего общего с ее интересом к нему. Девушка не считала себя красавицей, все же она не была Мелланой с длинными светлыми локонами и точеной фигуркой.

Но Финнула все же не могла не замечать внимание мужчин, обращенное на нее. Оно было ей не в радость, ведь именно ее превращение из угловатого подростка в прелестную девушку послужило причиной ее недолгого замужества. После этой истории Финнула поняла, что ее лук скорее не пугает, а напротив, вызывает к ней интерес.

Но в то же время ее привлекательность оказалась полезной. Шериф закрывал глаза на ее браконьерство, за ее мясо платили куда больше, нежели за мясо из лавки, трактирщики хвалились, что покупают кроликов и белок у Прекрасной Финн, лучшего стрелка во всем Стивенсгейте. Как Диана и Артемида, Финнула восхищала людей, нежели отпугивала их.

И теперь, ввязавшись в похищение мужчины, девушка собиралась использовать свою

красоту наравне с луком, в качестве оружия.

Высокому бородатому рыцарю она была интересна, Финнула заметила его взгляд, как только вошла в трактир. В его глазах были голод и желание чего-то недоступного, неудивительно, что его, при всей его собранности, все-таки сумели застать врасплах двое бандитов. Но он был из тех, кто учится на ошибках, и следующего преследователя не проморгает, а потому идти за ним по пятам нельзя.

А вот желание может быть тем самым слабым местом в его доспехах. Судя по тому, что рыцарь со слугой направились не по дороге, вскоре они встретятся в Финнуле в ее излюбленном месте охоты, графских лесах.

Когда высокий рыцарь и его слуга в спешке покинули Лизбури, за ними последовал третий спутник, которого они не заметили да и не могли заметить. Финнула следовала за ними на безопасном расстоянии, скрываясь в тени деревьев, а ее жеребец, выученный не хуже рыцарской лошади, шел бесшумно, точно луна по темному небосводу. Эта лошадь, названная Финнулой Вайолет, была сообразительнее многих животных и знала, как вернуться на мельницу, где прожила десять лет. Вдвоем Финнула и Вайолет были непобедимы, их можно было сравнить с талантливymi соучастниками одного и того же преступления.

Наблюдая за путниками, Финнула подмечала детали. Рыцарь одевался неброско, стараясь ничем не привлекать к себе взглядом, его простая, но добротнo скроенная одежда ничем не выдавала размеров кошелька, висевшего на поясе под туникой. Взгляд его, как Финнула успела заметить в трактире, был весьма впечатляющим, да и сама фигура очень внушительна — он был даже выше Роберта.

Его слуга едва ли мог быть достойным соперником. Среднего роста, он явно обожал наряжаться и всячески подчеркивать свой статус, уж кому-кому, а ему точно льстит компания такого рыцаря. С ним справиться будет куда легче, чем с его хозяином.

В отличие от многих охотников, которых знала Финнула, этот рыцарь не стремился убивать. Для большинства охота была бы игрой со смертью, а этот человек пошел бы в лес лишь в случае настоящей нужды, а не ради развлечения. В этом, неохотно призналась себе девушка, они были похожи — она тоже убивала не ради забавы, а ради выживания. Ей больше нравилось выслеживать и преследовать, нежели лишать жизни существо, она частенько отпускала из силков по глупости угодивших туда зайцев. Жестокие металлические силки Финнула не любила, и, наткнувшись на такую ловушку в лесах графа, немедленно закапывала ее в землю, зная, что старый лесничий, Том, не станет искать потерю.

Размышляя об охоте и наблюдая за рыцарем, Финнула поняла, что согласилась на затею Мелланы не только для из-за желания помочь сестре. Она не собиралась никому в этом признаваться, но охотиться на разумное существо было куда интереснее, нежели на зверя, чьи повадки и инстинкты можно легко просчитать. Это был вызов, достойный Прекрасной Финн, и она приняла его с гордостью.

Но, когда дорога, которой ехали рыцарь со слугой, свернула к Стивенсгейту, в душу Финнулы запало тревога. Нельзя было брать заложника в родных землях, настала пора торопиться. Если она не сделает решительного шага сейчас, кто знает, найдется ли еще такая же многообещающая добыча? Нельзя подвести Меллану, ведь она, Финнула, дала ей слово. К тому же, теперь она старше и мудрее, на этот раз все будет под ее контролем. Она будет ждать его и будет подготовлена.

Свернув в сторону, Финнула пришпорила Вайолет и поскакала вперед, чтобы опередить

путников.

Глава 4

Хьюго не знал, сколько еще сможет выносить непрерывное нытье слуги. Сперва Питер без конца говорил о девушке в трактире, а теперь о том, что его лошадь далеко не такая выносливая, как лошадь Хьюго, и ей нужен отдых. Коня для слуги рыцарь выбирал сам, и уж ему-то было известно, что он был точно таким же крепким, как и его собственный скакун, просто не так хорошо обучен. Нет, это Питеру хотелось отдохнуть, несмотря на то, что прошло всего полдня, погода была замечательной, а они ехали всего лишь несколько часов. За какие такие грехи Хьюго угораздило выбрать себе в услужение такого нытика? Почему этот парень не мог закрыть рот и ехать молча?

— Милорд, — жалобно позвал Питер, точно прочитав его мысли. Слуга ехал чуть поодаль от него. — Милорд, помедленнее. Мы ничего не ели с тех пор, как уехали из Лизбури, я вот-вот упаду в обморок от голода.

Хьюго возвел глаза к небу. Аппетит парнишки, как и его любовь к болтовне, был безграничен.

— У тебя в кармане есть хлеб и сыр, — проворчал рыцарь в самой угрожающей манере. — Можешь пока их погрызть, — тогда рот Питера будет слишком набит, чтобы продолжать бесконечный монолог. Или, вдруг подумал Хьюго и его лицо чуть просветлело, он может подавиться и задохнуться...

Но они наконец-то въехали на родные земли, и Хьюго больше не мог злиться. Вот холмы, по которым он скакал на маленькой лошадке лет двадцать тому назад, вот заросли, где он обжимался с девицей десять лет назад. До поместья по-прежнему оставалось около двух дней езды, но эти два дня предстояло провести в местах, которые Хьюго знал, как свои пять пальцев. Как же прекрасно было вновь оказаться дома после десяти лет скитаний по чужбине.

Когда они въехали в лесок святого Элиаса, раскинувшийся перед чередой холмов, Хьюго замешкался. Этот лес, точнее, роща, когда-то была излюбленным местом летних походов для многих братств. В детстве Хьюго и сам ходил туда в походы, а затем они с названными братьями спешили к озеру под водопадом, что был неподалеку. Воспоминания нахлынули, и рыцарю казалось — еще немного, и ему навстречу выбегут те самые мальчишки, одним из которых окажется он. Желание продлить момент ностальгии по безвозвратно ушедшему детству оказалось настолько сильным, что Хьюго, ни секунды не задумываясь, повернул к давно знакомой тропинке, ведущей к озеру. Это было замечательным пристанищем для путника, прибывшего издалека и покрывшегося дорожной пылью и потом.

Разумеется, Питер считал иначе.

— Идем купаться? — пробубнил он, увидев вдалеке озеро и водопад. — Что, и я тоже? Я родился и вырос в Лондоне, милорд, не забывайте. Что я знаю о плавании? Я не смог бы поплыть, даже если бы моя жизнь зависела от этого!

— Как удачно, — ехидно заметил Хьюго.

— Я говорю совершенно серьезно, милорд. Давайте я напою лошадей, пока вы плаваете, но сам в воду ни на гой. К тому же, чего ждать от ледяной воды? Сейчас только-только начался май, сэр, не июль. Холодок так и пощипывает...

Это было совершенно не так, но у Хьюго не было никакого желания спорить. Он прищпорил коня и понесся к озеру. Давно знакомое местечко ни капли не изменилось за последние десять лет, рыцарь мог закрыть глаза, представить картину, затем взглянуть в том

направлении и увидеть тот же пейзаж, что сохранился в его памяти. Единственным дополнением к безмятежной тишине озера и шуму падающей воды было бормотание Питера, догнавшего хозяина и неуклюже сползавшего со своей лошади. Вот он твердо встал на ноги и увел лошадей на водопой к другому краю озера. Хьюго остался один.

В золотом полуденном свете каждый лист на деревьях был виден четко и ясно, вода переливалась кристальной чистотой. Древесный запах ласкал обоняние усталого рыцаря. Давно же он не чувствовал аромата родины. Лишь в этот момент, сидя на мягкой зеленой траве в рощице святого Элиаса, Хьюго понял, как сильно тосковал по дому.

Глядя на причудливый танец бликов на глади озера, Хьюго прилег на ложе из фиалок и вдохнул полной грудью. Как в детстве он лежал на траве у самого края воды и смотрел вверх, разглядывая листву и слушая шум воды. Успокаивающие всплески баюкали, напевая свою колыбельную, и рыцарь боролся с желанием задремать.

И вдруг в давно привычном пейзаже мелькнула яркая вспышка, совершенно непохожая за зеленую прохладу листвы и теплое золото деревьев.

Это была девушка из трактира.

Он узнал ее моментально, несмотря на то, что теперь на ней не было ни шоссов, ни туники, ни рубашки. Ее рыжие волосы, свободно ниспадавшие по плечам, золотом переливались в солнечном свете, а кожа, казалось, светилась изнутри, точеная аккуратная грудь могла бы поместиться в мужскую ладонь, длинные стройные ноги притягивали взгляд своим изяществом, талия была так тонка, что Хьюго мог бы обхватить ее руками и соединить пальцы посередине, а ее ягодицы, как рыцарь заметил еще в баре, и в самом деле были в форме сердечка.

Он наблюдал за ней, когда она подходила к воде, откидывала волосы за спину, потягивалась и, наконец, с божественной грацией спустилась в прохладную воду. В этот момент Хьюго вдруг понял, что затаил дыхание, чтобы не нарушить очарование момента. Лежа на траве и не шевелясь, он лихорадочно думал, что же ему делать дальше. Он ужасно боялся, что испугает девушку, и она исчезнет уже навсегда.

В том, что она сбежит, если он раскроет свое присутствие, Хьюго ни минуты не сомневался. Он готов был охранять и защищать ее от всех опасностей, что таил в себе лес. Может, у нее и был с собой лук, но теперь она не могла бы им воспользоваться, а значит, его покровительство ей будет только на пользу. Но, как и любая другая девушка, она не будет рада, если узнает, что незнакомец подглядывал за ней, стараясь остаться незамеченным. Именно поэтому, чтобы не вызвать гнева прекрасной девушки, Хьюго даже дышать боялся.

Рыцарь смотрел на обнаженную девушку в воде, все его мысли смешались. "Кто она?" — спрашивал он себя снова и снова, хотя ответ уже был ему известен: Финнула Крейс, дочь мельника. Хьюго знал эту семью, жившую неподалеку от его имения. Но мельник... Как отец мог позволить девушке бродить одной по деревне, да еще и идти к озеру? Рыцарь дал себе слово, что, как только прибудет в поместье, отправит к дому мельника верного человека, который сможет обеспечить безопасность девушки. Неужели ее отец не подозревает, сколько головорезов и бродяг поджидают юных девушек в округе?

Погрузившись в раздумья, Хьюго и не заметил, что девушка скрылась из виду. Каскад водопадов скрывал за собой скалы, и рыцарь предположил, что Финнула нырнула в воду, желая вымыть волосы.

Замерев в ожидании появления девушки, Хьюго размышлял, по-рыцарски ли он поступает, желая незаметно уползти отсюда, а затем как бы случайно встретиться с ней на

дороге и предложить проводить ее до дома, в Стивенсгейт. Но позади послышался какой-то тихий шум, и к горлу оказалось приставлено острое лезвие, а на спину ему сел кто-то легкий. Воинский инстинкт требовал нанести противнику удар и лишь затем поинтересоваться его личностью, но Хьюго усилием воли заставил себя этого не делать.

Никогда раньше он не чувствовал такой тонкой руки на своей шее, никогда прежде его спины не касались такие невесомые бедра, голова никогда раньше не ощущала чего-то столь же мягкого и соблазнительного.

— Не двигайся, — приказала похитительница рыцарю, наслаждающемуся теплом ее бедер и мягкостью ее груди, касавшейся его затылка. — У твоего горла нож, — хриплым мальчишеским голосом продолжала девушка, — но он мне не понадобится, если ты будешь делать все так, как я скажу. Слушайся меня — и не страдаешь. Ты понял?

Не знай Хьюго, кто оседлал его, он бы немедленно сбросил напавшего, но этой девушке он не мог и не хотел причинить боли. Он лишь попытался вытянуть руки, чтобы убрать из рукава спрятанный там нож, но девушка резко ткнула его в плечо, и он от неожиданности выронил нож прямо в сияющую гладь воды.

— Я ведь велела тебе не двигаться! — крикнула маленькая хватчица, по-прежнему сидя верхом на спине Хьюго. Мысленно восхищаясь тонкой стопой (единственной частью тела, доступной его взору), рыцарь решил, что ему нужно извиниться. Ведь девушка имела полное право сердиться: она пришла искупаться вдали от любопытных глаз. Но, хоть ее близость и доставляла ему наслаждение, он, Хьюго, был причиной ее гнева. Надо успокоить девушку и проводить к дому, где она будет в безопасности и ей не придется обезоруживать мужчин, запрыгивая к ним на спины.

— Я приношу свои искренние извинения, юная леди, — начал Хьюго серьезным тоном, хотя ему было трудно удержаться от смеха. — Я имел неосторожность наблюдать за вами в час вашего уединения, и за это просто обязан просить прощения.

— Конечно, я подозревала, что ты простак, но и подумать не могла, что ты окажешься настолько глуп, — к удивлению Хьюго отозвалась бесстрашная девчонка. Как ни странно, в ее голосе тоже слышались нотки веселья. — Разумеется, я хотела, чтобы ты «наблюдал за мной», — она убрала нож, и, быстрее, чем Хьюго успел сообразить, что происходит, его руки оказались связаны за спиной. — Теперь ты — мой пленник, — Финнула Крейс явно была довольна проделанной работой. — Чтобы вернуть свою свободу, тебе придется заплатить. Щедро заплатить.

Глава 5

Хьюго едва поверил своим ушам.

— Что? — тупо переспросил он.

— Ты меня слышал. Ты мой пленник.

Отвечая на его вопрос, девушка неспешно пробежала пальцами по его телу, и Хьюго почувствовал, что меч больше отягощает пояса. Затем она неторопливо стащила с него сапоги и надела обратно, предварительно забрав кинжал, которым Хьюго так гордился и считал совершенно невозможным его обнаружение. Затем она снова уселась на него.

— И твой слуга тоже, — продолжила она свою речь. — В смысле, он тоже мой пленник. Он угодил в одну из моих ловушек на дереве минут пятнадцать назад. Странно, что ты не слышал, как он вопил. У него тот еще характер... С тобой куда легче.

Хьюго принял это за комплимент, мимоходом разглядывая девушку. Выбравшись из озера вдали от его глаз и вскарабкавшись по скалам на берег, она успела надеть шоссы и

накинуть рубашку, которую, однако, не потрудилась застегнуть. Легкая ткань касалась его щеки, и Хьюго размышлял, что у этой девушки, должно быть, нет трудностей с чрезмерной скромностью — но вот вопрос, что за женщина будет так себя вести и зачем?

Он вернулся на родину, но все изменилось куда больше, чем он предполагал. Девушки стали одеваться в мужское платье, нападать на мужчин и брать их в плен ради выкупа. Конечно, он провел десять лет вдали от Англии, но даже предположить не мог, что за время его отсутствия все перевернется с ног на голову. Почему десять лет назад девушки краснели, поймав на себе мужской взгляд, а теперь не стесняются выходить к ним полуобнаженными, да еще и приставляют ножи к горлу?

Тут ему в голову пришла ужасная мысль, и он выпалил свой вопрос прежде, чем успел хотя бы задуматься.

— Те люди в трактире, вы работаете с ними?

Девушка презрительно фыркнула.

— Дик и Тимми? Разумеется, нет. Тупее них не сыскать. Но я просто не могла позволить им взять то, что собиралась забрать сама.

— Так вы хотите сказать, — медленно начал Хьюго, — что вы... Что все это было продуманно?

— Конечно, — откликнулась девушка слегка удивленно. — Я увидела тебя в трактире и решила, что ты станешь хорошей добычей. Не знаю, что делать с твоим парнишкой. Он слегка раздражает, тебе не кажется? Но неважно, мы что-нибудь придумаем.

Хьюго лежал под ней, с трудом осмеливаясь поверить в свою удачу. В свое время его преследовало великое множество женщин, они были гораздо красивее Финнулы Крейс, куда образованнее и утонченнее. Но ни одна из них не была так же привлекательна для него, как оказалась сейчас эта девушка. Она открыто заявила, что он нужен ей лишь ради денег, она не собиралась прибегать к соблазну, желая заполучить его. Его похищение было для нее всего-навсего игрой, и это открытие так поразило Хьюго, что он вот-вот мог бы рассмеяться.

Каждая женщина, которую он знал, как в буквальном, так и в библейском смысле, преследовала единственную цель — стать хозяйкой поместья Стивенсгейт. Хьюго ничего не имел против женитьбы, но в то же время чувствовал, что ни с одной из тех женщин не смог бы прожить остаток своей жизни. А теперь перед ним простая девушка, желавшая лишь получить выкуп за его свободу. Она была словно порыв свежего ветра, что снова мог вдохнуть в него веру в женщин.

— Итак, я твой заложник, — повторил он, обращаясь к камням под собой. — Но почему ты так уверена, что я смогу заплатить выкуп?

— Ты считаешь меня дурочкой? Я видела, какую монету ты кинул Саймону из "Лисицы и зайца". Не стоило так размахивать своей добычей. Но тебе повезло, ты достался мне, а не друзьям Дика и Тимми. У них весьма сомнительная компания, знаешь ли. Тебе не поздоровилось бы.

Хьюго невольно улыбнулся. Он переживал о безопасности девушки, переживал из-за неожиданной встречи с ней в трактире, но и понятия не имел, что все это имело непосредственное отношение к нему.

— Чему ты улыбаешься? — поинтересовалась девушка, соскальзывая, к сожалению, с его спины и тыкая его пальцем в бок. — Поднимайся и перестань веселиться. В том, что ты у меня в плену, нет ничего забавного. Да, я не слишком-то похожа на похитительницу, но ты видел, что произошло в трактире, и уже должен был бы уяснить, что я — лучший стрелок во

всей деревне.

Приподнимаясь, Хьюго пошевелил руками. Девушка связала их на славу, узел был крепким, но кровотоку не мешал, руки не онемели.

Подняв глаза, Хьюго смог наконец разглядеть напавшую на него девушку. Она сидела на его ногах, буйные рыжие кудри спускались до самых фиалок под ее коленями, а незаправленная рубашка прилипла к влажному телу так, что через тонкую материю видны были аккуратные соски. Брови Хьюго так и взлетели от удивления. Должно быть

Поднимая свой пристальный взгляд, он увидел, что его колени захвачены ее ногами, ее чудесное бледное лицо увенчано дикими красными кудрявыми локонами, волосы были так длинны, что их конец касался фиалок под ее коленями. Ее рубашка была незаправлена и местами прилипла к ее влажному телу так, что грудь просвечивала через тонкую материю.

Мужчина был удивлен. Должно быть, девушка понятия не имела, какой сногшибательный эффект оказывает на него ее вид. Но, не осознавая свою наготу, Финнула становилась даже еще привлекательнее.

— Так, — задумчиво сказала она, а в ее голосе не было ни тени заигрывания. — Поскольку нам придется провести много времени вместе, мне стоит представиться. Я Финнула Крейс.

Мужчина не смог удержаться от широкой улыбки, но изо всех сил постарался сжать губы.

— А ваш отец знает, что вы бродите по лесам, отлавливаете невинных людей и требуете от них выкупа за свободу, Финнула Крейс?

— Разумеется, нет, — ядовито отозвалась она. — Мой отец умер.

Уголок рта Хьюго, поползший было вверх в ироничной улыбке, замер и опустился вниз.

— Да? Но кто же тогда приглядывает за вами?

— Я сама приглядываю за собой, — без капли сомнения ответила она. Затем, скорчив забавную рожицу, она подумала и слегка подправила свое заявление. — Мой старший брат, Роберт, пытается за мной приглядывать. Но нас шестеро...

— Шестеро — кого?

— Шестеро сестер. И для него это нелегко...

— Боже правый, — воскликнул Хьюго, — неужели вы хотите сказать, что дома вас ждут еще пятеро таких же, как вы?

— Конечно же, нет. Я младшая. Четыре сестры уже замужем, а пятая, Меллана, тоже очень хотела бы, вот только... — тут она замолчала, подозрительно глядя на него. — Послушай-ка, — Финнула нахмурилась. — Ты меня так просто не отвлечешь. Это я задаю вопросы. Так что расскажи-ка мне о себе.

Хьюго помедлил с ответом. Если он скажет ей правду, девушка непременно узнает его. В конце концов, ее семья живет в его графстве, с ее стороны было бы очень неблагодарно — и глупо — брать в плен собственного лорда, она будет в ужасе, если поймет, что натворила. Нет, он не станет рисковать и рассказывать ей правду. Ему просто повезло, что он попал в руки этой девушки, а не головорезов с большой дороги.

— Черт подери, — нетерпеливо возмутилась Финнула, — я лишь спросила, как тебя зовут. Если ты пытаешься придумать грандиозную ложь, лучше подумай еще раз. Вранье тебе ничем не поможет.

— Хьюдж Фитцуилльям, — выдал Хьюго, а затем сказал, что он сын лорда из графства возле Кэтербери, что находилось прямо за Стивенсгейтом. Финнула кивнула, словно и сама

была в этом уверена.

— И ты вернулся из крестового похода, — она коснулась подбородка, как бы показывая, что именно его борода навела ее на эти мысли. Хьюго хотел побриться, но его то и дело отвлекали другие, более интересные дела. — Ты был в плену?

Он кивнул.

— В Акко, чуть больше года.

Если он надеялся на ее снисхождение в ответ на его скорбный тон, его ждало разочарование. Эта девушка едва ли стала бы выказывать какие-то свои чувства, чем разительно отличалась от большинства женщин, которых ему довелось знать.

— Ну, — весело подытожила она, — уверена, твоя жена будет рада заплатить за твое возвращение, особенно, когда ты уже так близок к дому. И тебе не нужно тревожиться, я не спрошу с нее многого.

Хьюго широко улыбнулся.

— Я не женат.

Финнула пожала плечами.

— Тогда твой отец.

— Покоен.

Услышав это, Финнула заметно поникла духом, Хьюго даже пришлось подавить желание рассмеяться. Она столько всего сделала, чтобы взять его в плен — а у него нет родственников, которые могли бы заплатить за него выкуп.

— И что мне с тобой делать? — поинтересовалась она. — Я же не могу все время таскать за собой здорового мужика. Должен быть кто-то, кто захочет увидеть тебя вновь. Думай. Неужели нет никого, кто готов пойти на сделку, лишь бы ты вернулся?

Хьюго смерил ее взглядом. Определение «здоровый мужик» не очень-то пришлось ему по вкусу, Он привык слышать от женщин совершенно другие вещи, комплименты — много комплиментов — были ему куда приятнее. И что значит «таскать за собой»? Это прозвучало так, словно он, Хьюго, был каким-то контуженным или блаженным, а не вполне себе привлекательным, крепким и мужественным лордом графства.

— Мне жаль разочаровывать вас, мадам, — холодно ответил он, выдержал паузу, а затем, желая слегка успокоить девушку, заговорил вновь. — У меня есть кузен, которому было поручено заплатить за меня любую цену, если я попаду в плен.

— О, тогда все в порядке, — Финнула повеселела. — Это очень хорошо.

Она наградила его улыбкой, такой солнечной и теплой, что Хьюго и забыл о том, как его задели ее слова. Разглядывая лицо девушки, рыцарь так увлекся, что до последнего не слышал ни приближающихся шагов, ни шелеста травы.

Буквально из ниоткуда вдруг возник его слуга. Питер налетел на Финнулу, сбрасывая ее на землю с хозяина, а затем, навалившись на девушку всем весом своего далеко не худощавого тела, закричал:

— Бегите, милорд! Это ваш шанс!

Хьюго никогда не преисполнялся такой ярости, как сейчас. Из всех возможностей проявить себя его бестолковый слуга выбрал нападение на беззащитную девушку, не больше, не меньше! Издав гневный возглас, рыцарь попытался подняться на ноги (что было не так-то просто сделать со связанными руками).

— Отойди от нее! — рявкнул он. — Ты, безмозглый идиот, она же лишилась чувств!

Питер в недоумении закусил нижнюю губу, непонимающе глядя на хозяина.

— Простите, сэр, — пробормотал он. — Но я думал, вы в опасности. Я угодил в ловушку, там, в лесу, эта чертовка подвесила меня на добрых пять футов над землей, я только-только сумел перерезать веревку и сразу прибежал к вам, я подумал, что...

— И ты подумал, что я в смертельной опасности по милости этой девушки? Слезь с нее, я сказал!

Питер неловко перекатился на траву, а Хьюго упал на колени возле лежавшей без сознания Финнулы и взгляделся в ее бледное лицо. Видимых признаков повреждений видно не было, никаких камней поблизости не было, и Хьюго слегка расслабился. Должно быть, она потеряла сознание от неожиданного падения и скоро придет в себя.

— Иди, наполни флягу водой, — приказал он, — потом побрызгаешь ее лицо. Если она не очнется в ближайшее время, ты дорого за это заплатишь.

Трясаясь от гнева в голосе рыцаря, Питер побежал выполнять приказ. Он наполнил флягу прохладной водой и смочил губы девушки и ее лоб. Бледность понемногу покидала ее лицо, на щеках появился румянец, ресницы дрогнули.

— Но я не понимаю, — переживал Питер, — я видел, что ваши руки связаны, оружия нет, и подумал, что нас преследовали те грабители из трактира, а она с ними заодно.

— Нет, — ворчливо перебил его Хьюго. — Она взяла меня в плен сама, честно и без чьей-либо помощи. Для меня будет честью заплатить ей выкуп...

— Выкуп! — возопил слуга, не дав хозяину договорить. Он посмотрел на лежавшую без сознания девушку и покачал головой. — Я, конечно, слышал о таком, но не думал, что это правда...

— Слышал о чем? — Хьюго оборвал его речь, теряя терпение. — Говори сейчас же, баран, или я...

— Я слышал об этом в Лондоне, — напугано проблеял Питер. — Ходят слухи, что деревенские девушки пленяют рыцарей, а затем просят выкуп за их освобождение и покупают на эти деньги ингредиенты, чтобы варить эль.

— Эль! — воскликнул Хьюго, и его возглас достиг ушей девушки, которая тихонько застонала.

— Да, сэр, — закивал Питер, — они продают его и получают еще большую прибыль, копят эти деньги в качестве приданого.

— Никогда не слышал подобной чепухи, — заметил Хьюго. В самом деле, с каждым моментом он удивлялся переменам в родной стране все больше и больше.

— Ну, — пожал плечами слуга, — другой причины, по которой она стала бы рисковать жизнью, я не вижу.

— Она и не рисковала жизнью, пока ты не влез, — обвиняюще бросил рыцарь. — С ее головы не упало бы и волоска, уверен, она знает, что меня ей не нужно бояться.

— Но я не понимаю...

— Конечно же, ты не понимаешь. А теперь слушай-ка меня, пока она не пришла в себя. Ты отправишься в Стивенстейт и будешь ждать весточки от меня. Скажи моему кузену, что я задерживаюсь, но скоро буду дома. И ни при каких обстоятельствах об этом не должен знать шериф, — Хьюго взглянул на Финнулу в тот самый момент, как ее ресницы задрожали, серые глаза распахнулись, и девушка огляделась по сторонам.

Внезапно девушка вскочила на ноги и бросилась к Хьюго, приставила нож к его шее. Стоя на коленях, рыцарь был лишь на голову ниже ее, выпрямившейся в полный рост, и он слышал бешеный стук ее сердца.

— Так я и знала, что надо было проверить твои сапоги, — сердито сказала она ошеломленно моргавшему Питеру. — Вот только посчитала, что ты слишком глуп, чтобы припрятать нож. Но он у тебя был, и ты выбрался из ловушки, не так ли?

Хьюго не без удовольствия отметил, что впервые за все время знакомства с Питером видит, что болтливому парню нечего сказать в ответ. Слуга лишь глупо кивнул.

— Ну что же, — Финнула подтянула к себе Хьюго, чтобы лучше видеть Питера, — теперь тебе лучше не подходить ко мне, иначе я его зарежу.

Очевидно, что это было ложью, и ее увидел бы здесь всякий, кто хоть раз взглянул бы на это ангельское личико, но Питер, вспомнив трактирских грабителей, решил не двигаться с места. К тому же, лорд Хьюго уже отдал ему приказ, которого Питер не осмелился бы нарушить. Больше он никогда не поставит под сомнение свою верность.

— Я сделаю... Все, что вы скажете, — сказал он, — я прошу простить меня за то... За то, что толкнул вас. Вы не... Все в порядке?

Финнула вцепилась в Хьюго еще сильнее и уже могла бы задушить его. Похоже, эта девушка не старалась рассчитывать усилия, думал рыцарь медленно крутя головой то в одну сторону, то в другую.

— Ты — слуга сэра Хьюджа? — требовательно спросила она, и Питер, явно удивленный внезапной сменой имени хозяина, кивнул. — Хорошо. Тогда иди... — она помолчала, вспоминая. — Так откуда вы родом, сэр?

— Ты знаешь, куда идти, мальчик, — поторопил события Хьюго, чтобы глупый Питер случайно не испортил все дело, не к месту ляпнув «Стивенсгейт».

— И скажи, — добавила Финнула, — что я обязательно напомню о выкупе, если они вдруг забудут. А что касается шерифа де Бриссака, — она нахмурилась, — то у него есть дела поважнее, и незачем отвлекать его по пустякам.

Рыцарь с интересом прислушался к изменениям в ее тоне. Говоря о шерифе, девушка явно старалась скрыть какое-то чувство, но что это было? Раздражение, может, злость? Видимо, раньше она уже имела дело с этим шерифом. Интересно, вдруг задумался Хьюго, скольких еще мужчин успела похитить Финнула Крейс? Исходя из того, что ему пока что довелось понять, немногих. Тогда почему ее голос звучал так, словно она не хотела *снова* попадаться на глаза шерифу? Что она успела натворить?

— Да, мадам, — почтительно кивнул Питер, отступая назад. — Никаких донесений шерифу, не беспокойтесь об этом.

— Тогда иди, — отмахнулась от него девушка, и слуга понесся прочь со скоростью ветра.

Финнула не отпускала Хьюго, пока парень не скрылся из виду, и лишь когда топот копыт его лошади стих, отошла от рыцаря, но перед ним так и не появилась. Мужчина обернулся и увидел, что девушка села на каменистый спуск к воде, обхватив себя руками. Теперь она не походила на Диану-охотницу, а снова стала хрупкой девушкой, нуждавшейся в защите и неспособной причинить кому-либо вреда.

По-прежнему стоя на коленях со связанными за спиной руками, Хьюго мысленно осыпал слугу проклятиями. Глупый Питер! Он, Хьюго, никогда бы не простил его за это нападение на девушку, и обязательно накажет его, да посуровее, как только окажется в поместье.

— Как вы себя чувствуете, мисс Крейс, — вежливо спросил он. — Я могу вам чем-то помочь?

Финнула обернулась, слегка скривившись от боли.

— Ерунда, — упрямо передернула плечами она, — пройдет.

Хьюго сразу понял, что девушка ранена куда серьезнее, чем говорила. Вот только она слишком горда, чтобы это признать.

— Покажите.

— Нет, — она покачала головой и отвернулась. — Я уже сказала тебе: это ерунда. Вставай, нам пора идти, иначе не успеем до ночи. На этих дорогах небезопасно разгуливать в темноте.

С этими словами она начала было подниматься, но боль была слишком сильной, и это так бросалось в глаза, что терпение Хьюго лопнуло, и он отчитал девушку так же, как недавно своего слугу.

— Глупая девчонка, тебе же больно! Развяжи мне руки и дай посмотреть, что с тобой. Я не убегу от тебя, ведь ты взяла меня в плен честно. Я буду играть по твоим правилам, неважно, связан я или нет. А теперь развяжи меня!

Но ответ Финнулы был таков, словно эта девушка была его женой и разговаривала с ним, как с старым супругом.

— Не смей мне приказывать! Я тебе не служанка, чтобы ты мною командовал. Ты — мой пленник, а не наоборот!

Сраженный ее крутым нравом, Хьюго не нашелся с ответом. Никогда прежде женщины не говорили с ним так раздраженно. Эта девушка не боялась его и легко могла поставить словом на место. Раньше ему не доводилось разговаривать с обладательницей такого характера, но мужчина уже понял, что будет попытки запугать ее будут так же бесполезны, как и попытки соблазнить. Может, она откликнется на логические доводы?

Хьюго вновь заговорил, на этот раз терпеливее.

— У меня на шее шелковый шарф. Сними его.

Девушка уставилась на него круглыми от удивления глазами.

— Я не стану этого делать.

— Сними, говорю тебе. На нем неограниченный драгоценный камень, он стоит больше, чем ты хотела за меня потребовать. Его подарила мне дочь египетского султана.

— И отравила его каким-нибудь ядом, а ты теперь собираешься убить им меня, — фыркнула Финнула.

— Ты что, так же глупа, как мой вечно ноющий слуга? Ничего подобного я не хотел. Снимай его, я сказал.

Девушка колебалась, подозрительно на него глядя, и Хьюго, не выдержав, рявкнул:

— Давай уже!

— Не смей говорить мне, — взвилась она, — что делать! Если ты не перестанешь мной командовать, я заткну тебе рот кляпом!

Хьюго уже готов был наорать на нее, высказав все, что думает о ее глупости и беспочвенных подозрениях, но тут девушка шагнула в его сторону — и сняла шарф. Большой неограниченный изумруд, вшитый в ткань, тяжело упал в ее ладонь, и она разглядывала его, слегка приоткрыв рот.

— Он твой, — тихо сказал рыцарь, измотанный перепалкой. — Пока выкуп за меня не заплачен. Возьми его, Финнула. Если я сбегу, ты оставишь его себе и сделаешь с ним все, что пожелаешь. Продав, — добавил он, — ты получишь много денег на солод и хмель.

Девушка слегка нахмурилась, пристальный взгляд прожег его насквозь.

— Как ты узнал?..

— Развяжи меня.

— Но...

— Развяжи меня. Сейчас же.

Не сводя дымчато-серых глаз с его лица, девушка аккуратно убрала шарф за пазуху, затем достала нож и, обойдя рыцаря, разрешила путы на его руках. Освободившись, Хьюго встал на ноги и взглянул на нее сверху вниз. Финнула, достигавшая едва ли его локтя, не обращала на его взгляд никакого внимания. Мужчина снова задался вопросом, что же она за человек? Быть может, ее брат знает, что за дела она проворачивает в лесах, но почему-то не предупреждает ее о том, что это может быть опасно. Глупый мальчишка! Ведь далеко не каждый путник поступит с его сестрой по чести и будет принимать ее интересы, как свои собственные.

— Покажи, где болит, — сказал он твердо. В спокойствии девушки было что-то, сводящее Хьюго с ума. Он не знал, чего ему хотелось больше — ударить ее, как несмышленища, или поцеловать.

Не произнося ни слова, девушка подняла рубашку так, чтобы правая грудь по-прежнему была скрыта под легкой тканью. На ребрах уже зацветал большой синяк, и, когда Хьюго осторожно коснулся этого места, Финнула отскочила в сторону, безмятежность с ее лица исчезла бесследно.

— Можно? — вежливо спросил Хьюго.

Она презрительно смерила его взглядом.

— Да что ты знаешь о лечении?

— Разве у тебя есть выбор? — осведомился он тем же тоном. — Я не вижу поблизости твоих сестер, а ты?

Закусив нижнюю губу, Финнула кивнула и закрыла глаза, защищаясь от боли — или, возможно, от унижения, вызванного его прикосновением, подумал Хьюго.

Он легонько прикоснулся к ушибленному месту, ощущая такую мягкость кожи, какой ему не доводилось чувствовать под пальцами никогда. Под шелковистой кожей скрывались рельефные мышцы, он почувствовал это сразу. Правое ребро пострадало из-за падения на землю, но сломано оно не было, просто ушиблено. Хьюго видел много ранений и мог с уверенностью сказать, что девушке нечего опасаться.

Но впервые его пациенткой оказалась такое миловидное создание.

Старательно скрывая желание провести руками по талии девушки и притянуть ее к себе, Хьюго спросил:

— Вдыхать больно?

Отвернувшись так, что взору рыцаря была доступна лишь ее щека, Финнула откликнулась:

— Слегка. Это ребро?

— Да.

— Сломано?

— Думаю, нет, — как можно спокойнее произнес Хьюго. — Но на нем большой синяк. Однако, готов поспорить, для такой храброй и сильной молодой женщины это даже не рана...

Серые глаза взглянули в его и подозрительно сощурились.

— Вы надо мной издеваетесь, сэр? — осведомилась она.

— Я? Издеваюсь над такой великолепной охотницей? Да я бы ни за что не посмел!

Ее бледные щеки вспыхнули румянцем.

— Вы пожалеете о своих шуточках насчет моей охотничьей сноровки, сэр, когда я поужинаю сегодня кроликом, а вы останетесь с носом.

— Вот как. Но, раз уж вы берете пленных, в ваших интересах хорошо их кормить, — увидев, что ее брови медленно ползут вверх, Хьюго, не сдержавшись, усмехнулся. — И укладывать спать в уютную постель.

На губах девушки заиграло подобие улыбки.

— О, не волнуйтесь, вас ждет прекрасное ложе, сэр, — заверила она его. — Разделите его с лошадьми, в стойле.

Хьюго широко улыбнулся в ответ.

— С вашего позволения, я предпочел бы держаться от них в стороне.

Финнула лишь покачала головой, неудержимо напоминая Хьюго ту дочь султана, что подарила ему шарф с изумрудом. Ее движения были так же грациозны и изящны. Да и сама она была красавицей... Но лука у нее определенно не было.

Аккуратно опустив ее рубашку, Хьюго задумался. Девушка согласилась, чтобы он осмотрел ее, но удастся ли ему уговорить ее принять что-то, что могло бы облегчить боль?

— У меня в дорожной сумке есть маковая настойка, — безо всяких хождений вокруг да около сказал он. — Пара капель унимет боль. Быть может, вы выпьете немного?

Финнула окинула его недоверчивым взглядом.

— Вы принимаете меня за дурочку? Я знакома с женщинами, выпившими «пару капель» этой настойки, а потом не помнивших, что делали в последние двадцать четыре часа. При этом вся деревня знала, что минувшей ночью такая дама могла голышом прыгать в колодец.

Хьюго прекрасно знал, что в появлении этого синяка виноват он. Ему нравилась идея напоить Финнулу, но не мог же он себе позволить еще и поставить ее в такое положение. К тому же, у нее ведь есть брат, о котором нельзя было забывать.

— Нет, — легко улыбнулся он, — я бы и не дал вам выпить столь. Лишь немного, чтобы снять боль.

Она ему не доверяла, и это было ясно, как день, но какой выбор был у девушки, оказавшейся так далеко от дома, да еще и пострадавшей? Хьюго даже рассердился на этого неизвестного Роберта, который совсем, видно, не обращал внимания на своих сестер и позволял им гулять по деревням, одеваться в мужское платье и при этом быть совершенно незащитными. Он обязательно поговорит по душам с этим Робертом Крейсом, как только вернется домой. Пожалуй, надо открыть ему глаза на то, что происходит у него в семье.

Неожиданно Финнула согласилась принять лекарство, чтобы «он, наконец, заткнулся». Проглотив ядовитый ответ, Хьюго подозвал своего скакуна и снял с седла дорожную сумку, а затем, попросив Финнулу открыть рот, уронил ровно две капли настойки на ее язычок. Поначалу она явно не была впечатлена, но уже спустя пару минут, ей очевидно стало легче.

— Солнце уже садится, — по-деловому заговорила она, — нам нужно проделать долгий путь, если мы хотим добраться до Стивенсгейта к завтрашней ночи.

— А что же, — серьезно спросил Хьюго, — нас ждет в Стивенсгейте?

— Ну почему! — простонала Финнула. — В Стивенсгейте я живу, — неохотно пояснила она. — Я должна привести тебя к Меллане.

— К Меллане? И кто же эта Меллана, в руках которой моя судьба?

— Одна из моих сестер. Ей я дала слово, что возьму в плен мужчину, за которого она сможет потребовать выкуп...

Этим ответом рыцарь был слегка разочарован.

— Значит, потребовать за меня выкуп было не вашим желанием?

Девушка издала звук, выражающий откровенную неприязнь к этой затее, затем сморщила нос.

— Разумеется, нет! — эти слова были произнесены так, точно мужчина оскорбил ее этим предположением. — Если мне нужны деньги, я добываю их более разумным путем.

В ответ на вопросительный взгляд Хьюго она пожала плечами.

— Обычно я пристреливаю оленя-другого, затем продаю в местном трактире. Там всегда нужно свежее мясо, а в лесах графа его бегает полным-полно, — она взглянула на него, ее глаза так и распахнулись. Видимо, девушка выдала свою тайну, о которой никогда не распространялась. — Не то что бы я краля их у графа, — добавила она, — это уже браконьерство. А браконьерство карается законом.

Теперь Хьюго стало совершенно ясно, почему она предпочитала не связываться с шерифом. Но он не стал продолжать этот разговор, притворившись, что не заметил ее внезапного испуга.

— Должно быть, ты очень любишь свою сестру Меллану, если ввязалась в такие трудности ради нее.

— Ее все любят, — глаза Финнулы слегка потемнели. — Меллана — красавица, — в это Хьюго никак не мог поверить, ведь красота самой Финнулы не могла сравниться ни с чьей другой. — Мы с ней совершенно не похожи. Она не смогла бы выстрелить из лука, даже если бы ей грозила смертельная опасность — она невероятно женственна. Ну, или была таковой, пока не встретила этого проклятого менестреля.

— Прошу прощения?

Финнула лишь тяжело вздохнула.

— Но она делает лучший на свете эль, какого вам не доведется попробовать нигде, — сменила тему она. Хьюго расхохотался, и девушка слегка поджала губы. — Вы не будете так смеяться, когда сделаете хотя бы глоток. У Мелланы настоящий талант.

— Так мне выпадет шанс сделать хотя бы глоток? — заинтересовался рыцарь.

Она хитро улыбнулась.

— Непременно. Я прослежу, чтобы тебе налили полную кружку, а может, и не одну, прежде, чем Мел тебя отпустит.

Хьюго улыбнулся этому обещанию, глядя в красивые серые глаза девушки. Ее улыбка, появлявшаяся на миловидном личике так редко, была прекрасна. Как бы ему хотелось, чтобы она улыбалась чаще!

— Значит, ты похитила меня по ее просьбе?

— О, да, — Финнула раздраженно махнула рукой. — Я дала ей обещание в момент слабости, когда отвлеклась на всеобщее волнение по поводу женитьбы Роберта...

— Твой брат женится? — Хьюго задумался, было ли это достойной причиной, чтобы отпускать младшую сестру в лес одну, и решил, что все же нет.

— Да, и не на ком-то, а на дочери главы деревни. Это будет свадьба года, — слегка улыбнулась Финнула. — Правда, она превратится в похороны, если Роберт прознает об этом проклятом менестреле...

— Ты уже второй раз упоминаешь об этом несчастном. Что сделал этот парнишка,

чтобы заслужить такую немилость?

Девушка хмыкнула.

— Это не имеет значения. Главное, что я дала Меллане слово, еще не понимая, на что соглашаюсь, и теперь застряла здесь с тобой. Надеюсь, ты не особенно возражаешь. На самом деле, — призналась она, серьезно посмотрев на него, — я бы не стала убивать тебя. Это было притворство. Но твоего слугу запугать удалось, как считаешь?

Хьюго вновь улыбнулся, думая о том, как она еще юна и наивна, раз так откровенно говорит с ним, не зная даже, кто он. Но, вдруг пришла к нему мысль, что, если она как раз таки знала что-то о том, кто был перед ней? В конце концов, она ведь подстерегла его у водопада, догадалась, что он будет наблюдать за ней — но как?

Когда он задал этот вопрос, Финнула пожала плечами, а затем деловито начала натягивать сапоги, спрятанные чуть раньше за одним из камней.

— Я поняла это по тому, какую дорогу ты выбрал. Ты явно знал эти места, — сказала она, наконец. — Обычно никто из проезжающих мимо чужеземцев не заезжает в рощу, а тот, кто бывал в ней раньше, не может устоять против соблазна заехать туда вновь. И, к тому же... Ну, ты напомнил мне об одном человеке, а его я встретила точно так же, как тебя, только без ножа.

Как бы рыцарь не пытался разузнать, о ком же она говорила, ему это не удалось. Он добился лишь того, что, устав от этих его попыток, девушка оборвала очередной вопрос словами о том, что им пора двигаться, а потому не будет ли он так любезен вытянуть руки, чтобы она могла их связать?

— Я думал, мы все решили, — удивился Хьюго, — ведь я осмотрел твой ушиб, ты развязала меня...

— Но я ведь не могу рисковать и дать тебе возможность сбежать, если отвернусь, — упрямо перебила она. — Как воин, ты должен это понимать.

Мужчина внимательно посмотрел на девушку, не зная, что и сказать в ответ. Ее рассуждение было справедливо, вот только все было куда проще — он не смог и не захотел бы сбежать, когда рядом была она.

Теперь Хьюго начал понимать, что, хоть Финнула и огрызалась на него, она делала это лишь потому, что хотела, чтобы все шло так, как она задумала. Непонятным для него пока оставался вопрос о его связанных руках — лишила ли она его свободы, чтобы он не сбежал, или потому, что опасалась, как бы его руки не оказались там, где не должны были оказаться? Все-таки, если не брать в расчет сцену у водопада, Финнула, должно быть, обладала хоть какими-то крупными скромности.

Все же девушка сдалась, решив не связывать ему руки, но не прошло и пяти минут, как она вновь начала ворчать о том, что вынуждена терпеть его общество, и сетовать, что он, должно быть, самый болтливый рыцарь на свете.

— Разве ты, — въедливо поинтересовалась она, до боли напоминая ему Питера, — не проводил все время в перерывах между сражениями в пьянках и в постелях первых встречных хоть мало-мальски красивых женщин? Откуда столько страсти к размышлениям и речам?

— Конечно, нет, — заверил ее Хьюго. — Рыцарь — это призвание, долг и честь. Его душа отдана стране, а долг стоит превыше всего. Что же до размышлений, то они свойственны многим.

— Пф-ф, — фыркнула Финнула с презрением, — никогда не встречала таких.

— Тебе просто не повезло. Я встречал множество таких мужчин, — солгал Хьюго, — и мы постоянно вели интересные беседы за столом, — обычно они разглядывали танцующих девиц и обсуждали их же, но об этом девушке знать не стоило.

Финнула снова фыркнула.

— Однажды я провела несколько часов за столом лорда, и все, что мне довелось услышать — это его отрыжка. И это был лорд!

Мужчина с любопытством окинул ее взглядом:

— Что ты там делала? Ужинала с ним?

— Неважно, — отмахнулась Финнула. — У тебя просто невероятная манера отвлекать меня. Клянусь, я еще никогда не видела такого болтливого рыцаря.

— А я, — продолжал Хьюго, наблюдая за тем, как она заправляет рубашку в штаны, — еще никогда не видел такого неженственного поведения.

Финнула лишь коротко рассмеялась, легко запрыгивая в его седло. Ушибленное ребро уже ни капли ей не мешало.

— Ну, — нетерпеливо поторопила она, глядя на него сверху вниз. — Ты сядешь или нет?

Покосившись на лошадь девушки, Хьюго поинтересовался:

— А что насчет твоей кобылы? Разве вы не привяжете ее здесь?

— Разумеется, нет, — хмыкнула Финнула. — Вайолет пойдет следом.

Мужчина приподнял бровь.

— Вайолет? — переспросил он с поддразнивающей улыбкой.

— Да, ее зовут Вайолет, и я была бы очень благодарна, если бы ты перестал ухмыляться. Она так же хорошо обучена, как любой другой породистый скакун, и кроме того, она очень покладиста. Она моя еще с тех пор, как я была ребенком, я ни за что бы ее не оставила.

Хьюго лишь улыбнулся, слыша эту затаенную гордость в голосе девушки.

— Еще с тех пор, как ты была ребенком? — усмехнулся он. — А кто же ты сейчас? Матрона? Ты едва ли выглядишь на шестнадцать, да и то при условии, что шестнадцать тебе стукнуло неделю назад.

Когда Финнула поджала губы так, что они превратились в тоненькую ниточку, решительно не давая ему вывести ее из себя, мужчина расхохотался. Она была той еще штучкой, эта Финнула Крейс, и ему будет непросто держать себя в руках вместо того, чтобы заключить в объятия ее. Пожалуй, теперь стоит позволить ей покомандовать им.

Сияя улыбкой, Хьюго сел позади несмышленной девчонки и протянул было руку к поводьям... Но туи же был остановлен коротким шлепком по руке.

— Я поведу лошадь, — твердо сказала Финнула, уже сжимая их в руках. — Тебе нет необходимости братья за поводья, ты все равно не знаешь дороги.

Хьюго пожал плечами и обхватил девушку за талию, наслаждаясь бархатной нежностью ее кожи.

На этот раз его ткнули локтем прямо в солнечное сплетение.

— Черт возьми, женщина! — выругался он. — Это еще за что?

— Если продолжишь распускать руки, я свяжу их тебе за спиной.

Финнула обернулась и грозно уставилась на него. Но, сама того не замечая, девушка коснулась его бедер своими, и от этого короткого прикосновения по коже Хьюго будто пропустили ток. Он заерзал в седле, чтобы девушка ничего не заметила. Что с ним такое? Да, эта девушка весьма симпатична, но почему его тело буквально жаждет ее близости? Обычно

Хьюго мог сдерживать свои желания и порывы, он всегда гордился своей способностью сохранять спокойствие, если того требовала ситуация, но теперь он не мог заставить себя прислушаться к голосу разума. Впрочем, ее близость не заставит себя долго ждать. Если он не будет обращать на Финнулу внимания, она скоро сама прибежит в его объятия. Ни одна красивая женщина не выносит равнодушия.

Но как он мог не обращать внимания на девушку, один взгляд которой переворачивал все у него внутри? Как он мог не замечать нежного аромата ее кожи, щекочущего ноздри? Как он мог не видеть ее тонкую талию, которую можно было бы легко обхватить ладонями? И, пожалуй, неважно, сидела бы Финнула Крейс перед ним в седле или за столом в таверне, его реакция была бы одной и той же. Вот только скрыть это от нее было делом непростым.

Покачав головой, он сжал зубы и приказал себе расслабиться. Нельзя, чтобы девушка узнала о том, какой эффект оказывает на него одно лишь ее присутствие.

Но уже было слишком поздно. Финнула обернулась, длинные темные ресницы взметнулись, и серые глаза пытливо уставились на него.

— Что это? — подозрительно спросила она, глядя на его пояс.

— Что — это что? — невинно хлопнул глазами он.

— Это, — ему не удалось сбить ее с толку, и теперь девушка слегка отодвинулась от него. — Это, что, рукоятка кинжала? У тебя на поясе спрятано оружие, о котором я не знаю?

Неужели она говорила всерьез? Но, по ее голосу становилось понятно, что да, всерьез. И, видимо, эта девушка понятия не имела, что может находиться у мужчины под поясом, кроме оружия. И вновь Хьюго рассердился на Роберта Крейса, который позволял своей младшей сестре гулять по окраинам деревень в полном неведении. А ее замужние сестры, очевидно, ни словом не обмолвились о некоторой правде жизни — и теперь прелестное дитя злится, что он не рассказал ей о своем, пожалуй, самом ценном оружии.

Хьюго не знал, как ответить. Никакого опыта с девственницами он не имел, а эта еще к тому же была вооружена. От одной лишь мысли о том, что по незнанию она могла сделать с той твердой «рукояткой кинжала», кровь в жилах рыцаря застывала. А она никак не могла догадаться, да и с чего бы?

— Это не рукоятка кинжала, — наконец сказал Хьюго, даже не скрывая гордости за то, что рукоятка кинжала не могла бы сравниться с предметом их разговора в длине.

— Ну и что это тогда? — возмутилась Финнула. — Я не могу вести лошадь, когда мне в спину что-то упирается.

Хьюго уже открыл было рот, чтобы ответить, но помедлил, не зная, как правильно сформулировать эту мысль, но тут оказалось, что объяснения уже не потребуются. Щеки Финнулы запылали, глаза широко распахнулись, рот приоткрылся. Да, одна из пяти сестер все-таки рассказала ей о некоторых жизненных вещах, но, похоже, только сейчас ей впервые довелось столкнуться с этим на самом деле.

Резко отодвигаясь, Финнула испуганно выдала лишь:

— О.

Теперь волнение покинуло Хьюго, уступая место ликованию. Приятно было наблюдать за тем, как языкастая девчонка, наконец, была смущена.

— Боюсь, это естественный отклик на вашу близость ко мне, мисс, — церемонно заметил он. — Возможно, так не было с вашими предыдущими пленниками...

Голос Финнулы был таким тихим, что ему пришлось наклонить голову, чтобы разобрать слова.

— Я никогда раньше этого не делала, — прошептала она. — Ты — первый мужчина, которого я... Я никогда... — она замолчала на полуслове. — О, черт подери! — воскликнула она спустя мгновение и прищипывая лошадь. — Держи его при себе или я... Или я его отрежу!

Улыбаясь до ушей, Хьюго выпрямился в седле, страшно довольный тем, как проходит его день. Кто мог предположить еще утром, когда он отряхивал одежду от травинки и приглаживал волосы после очередной ночевки под открытым небом, что к вечеру он станет пленником такой прелестной захватчицы?

Мысль о том, что возвращение домой может стать куда интереснее, чем он предполагал, а все из-за Финнулы Крейс, приводила Хьюго Фитцтивена в восторг. Теперь он собирался в полной мере насладиться ближайшими днями в ее обществе, хоть пока что эта рыжеволосая валькирия, сидевшая перед ним, игнорировала его изо всех сил.

И он весело хмыкнул, нисколько не заботясь о том, что девушка может окончательно записать его в сумасшедшие.

Глава 6

Невыносимый рыцарь, похоже, очень гордился собой, и это приводило Финнулу в ярость.

Она не хотела напугать своего пленника, но, как опытная — и вооруженная — охотница, ожидала к себе хоть толику уважения. Но сэр Хьюдж непрестанно поддразнивал ее, и становилось совершенно очевидно: он не видит в ней серьезной угрозы.

Теперь девушка не чувствовала себя тем человеком, в руках которого все происходящее, чувства уверенности не было, даже несмотря на то, что ей пока что удавалось выполнять свой план. Тем не менее, ее авторитет был безнадежно подорван, сперва этим безголовым слугой, который налетел на нее, как коршун, а затем тем обстоятельством, что ей пришлось развязать руки сэра Хьюджа и дать ему осмотреть свой ушиб.

Это было, как она теперь понимала, громадной ошибкой: ну почему она не обезоружила слугу, когда была такая возможность? Но отчасти ей было его жаль, ведь он болтался в воздухе, беспомощно махая руками, она даже и не подумала, что он додумается спрятать нож в сапоге и потом воспользуется им, чтобы освободиться.

Но, как бы то ни было, он сбежал, а она заплатила за это синяком.

Впрочем, теперь, касаясь синяка, Финнула мысленно благодарила рошу святого Элиаса за пленника, который сумел помочь ей унять боль. Этот сэр Хьюдж, несмотря на свою любовь к бессмысленной болтовне — и обросшему лицу — удивил ее своей осторожностью и даже заботой в тот момент, когда осматривал синяк. Видимо, были в нем какие-то стороны, не проеденные цинизмом, и время от времени они проблескивали в сумрачных тучах насмешек.

Но она все равно бы без лишних раздумий обменяла его — даже при всей его осторожности и заботе — на пленника поспокойнее.

И дело было здесь не в том, что он не боялся Финнулы. В его ореховых глазах было что-то непонятное, а то, как они следили за каждым ее движением, и вовсе настораживало, если не пугало. Губы изгибались в насмешливой улыбке, искусно прячась в бороде, которая тоже не вызывала доверия, и от всего этого девушка так и начинала краснеть, если раньше не приказывала себе успокоиться. Финнула разительно отличалась от других девушек, и потому ей и в голову не приходило, для чего этому рыцарю так нужно смутить ее. Она злилась на

него за это. Очень злилась.

Но не стоило забывать о том, что пленника еще нужно было привести к Меллане. Какое счастье, что он нужен не ей! Для Финнулы он был слишком саркастичен и слишком часто перегибал палку с расспросами.

Однако, если он может заплатить ее сестре столько, сколько понадобится для достойного приданого, то какая разница, что он за человек? Она не обязана любить его. Ей только нужно привести его к сестре. Вот и все.

Самой сложной частью этого плана был постоянный контроль над собой с тем, чтобы не ударить его. Он буквально напрашивался на то, чтобы его поставили на место. Подумать только, он... Он прижался к ней вот так! Одно лишь воспоминание заставляло щеки Финнулы пылать огнем. Как она вытерпит его ужасное поведение еще два дня и две ночи? Если он не будет следить за тем, что говорит и делает, она точно привяжет его поперек седла Вайолет, да и погонит в таком виде до дома.

Они проехали почти два часа, большую часть пути проделав в молчании. Время от времени Хьюго задавал вопросы о ее семье и жизни в целом, на них Финнула не отвечала, развлекая его тем самым еще больше. Солнце между тем начало садиться, и настала пора найти место для ночлега. Финнула подстегнула скакуна Хьюго (очень хорошо выученный жеребец, да и управлять им куда легче, нежели его хозяином!) и направила на луг к телеге с сеном.

— Наше ложе на эту ночь? — с надеждой поинтересовался Хьюго.

Финнула устало вздохнула. Ей не хотелось вступать в очередную перепалку с этим хамовитым рыцарем.

— Да, — отозвалась она, стараясь добавить нотки угрозы в голос. — Я договорилась с хозяином поля, и он разрешил мне переночевать здесь.

— Очень великодушно с его стороны, — согласился Хьюго. Финнула поджала губы.

— Взамен я охраняю его поле от волков, — отрезала она, недовольная его тоном. За ее спиной пленник хмыкнул.

— Я лишь сказал, что с его стороны это было очень великодушно, — поспешил успокоить ее рыцарь.

— Я слышала, что ты сказал! — прикрикнула она. — Слезай с лошади.

Хьюго огляделся по сторонам. Стога сена уже отбрасывали на луг длинные тени, а воздух стал заметно холоднее, ведь солнце почти утонуло за деревьями.

— Что, здесь?

— Да, здесь, — подождав, когда он спешится, она перекинула ногу через седло и спустилась сама. Его гигантский рост в очередной раз заставил ее покачать головой, и, направляясь к Вайолет, Финнула размышляла — существуют ли до сих пор гиганты, или это все-таки были сказки?

Достав из охотничьей сумки, висевшей на седле Вайолет, она обернула ее вокруг рыцаря.

— Если ты будешь спокойно сидеть здесь, у телеги, мне будет намного легче.

Хьюго мрачно посмотрел на нее, но в его глазах плескалась насмешка. Снова.

— В каком это смысле?

Девушка раздраженно притопнула ногой.

— Я собираюсь развести костер и раздобыть нам что-нибудь на ужин. Не могу же я это делать, если придется постоянно наблюдать за тобой.

Хьюго засмеялся, откинув голову назад.

— Значит, хочешь привязать меня к телеге? Очень мудро.

Финнула рассержено сверкнула глазами.

— Прекрати смеяться! Как еще мне предотвратить твой побег?

— Ну, раз уж ты не знаешь, то и я не стану тебе говорить, — проговорил Хьюго сквозь смех. Финнула зло сощурилась, и он поднял руки, как бы защищаясь. — Нет, не смотри на меня так, бессердечная девчонка. Клянусь, я останусь здесь. И у тебя мой изумруд, помнишь?

Финнула коснулась пальцами шарфа, который все же решила обмотать вокруг шеи. Она уже почти и забыла о нем, а камень лежал у нее на груди, ни капли ей не мешая. Конечно, он не попытается сбежать, ведь у нее находится его драгоценность.

Это не означало, что он не может прокрасться следом за ней, отнять шарф силой, а затем сбежать — но девушка была уверена, что, если бы он хотел сделать что-то подобное, то давно бы уже сделал. Видит бог, этот рыцарь мог улизнуть еще в тот момент, когда она лежала без сознания, а потому следовало признать: Хьюго Фитцуилльямю не чуждо было понятие чести. Он был из тех, кто любое дело доводит до конца, и это тоже доведет хотя бы потому, что сможет посмеяться над ней еще немного.

— Я разведу костер, — предложил Хьюго, — а ты пока пойдешь на охоту. Мне уже не терпится увидеть результаты великолепной охоты, о которой я так много слышал.

Финнула опустила взгляд на веревку. Ей хотелось и связать этого нахала, и треснуть чем-нибудь тяжелым, а затем провести оставшиеся часы в пути до дома безмятежно и без его колкостей. Слишком уж агрессивным было его присутствие, если на то пошло. Но делать этого она не станет, к тому же, осталось лишь сорок восемь часов, и ей больше не придется его терпеть. Сорок восемь часов — какая мелочь! А при большой удаче она проспит шестнадцать из них.

Если, конечно, сумеет заснуть при таком мужчине.

Пожав плечами, Финнула убрала веревку обратно в сумку на спине Вайолет, взяла лук и стрелы и изо всех сил постаралась не обращать внимания на пытливый взгляд своего пленника, которым он провожал каждый ее шаг. Почему он так на нее смотрит? Быть того не может, чтобы она чем-то его привлекла, особенно, после того, как почти целый день ругалась с ним.

А он даже не отвернулся, когда она поймала его взгляд и уставилась на него в ответ, как бы бросая вызов. Заметив, что он разглядывает ее волосы, она быстро пригладила растрепавшиеся пряди и отбросила косу за плечо, все так же не отводя глаз. Хьюго лишь хмыкнул, как будто находил ее гнев очаровательным. Она прищурилась.

— Надеюсь, ты любишь кроликов, — бросила, наконец, Финнула, — потому что это все, что тебе достанется на ужин.

Хьюго почтительно поклонился, словно она пообещала приготовить ему телятину в нежном грибном соусе. Пылая от ярости, Финнула круто развернулась на пятках и прошагала в лес, бормоча что-то себе под нос. Какое право он имел так ее раздражать? Обычно она куда более спокойна. И хмыканье ее не раздражало. Изабелла Ларош то и дело хмыкала в ответ на ее появление или слова, и это никогда не вызывало в ней такого гнева. Но в том, как веселился этот мужчина, наблюдая за ее иссякающим терпением, было что-то, от чего Финнула готова была взорваться.

Кролик был легкой добычей. Выследив самца, чтобы не оставлять крольчат без матери, девушка немного поиграла с ним, давая ему пару раз ускользнуть от нее, а затем впустила

стрелу, которая угодила точно в голову. Кролик так и не успел понять, что его поразило.

Выпотрошив его, Финнула вымыла руки в ближайшем ручейке, затем наполнила фляжку. Она наслаждалась минутами уединения и не спешила назад, но возвращаться все же было нужно. Девушка лишь надеялась, что сэр Хьюдж перестанет острить и потешаться над ней, а потому была обескуражена, когда вернулась и застала его, сидящего у огня и поставившего ветки так, чтобы можно было повесить над огнем котелок, который он уже тоже где-то раздобыл, и теперь в нем что-то весело булькало.

Солнце уже село, единственным светлым пятном был костер, и девушка, заглядевшись в его свете на своего пленника, вдруг поняла, что, если бы не эта борода, скрывавшая почти все лицо, мужчина оказался бы вполне привлекательным. Осознание этого пробудило уснувшее было раздражение.

— А ты порылся в моих вещах, пока меня не было, как я погляжу, — холодно заметила она.

Хьюго пожал плечами и приправил готовящуюся похлебку травами, которые Финнула держала в мешочке в своей охотничьей сумке.

— Надо ведь знать своего врага, я всегда это говорю, — он улыбнулся, ни капли не переживая по поводу ее раздражения. — У тебя целый арсенал для готовки. Я бросил сюда, — он указал на котелок, — немного репы и лука, ты не против? Мне подумалось, что, если бросить туда кости от кролика, на утро будет отличная похлебка.

Финнула с трудом скрыла удивление. Он ведь мужчина — мужчина! — что ему знать о готовке? Роберт не смог бы отличить лука от дикой моркови. Любопытство взяло верх над недружелюбием, и Финнула заинтересованно спросила:

— Где ты научился готовить?

— Ах, это, — Хьюго вздохнул, помешивая похлебку веточкой. — В походе не всегда безопасно есть местную пищу. Многие мужчины страдали от неизвестных заболеваний, которым заразились от испортившегося мяса, усыпанного специями, так что мы научились готовить самостоятельно, варили похлебки в шлемах, — он усмехнулся при воспоминании об этом. — Это, конечно, тоже было не очень-то безопасно. Однажды один из нас забыл, что остатки ужина по-прежнему в шлеме, и надел его, не заглянув внутрь...

Финнула не удержалась от смешка, глядя на перекосившееся лицо рыцаря. Он улыбнулся в ответ, затем взглянул на тушку кролика в ее руках.

— А вот и основное блюдо, — встав с земли, мужчина подошел к девушке, забрал у нее добычу и внимательно и с интересом осмотрел кролика. Он изучал каждый сантиметр его тушки и, наконец, поднял глаза на Финнулу.

— Чистая работа, — произнес он, в его голосе слышалось восхищение. — И ты застрелила его из своего лука?

Финнула посмотрела на свой лук, маленький по сравнению с обычными, но очень удобный для нее. Похвала была ей приятна, девушка сама не знала, почему. Ей сотни раз говорили комплименты об ее охотничьих навыках, но именно эти слова затронули ее душу.

— Да, — она показала рыцарю лук и колчан. — Мне нужно лишь это. Обычный лук для меня слишком велик. К тому же, мне незачем пронзать стрелами насквозь.

Хьюго внимательно посмотрел на лук.

— Очень хорошо сделан. Ты сама его смастерила?

— Да, — как ни странно, щеки Финнулы снова залились румянцем. Его признание ее талантов радовало девушку куда больше, чем следовало. Какое ей вообще дело до того, что

он о ней думает? Он просто мужчина, да еще и не самый привлекательный, с которым она связалась лишь ради дела. Он ничего для нее не значит.

Конечно, с другой стороны, приятно, когда тебя оценивают не только за твой внешность, но и за какие-то умения. Финнула очень гордилась тем, что делала.

Пока девушка размышляла о причинах, по которым ей были в радость его замечания, Хьюго взял коснулся оперения одной из стрел в колчане.

— Но, — произнес он с нажимом, — у тебя небольшой лук, значит, и стрелы в нем должны быть другими?

Финнула передернула плечами, не понимая, к чему он клонит.

— Да, но стрелять-то я могу.

— И шериф де Бриссак пока что еще не понял, что это твоих рук дело?

Разговор был оборван молчанием. Финнула, которой стало неуютно от этого диалога, забрала из рук Хьюго колчан, насадила кролика на ветку, которой предстояло выполнять роль вертела, и, сняв с огня похлебку, повесила над огнем мясо.

— Я приправила его кое-какими травами, — сменила тему она. — Будет готов через полчаса.

Хьюго усмехнулся.

— Все ясно. Твои неприятности с шерифом — не мое дело?

Финнула опустила на колени, разглядывая мясо и надеясь, что пламя костра скроет румянец на ее щеках.

— У меня нет никаких неприятностей с шерифом, — сказала она тоном, не терпящим возражений. Затем слегка задумалась. — Ну, во всяком случае, никто ничего не сможет доказать.

Хьюго тоже сел на землю возле нее, но все же достаточно далеко, чтобы даже случайно они вдруг не соприкоснулись. Финнула насторожено наблюдала за ним, переворачивая кролика, но ничего не сказала.

— Понятно, — медленно произнес ее пленник. — Но нужна лишь одна стрела, чтобы было свидетельство.

— Я не разбрасываюсь стрелами, — буднично сообщила Финнула.

— Но ты не можешь не промахиваться время от времени...

Финнула покачала головой.

— Я не промахиваюсь.

— Невозможно всегда попадать в цель, никто такого не умеет.

Это разозлило Финнулу.

— А я умею! — отрезала она. — Ты думаешь, что это невозможно, потому что я женщина и, значит, должна в чем-то уступать мужчинам? Так вот, запомни, что я — лучший стрелок во всем Шропшире. У меня есть награда в виде золотой стрелы, которую я выиграла на турнире в Дорчестере, доказывая это.

— Я только заметил, что все промахиваются, что раньше, что теперь...

— Я никогда не промахиваюсь. Я стреляю, чтобы убивать, а не чтобы швыряться стрелами, — Финнула пригвоздила его к земле гневным взглядом, забыв о мясе. — И на земле графа нет ни одной моей стрелы. Я убиваю все, во что целюсь.

Сэр Хьюго неожиданно заинтересовался приготовленной похлебкой, зачем-то начал размешивать ее.

— А этот граф, на землях которого ты браконьерствуешь...

Финнула слишком поздно поняла свою ошибку и прикусила язычок. Когда же она научится держать рот на замке? Воистину, этот рыцарь умел заболтать ее так, чтобы она выдала все свои секреты.

— Я не говорила, что я браконьерствую, — проворчала она.

— Разве нет? — удивился Хьюго. — Мне послышалось, ты сказала, что именно в этом корень всех твоих неприятностей с шерифом.

Издав обреченный стон, Финнула снова перевернула мясо. Запах крольчатины и похлебки уже давно наполнял воздух, и девушка поняла, как же была голодна. Она ничего не ела с того момента, как вышла из трактира в Лизбури.

— Это не браконьерство, — пояснила она неохотно. — Дичь, которую я убиваю, не покидает владений графа...

— Что ты имеешь в виду? — он бросил на нее странный взгляд, от которого девушке стало не по себе. — Что ты, ради всего святого, делаешь с добычей?

Он не сводил с нее напряженного взгляда, и Финнула опустила глаза, в горле у нее неожиданно пересохло. Она пошарила рукой по земле в поисках фляги, но не нашла, а Хьюго тем временем протянул ей свою.

— Возьми, — коротко сказал он.

Девушка поднесла флягу к губам, но тут же отдернула, точно обжегшись. Затем пытливо уставилась на своего узника.

— Ты хочешь меня отравить? — спросила она, с трудом преодолев комок в горле.

Хьюго слегка склонил голову.

— Прошу прощения. Это всего лишь эль. Я подумал, что сестра талантливой девушки, что варит эль, могла бы оценить его по достоинству.

— Ага, конечно, — фыркнула Финнула. — Никакой это не эль, это «змеиный яд»! (*самое крепкое пиво, содержит 67,5 % спирта). Ты купил его в Лондоне, не так ли?

Хьюго повесил голову.

— Виноват, каюсь.

— Я так и поняла. Кто бы тебе это ни продал, он продержал это зелье у себя в закромах слишком долго. Одного глотка достаточно, чтобы у собаки вылезла вся шерсть и никогда не выросла снова.

Мужчина забрал у нее фляжку, удрученный тем, как его провел торговец, и тем, как ему раскрыла глаза на это хрупкая девушка.

— Так что с дичью? — напомнил он, стараясь скрыть смущение. — Что ты с ней делаешь, если она не покидает владений графа?

Финнула поморщилась. Он то и дело ее провоцировал, не давая увести себя от интересующей темы. Но выбора не было, она сама дала ему возможность для этих расспросов, теперь оставалось только сказать правду.

— Ты должен понять одну вещь. Граф — старый граф, лорд Джоффри, — почил больше года назад, оставив имение в руках преемника.

— У этого лорда Джоффри не было детей? — Хьюго не отрывал взгляда от кролика.

— Были. У него есть сын, — Финнула фыркнула. — Вот только его нет поблизости. Он угодил в плен, валяя дурака на Святой земле...

— Валяя дурака! — эхом повторил Хьюго себе под нос, но девушка его услышала.

— Именно. По-другому это и назвать нельзя, не так ли? Большой мужской глупости мне и представить сложно, — тут она взглянула на него из-под ресниц. — А ты с ним не знаком?

С сыном Джоффри? Ну, с сыном лорда Джоффри.

Хьюго указал на мясо.

— Пора бы перевернуть, подгорает, — и лишь после того, как девушка последовала его совету, он заговорил снова. — А раз этот сын лорда Джоффри сейчас не здесь, имение стоит бесхозным?

— Можно сказать и так. Сейчас в поместье живет Реджинальд Ларош, кузен лорда Джоффри, и его бесценная дочурка, — Финнула хотела добавить: «Они те еще неблагодарные свиньи», но сдержалась, напомнив себе, что ее пленник, должно быть, знаком с историей Шропшира и, должно быть, знаком с Ларошем. Но, судя по всему, он знал его не слишком хорошо, потому что заинтересовался его личностью:

— Значит, этот Ларош не справляется со своими делами так, как должен, я правильно понимаю?

Финнула перевернула мясо вновь, ссутулившись. Она понимала, что не следует жаловаться на жизнь в деревне первому встречному, но все же, будучи всего лишь дочерью мельника, Финнула неоднократно размышляла о том, что справилась бы с делами кузена лорда куда лучше, чем он сам.

Пленник легонько подтолкнул ее локтем, и девушка круто развернулась в его сторону. Мужчина слегка смутился.

— Я лишь хотел предложить тебе еще пару глотков настойки, чтобы не беспокоило ребро. Оно все еще болит?

Финнула приняла пузырек из его руки и покрутила его в пальцах.

— Да, но мне уже стало лучше. К тому же, «змеиный яд» вылечит меня куда быстрее, — она вернула Хьюго пузырек и взяла флягу, стоящую на земле. Сделав пару больших глотков прямо из горлышка, она отдала флягу Хьюго и вытерла рот рукавом рубашки. Эль был ужасен, но он согревал изнутри, и снова подступившая было к ребру боль успокоилась.

Если закрыть глаза на синяк, Финнула чувствовала себя превосходно, сидя на земле, точно на мягких подушках, и глядя в темное небо, на котором уже мерцали холодным светом первые звезды. Мужчина вел себя вполне пристойно, не подначивая ее вот уже добрых полчаса, и, вполне возможно, что она оценит его компанию по достоинству, когда их приключение подойдет к концу...

— Так что с Ларошем? — Хьюго отвлек ее от размышлений, точно их диалог не прерывался.

Финнула вздохнула. Подумав, она решила, что ничего страшного не случится, если она позволит себе пару-тройку нелестных высказываний в адрес родственника графа. К тому же, даже если Изабелла Ларош и попытается соблазнить сэра Хьюджа, ее отца он повстречает едва ли.

— Реджинальд Ларош полагает, что крестьяне в Стивенсгейте слишком много работают на себя, — пояснила девушка, — так что теперь они трудятся не три дня на графских полях и четыре на своей земле, а работают на графа все шесть, едва ли успевая что-то посадить для себя за единственные оставшиеся сутки. Но и это не идет ни в какое сравнение с новыми налогами, что он ввел.

Хьюго продолжал напряженно смотреть на девушку, его карие глаза отблескивали золотом в свете огня. Чтобы отвлечь его внимание на что-то другое, девушка помахала рукой над мясом.

— Как считаешь, готово?

Мужчина медленно перевел взгляд на кролика.

— Да, он готов, — с этими словами он осторожно снял мясо с огня. — Значит, он поднял налоги?

Финнула была не в восторге от того, что кто-то другой прикасается к добыче, которую собственноручно поймала и приготовила, но она лишь пожала плечами, сделав еще один глоток из фляги рыцаря.

— Да, он поднял налоги в три раза и это при том, что у крестьян нет времени, чтобы вырастить хоть что-то, чтобы выплатить эти деньги. Крепостным крестьянам приходится хуже всего, — она вдохнула аромат, исходящий от кролика, и, приняв мясо из рук Хьюго, откусила большой кусок. — М-м-м... — пробормотала она с набитым ртом. Мясо все еще было горячим, но это не остановило девушку. — Очень хорошо получилось.

— Разве крестьянам не к кому пойти? — поинтересовался Хьюго, в свою очередь откусывая от кролика.

— Да, разумеется. Они могут пойти к шерифу де Бриссаку. Он хороший человек, — нехотя признала она, — несмотря на то, что хочет упечь меня в тюрьму, он делает для людей все возможное. Но даже он не сможет влиять на Лароша, если лорд Хьюго не вернется с Святой земли. Тогда нам остается уповать лишь на помощь божью.

Финнула вытерла рот и щеки и посмотрела на пленника, о чем немедленно пожалела. В бороде мужчины застряли кусочки мяса, о чем он, вероятнее всего, не подозревал. Борода напоминала неухоженные кусты и была совершенно непривлекательной, должно быть, рыцарь не брился с тех пор, как уехал из Англии. Быть может, у него просто некрасивый подбородок, и он носит бороду, чтобы скрыть это обстоятельство?

Но мужчина знал о собственных слабых сторонах — и уже вытягивал из бороды кусочки мяса.

— Выходит, этот Ларош морит людей Стивенсгейта голодом?

— Ну, во всяком случае, крепостных, — кивнула Финнула. — Мой брат и другие свободные люди страдают не так сильно, как крестьяне.

Хьюго перестал жевать и уставился на Финнулу немигающим взглядом, от чего девушке снова стало неудобно. В его глазах было что-то очень знакомое, но она понятия не имела, что это было. Она редко выезжала за пределы Шропшира, но, возможно, он когда-то бывал на мельнице среди тех, кто жаждал купить эля у Мелланы. В октябре были два дня, когда сестра могла торговать элем без специального разрешения, и тогда мельница была наполнена людьми, приехавшими издалека лишь ради одной бочки.

— И ты охотишься в землях графа, — медленно проговорил Хьюго тихим голосом, напоминая раскаты грома вдалеке, — и раздаешь крестьянам, чтобы они не умерли от голода.

Глаза Финнулы так и вылезли на лоб, девушка едва ли не поперхнулась куском мяса, который только что проглотила.

— Что? — выдавила она, стуча себя по груди. — Что ты сказал?

— Не прикидывайся невинной овечкой, — гром в голосе Хьюго уже не был таким уж отдаленным. Приближалась буря. — Именно поэтому ты и можешь с чистой совестью сказать, что дичь не покидает земель графа. Она остается в животах крестьян, что работают на его земле...

Финнула перебила его, схватив флягу, сделав глоток, а затем поджав губы и сурово посмотрев ему в глаза. Непонятно, почему, но сэр Хьюдж явно был чем-то опечален. Ей не

хотелось злить его, это было бы просто глупо, но и сказать правду было необходимо. Девушка опустила ресницы, как много раз делала Изабелла Ларош, когда хотела избежать наказания за неподобающее поведение.

— Если бы не я, — спокойно сказала она, — они бы не пережили эту зиму. Стояли жестокие морозы...

— О, дьявол! Проклятье!

Ругань Хьюго так напугала Финнулу, что она чуть не выронила кролика из рук прямо в огонь. Между тем ее пленник бросил мясо на землю, поднялся и пошел куда-то в темноту, крепко сжав кулаки, затем вернулся и пошел в другую сторону. Так он мерил шагами клочок земли возле костра несколько раз.

Девушка не понимала, почему человек, даже не живущий в Стивенсгейте, вдруг так обеспокоился жизнью местных людей и крестьянами, которые едва сводили концы с концами. Финнула видела, что его гнев направлен не на нее и не на ее браконьерство в графских лесах, но совершенно не могла взять в толк, почему это так беспокоит ее пленника.

Она уже пожалела о том, что вообще открыла рот и разболтала буквально первому встречному о том, как живут люди в ее родных краях. И почему его так интересуют подробности? Единственное, что приходило ей на ум — это подозрение, что ее пленник был королевским осведомителем, который был отправлен сюда, чтобы пресечь браконьерство. Но с чего бы королю обратить внимание на земли графа Фитцтивена? С другой стороны, это было единственным объяснением странному поведению сэра Хьюджа.

Если его и в самом деле звали Хьюджем.

Финнулу было не так легко запугать. Пока ее пленник расхаживал из стороны в сторону, она мысленно перебирала возможные варианты. Другая девушка, скажем, та же Изабелла Ларош, немедленно расплакалась бы, используя слезы в качестве сильнейшего оружия против мужского гнева. Но Финнула не хотела плакать, ведь это означало бы раскаяние, а она ни капли не раскаивалась в том, что делала. Поэтому, сунув в рот остатки мяса, девушка осталась угрюмо ждать, когда мужчина вернется к ней и скажет хоть слово. В зависимости от того, что он скажет, она придумает, что делать дальше.

За все это время девушка испуганно подняла глаза на сэра Хьюджа лишь однажды, и то быстро отвела взгляд. Он перестал мерить шагами поле и теперь встал неподалеку от нее, скрестив руки на груди и глядя куда-то вдаль. Финнула подтянула колени к груди, положила на них подбородок и уставилась невидящим взглядом на пляшущие язычки пламени.

Когда Хьюго все же заговорил, гром в его голосе стих. Теперь он был скорее просто усталым, чему Финнула не удивилась. В конце концов, день был очень долгим.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

Этот вопрос привел девушку в замешательство. Когда Роберт распекал ее за незаконную охоту, он никогда не спрашивал, для чего она охотится. Этот же чужеземец умел поставить ее в тупик.

— Я уже сказала, — с нажимом произнесла она. — Если кто-нибудь не будет делать хотя бы что-то, люди долго не протянут. Еды недостаточно, а с этими налогами...

— Но почему ты?

Финнула отвела глаза, посмотрела на пламя костра. Она никак не могла сказать ему правду, но часть ее... Почему нет?

— Господь дал мне этот дар, — пожала плечами она. — Было бы грешно не пользоваться им. Так всегда говорила моя матушка, — когда ответом ей было молчание,

Финнула решила, что рыцарь не удовлетворен таким ответом, но она сказала ему все, что могла. Вскинув подбородок, девушка дала понять, что не скажет ни слова больше.

— Ты рискуешь жизнью, — покачал головой Хьюго, — ради крестьян.

Забыв о своем решении молчать, Финнула упрямо прищурилась.

— Для тебя они, может, и просто крестьяне. А для меня — это люди, которых я знаю всю свою жизнь, мои друзья, почти семья. Если их граф о них не заботится, я позабочусь! Потому что это единственное, что я могу для них сделать.

Когда и на это сэр Хьюдж не ответил, Финнула решительно откинула косу за спину и посмотрела на него так, что еще немного, и могла бы прожечь мужчину взглядом.

— Ты ничего не сможешь доказать, конечно, — бесстрашно заявила она. — Не больше, чем шериф де Бриссак, у него тоже нет ни единого свидетельства. Спроси любого из крестьян, они ни словом не обмолвятся. Так что можешь возвращаться напрямик к королю Эдварду и сказать, что, если в лесах графа Фитцтивена и завелся браконьер, найти его и доказать его вину ты не смог.

Замолчав, Финнула осознала, что ее трясет, но не от страха. Боже правый, неужели он в самом деле считает, что ее так легко одурачить? Его расспросы выдали с головой его намерения, но доказательств у него по-прежнему нет, ведь она может все отрицать, назвав его доводы выдумкой.

— О чем ты, ради всего святого, говоришь? — поразился Хьюго. Он сел возле девушки, взял флягу, стоявшую возле нее, и сделал пару глотков. Когда он отвел ее от губ, его взгляд встретился со взглядом потемневших от праведного гнева глаз.

— Я знаю, кто ты такой, — мрачно промолвила Финнула.

Хьюго вздрогнул. Несколько секунд он лишь молча смотрел на нее, то и дело открывая рот, чтобы что-то сказать, но затем закрывал его снова.

— Кто я такой? — выдавил он, наконец. — О чем ты?

— Не играй со мной в свои игры, — сурово предупредила она. Ее слова обескуражили его, но останавливаться на этом девушка не собиралась. Он давно заслужил услышать от нее то, что она хотела ему сказать. — С твоей стороны очень грубо так со мной поступать. В конце концов, я всего лишь невинная девушка. Тебе должно быть за себя стыдно.

Хьюго снова расхохотался.

— Может, вы и девушка, Финнула Крейс, — церемонно заговорил он, но у меня есть очень серьезные сомнения относительно вашей невинности. Например, если вспомнить, как вы отвлекали меня в роще святого Элиаса...

Финнула жарко покраснела при воспоминании об этом, но не дала сбить себя с толку.

— Это никак не связано. Когда мой брат обо всем узнает, ты пожалеешь о том, как со мной обращался.

— Как я с тобой обращался? — возмутился рыцарь. — Можно подумать, это не меня связали, как ты изящно выразилась, точно свинью, и это не мне угрожали ножом!

— Какой же ты нахал! Да ты просто обманщик и лицемер! Как ты вообще можешь спокойно спать по ночам? — девушка сощурила на него глаза. — Ты ничуть не лучше червей, ползающих в земле, — прошипела она.

Хьюго посмотрел себе под ноги, точно ожидая увидеть червей.

— Простите, юная леди, — осторожно произнес он, — если я вам обидел...

— Обидел меня! — воскликнула Финнула. — О да, арестовать меня — это точно будет оскорблением, верно. Это будет оскорблением и обидной, нанесенной этой земле.

— Арестовать тебя? — переспросил Хьюго. — Зачем мне тебя арестовывать?

— О боги! — воскликнула она, поднимаясь с земли. — И снова ты изображаешь дурачка! — девушка даже притопнула ногой. — Как будто я поверю, что ты не агент короля, присланный, чтобы поймать меня и посадить в тюрьму.

Тут, к ее немалому удивлению, пленник откинул назад голову и расхохотался так громко, что птицы, ночевавшие неподалеку на том же поле, взлетели, потревоженные его смехом. Сэр Хьюдж продолжал веселиться, а Финнула стояла над ним, скрестив руки на груди и нахмурившись.

— Ничего смешного здесь нет, — заверила она его.

Но Хьюго все равно не мог остановить рвущийся из груди смех. Финнула же продолжала метать молнии глазами, взирая на него.

— Да, конечно, — буркнула она, — смейся, сколько душе угодно. Посмотрим, как ты посмеешься, когда мой брат поймает тебя за шкуру. У него кулаки размером с половину этой телеги, и он не обрадуется, увидев, что ты привел меня на мельницу в кандалах.

Эти слова лишь вызвали новый взрыв хохота. Финнула снова топнула ногой.

— У меня есть и названные братья, Брюс — мясник, и он разделявает голыми руками такие туши...

Прежде, чем она успела закончить свою мысль, рука сэра Хьюджа неувлимым движением обхватила ее ногу, а затем дернула вниз — и вот уже Финнула падала вниз. Он подхватил ее, аккуратно посадил к себе на колени, но девушка все равно не удержалась от изумленного возгласа.

Она уже хотела было возмутиться таким обращением и успела заметить, что сидеть на его коленях было ужасно неудобно, но, стоило ей поднять голову, как ее невысказанный еще протест был оборван решительным прикосновением губ.

Финнула целовалась и раньше. Однако очень немногие мужчины, рискнувшие пойти на это, впоследствии не сожалели, потому что ее кулаки легко пресекали дальнейшие поползновения. Но в этих губах, напивавших на нее и лишавших ее воли, было что-то особенное, эти губы не вызывали вспышек ярости в ответ.

Ее пленник потрясающе целовался, его губы словно задавали вопрос, на который лишь она, Финнула, могла дать ответ. Когда его язык скользнул в ее рот, девушка поняла, что ответила на вопрос, хоть сама и не представляла, что это был за ответ. Поняв, что не столкнется с сопротивлением, пленник начал свое наступление, и оно не знало пощады.

Теперь Финнула поняла, что в ее руках может быть далеко не все — в этом поцелуе вела не она, в ее руках не было полного контроля. Несмотря на отчаянную внутреннюю борьбу за возвращение рассудка и собственной воли, Финнула никак не могла одержать верх. Она словно таяла в его объятиях, откликаясь на каждое его действие, а ее пальцы то ласкали его шею, то запутывались в удивительно мягких волосах. Что это за чувство, гадала она, отвечая на его поцелуй. И почему по всему ее телу разливается незнакомое донныне тепло?

Несмотря на собственное растущее возбуждение, Финнула все еще могла рассуждать здраво и чувствовала, что то же самое происходит с ее пленником. То, что она так глупо приняла за рукоятку кинжала, теперь упиралось в ее бедро. Лаская ее шею, мужчина опускал руки все ниже, и вот уже они были совсем близко к груди, которая была прикрыта лишь тонкой тканью. Финнула поняла, что если позволит ему прикоснуться к себе там, то она пропала.

Она должна остановить его, ведь она не Изабелла Ларош, которая была достаточно

безмозглой для того, чтобы вешаться на любого мужчину, который не любил ее и не помышлял о женитьбе. Она — Финнула Крейс, и у нее есть репутация, которой она дорожит. Разумеется, эта репутация не была безупречной, но все-таки она была. К тому же, Финнула никак не могла позволить себе закончить так же, как Меллана, из-за которой она и ввязалась в эту историю.

В этот момент его сильные, но такие нежные пальцы коснулись ее груди, которая моментально напряглась под его прикосновением.

Оторвавшись от его губ и отстранив его от себя рукой, Финнула подняла глаза, и то, что она увидела, поразило ее. На его лице не было ни иронической улыбки, ни усмешки, как раньше, теперь в его ореховых глазах светилось... Что? Финнула не знала, как назвать это чувство, но оно напугало ее так же сильно, как и взволновало.

Пора положить конец этому безумию, пока всё не успело уйти слишком далеко.

— Ты сошел с ума? — требовательно спросила она. — Отпусти меня немедленно.

Хьюго поднял голову, глядя на нее так, точно она пробудила его от глубокого сна. Он смотрел на Финнулу во все глаза, слышал каждое ее слово, но руки по-прежнему были сцеплены на ее талии, точно не подчинялись своему хозяину и не хотели выпускать девушку из объятий.

— Скорее, мое сердце обезумело, — хрипло произнес он.

Финнула лишь фыркнула на это. Мужчина взглянул на нее, в его глазах затаилось непонимание.

— Считаешь, я простушка? — поинтересовалась она. — Думаешь, куплюсь на твои красивые слова и буду умолять взять меня? — девушка саркастически рассмеялась. — Ни за что в жизни.

— Это будет долгая ночь, — вздохнул Хьюго. — Долгая и холодная. Только подумай о тепле, которое мы могли бы найти в объятиях друг друга...

Финнула поднялась, сталкивая его руки с себя. К ее удивлению, пленник безропотно отпустил ее, давая ее встать и отойти на безопасное расстояние, с которого он не смог бы до нее дотянуться.

— Не заставляй меня нападать на тебя, — предупредила она, ткнув пальцем в сторону Хьюго, когда он тоже попытался подняться с земли. — Я дала слово, что верну тебя к твоему слуге целым и невредимым, если выкуп заплатят сполна, и я бы не хотела сгорать со стыда, когда придется отсылать в твое поместье одни лишь останки.

Хьюго лишь покачал головой. Все желание разом испарилось с его лица, глаза насмешливо блеснули в темноте.

— Напомни мне, — пробормотал он, — что связываться с девственницами — последнее дело.

Финнула хмыкнула.

— Тебе некого винить, кроме себя. Я не просила тебя прикасаться ко мне.

— Черта с два. Что тогда ты устроила там, в роще?

— Западно.

— Да, да, — он устало махнул рукой. — То была ловушка для бестолкового мужика. Ну, я в нее попался, не так ли? Должен признать, я несколько удивлен, что ты, девушка, которая так бережет свою честь, пошла на подобный, истинно женский, поступок.

Финнула притопнула ногой.

— Я ведь сказала тебе! Моя сестра...

— Да, да, да, — Хьюго закатыл глаза. — Твоя сестра отчаянно нуждается в деньгах. К слову, зачем они ей? У нее уже есть семья?

Когда Финнула ничего не ответила, ужаснувшись тому, что он, похоже, вот-вот узнает то, что она старалась держать от него в секрете, Хьюго откинул голову назад и расхохотался.

— Так вот оно что! — воскликнул он. — Прекрасная Меллана с личиком ангела и личностью распутной девки...

Финнула подлетела к нему.

— Забери свои слова назад сейчас же! — приказала она. — Как ты посмел?!

— Что же, это объясняет твою ненависть к тому менестрелю. Он, должно быть, скоро станет отцом? Ну, тогда ничуть не удивительно, что очаровательной Меллане нужны деньги. А братец Роберт знает? Готов спорить, что нет...

Эти слова так разозлили Финнулу, что она едва ли сдерживалась от того, чтобы не вонзить нож в его шею, на которой чудом держалась такая чугунная башка. Вот только ее останавливало осознание того, что скрыть преступление будет очень и очень нелегко.

— Меллана — не распутная девка, — прошипела Финнула. — Этот проклятый трубадур обманул ее!

— Да? Обманом выманил у нее девственность? Хотелось бы мне поучиться у этого трубадура так обманывать девушек, — хмыкнул Хьюго. — Я знаком с одной юной леди, которая только преуспеет от такого обмана...

Финнуле очень хотелось воткнуть нож прямо ему в грудь, но это было бы слишком. Убийство никуда, кроме виселицы, ее не приведет.

Но и выносить компанию этого человека она больше не могла. Он — дьявол во плоти, манипулирует людьми, издевается и насмехается над всяким, и она будет только счастлива, если никогда в жизни больше не увидит его мерзкого бородатого лица.

— Вот, — крикнула она, доставая шарф с изумрудом из-за пазухи и кидая на траву ему под ноги. — Забирай этот треклятый камень. Ты свободен! Больше ты не мой пленник. Забирай своего коня и проваливай ко всем чертям. Я не желаю больше тебя видеть!

Чуть ли не сорвавшись на слезы, Финнула круто повернулась на каблуках, мрачно удовлетворенная выражением его лица, и направилась к Вайолет. Подойдя к лошади, она увидела, что кинжал и меч рыцаря все еще болтались на ее седле, и девушка поспешно начала отвязывать их, чтобы швырнуть этому хамовитому мужлану.

Она слышала, как он зовет ее, а его голос вдруг изменился, стал совсем не таким, как прежде, но она не обернулась. Вместо этого Финнула с двойной силой взялась за узлы, крикнув лишь:

— Я сказала тебе: ты свободен! Проваливай! Я не хочу тебя видеть никогда в жизни!

Спустя пару мгновений голос Хьюго вновь окликнул Финнулу, и на этот раз рыцарь стоял в каких-то лишь дюймах от нее.

— Финнула. Обернись.

— Нет, — упрямо бросила она, кидая на землю сперва его меч, а затем нож. Услышав недовольный вздох, когда его любимые игрушки упали на землю, девушка криво улыбнулась. — Я хочу, чтобы ты ушел.

— Я не могу этого сделать, — отозвался сэр Хьюдж.

Никаких сомнений: он стоит прямо у нее за спиной. Финнула чувствовала его дыхание на своей шее, где коса падала на плечо, и этот жар передавался ее телу. Но она не поддастся!

— Что значит «Я не могу»? — глубоко вздохнув, она обернулась. Как она и подозревала,

он оказался прямо перед ней, а выражения его лица она не могла разобрать, потому что его широкие плечи заслоняли свет от костра. Финнула прикусила губу. Ох, какая же она дурочка! Слепая, безмозглая дурочка, зачем только она согласилась на это? Как только она придет домой, то непременно даст Меллане затрещину, неважно, беременная она или нет.

— Я не могу оставить тебя одну посреди леса, — промолвил Хьюго с тихим, но явным достоинством в голосе. — Тебе ли не знать, что головорезы и воры шарят здесь по ночам в поисках легкой добычи и глупых девчонок?

Финнула лишь вскинула голову.

— Ты про Тимми и Дика? Да пусть только сунутся. Уж я мигом...

— Нет, я про тех, что куда хуже. Поверь мне, Финнула, тебе очень повезло, что...

— Повезло? — взвилась она. — Мне повезло связаться с таким, как ты? Едва ли!

Но Хьюго продолжал говорить, точно она не перебивала его.

— Я не смогу простить себя, если по моей вине с тобой приключится беда. В конце концов, я ведь рыцарь, — он грустно улыбнулся. — Мой долг — защищать слабых, и я уверен, что и тебя тоже, несмотря на твои прекрасные охотничьи навыки.

Финнула опустила глаза, радуясь тому, что он не видит, как она покраснела. Почему, ну почему похвала от этого невыносимого человека заставляет ее щеки пылать огнем?

— Прости, что назвал твою сестру распутницей, — серьезно продолжал Хьюго. — Прощу, прости меня. Я сказал, не подумав, и глубоко об этом сожалею. А теперь я направляюсь туда же, куда и ты, и, узник я или нет, я не вижу причин, по которым нам не стоит ехать вместе. Даю слово, что буду держать себя в руках, прости мне мою минутную слабость. Тебя легко отвлечь, но я не стану этого делать.

Не медля ни секунды, он обмотал шею Финнулы шарфом и опустил тяжелый изумруд ей на грудь. Финнула взглянула на камень.

Ради всего святого, что ей делать теперь? Как она от него избавиться? Теперь он напоминал ей мальчика, который много-много лет назад таскался за ней, точно на веревочке, пока она не прыгнула ему на спину, уронив его лицом в грязь, и он не пообещал, что перестанет ходить за ней.

Но здесь ей не удастся повторить того же с сэром Хьюджем, она не может одержать над ним верх ни физически, ни самым устрашающим своим голосом, ни грубостью, ни даже отказом разделить с ним ложе. Ничто не помогло, так что ей делать с этим мужчиной?

— Увидимся утром, — произнес Хьюго, прерывая ее размышления. Он отошел обратно к костру и сел на землю. Взяв палочку, рыцарь начал помешивать похлебку. — Готовься ко сну.

Финнула лишь смотрела на него во все глаза. Она отпустила его на все четыре стороны, но он все еще здесь! Что это за человек? Очень упрямый, судя по всему. Значит, ей предстоит нелегкая работенка, если она хочет избавиться от него. Может, если она проснется с рассветом, то ускользнет еще до его пробуждения. Да, это замечательный план! Она будет в нескольких милях отсюда прежде, чем он продерет глаза!

Но тогда она не сдержит слово, данное Меллане. Эта мысль пронзила Финнулу, точно кинжал. Зевая от усталости, девушка потрясла головой. Если она сбежит от этого рыцаря, кто тогда может быть такой же достойной жертвой? Она мрачно смирила взглядом сэра Хьюджа, который мирно помешивал содержимое котелка. Боже правый, как же он ее раздражал! Упрямый, упертый баран!

Финнула едва ли подозревала, что ее пленник был точно так же упрям, как его

похитительница. Вместо того, чтобы последовать его совету и готовиться ко сну, она залезла на телегу с сеном и, закопавшись в мягкой соломе, уставилась в звездное небо, гадая, что же за человек ей встретился на пути. Сверху она могла наблюдать и за ним, стоило лишь повернуть голову, а вот он снизу видеть ее не мог. Он был странным, этот сэр Хьюдж — в нем были и галантность, и любовь к насмешкам, и стать, и отвратительная борода. Конечно, он выглядел бы куда лучше, если бы сбрил ее. Быть может, он скрывается от чего-то — или кого-то — и потому прячет свое лицо?

Повернув голову набок, Финнула изучала своего узника. Он все еще помешивал похлебку, не поворачиваясь в ее сторону. Огонь освещал его лицо мягким желтым светом, выхватывая из темноты волевой подбородок, точеные скулы, благородной формы нос, изгиб полных губ. Невероятно, какими мягкими и в то же время настойчивыми могли быть эти губы во время поцелуя. Глядя на него, никто не мог бы даже предположить, что этот человек способен разжечь в женщине настоящее пламя. Да и она сама об этом не подозревала. Знай Финнула об этом, она выбрала бы другую жертву.

Финнула не была уверена в том, что сможет и дальше выдерживать его общество в полном спокойствии. Нет, с этой историей настала пора покончить.

Эта мысль принесла такую легкость и такое ощущение свободы, что Финнула радостно потянулась и закрыла глаза, сбросив, наконец, тяжкий груз, клонивший ее к земле почти весь сегодняшний день.

Но даже когда девушка закрыла глаза, образ пленника, сидевшего возле костра, продолжал сиять перед ней огненным светом, точно был высечен на веках.

Черт побери!

Глава 7

Лорд Хьюго Фитцстивен, седьмой граф Стивенсгейта, смотрел на девушку, свернувшуюся клубочком возле него, и размышлял о том, какого черта он дал впутать себя в эту безумную историю.

Нет, он попадал во множество передряг в Иерусалиме, многие из них были очень и очень опасны, а некоторые и вовсе могли закончиться его гибелью, но все же он не мог вспомнить, чтобы хоть раз в жизни имел дело с совсем невинной девушкой. Это обстоятельство одновременно и пугало его, и даже в некотором смысле подавляло.

Проснувшись несколько минут назад на телеге с сеном, куда он забрался вчера вечером, стараясь не потревожить мирно спавшую Финнулу, Хьюго обнаружил, что девушка лежала возле него, видимо, придвинувшись к нему во сне в поисках тепла. Ее спина прижималась к его груди, голова покоилась на его руке, и казалось, будто ее хрупкая фигурка создана для того, чтобы безупречно подходить к изгибам его тела, насколько так вообще возможно выразиться. Размышляя об этом, рыцарь мысленно хмыкнул: а ведь девушка спала рядом с ним, точно жена, с которой он провел многие годы.

Положа руку на сердце, Хьюго не сказал бы, что ему было удобно, но, тем не менее, он наслаждался ее теплом. Однако и здесь возникли свои трудности, потому что та часть его тела, что жаждала прикосновения Финнулы больше всего, вот-вот могла бы причинить неудобства девушке или даже вновь напугать ее. При всем уважении к девушке, Хьюго Фитцстивен был мужчиной, которому требовалась разрядка.

Вот только прошлым вечером Финнула Крейс явно дала понять, что этой разрядки в ее объятиях он не получит. В то же время Хьюго понимал, что вопрос не в том, что она не чувствовала к нему того же влечения. Просвещенный в вопросах соблазнения, рыцарь

безошибочно угадал вкус желания на ее губах во время вчерашнего поцелуя. Финнула была женщиной, способной на сильную и глубокую страсть, пусть даже сама она об этом еще не знала.

Учитывая же, что случилось с глупышкой Мелланой, попытки пробудить в Финнуле пока что спящие чувства будут бесполезны.

Но если она продолжит прижиматься к нему вот так, рано или поздно он не выдержит. Хьюго не мог даже предположить, сколько еще раз он сможет спокойно вынести такое же утро. Он уже подумывал о том, что, когда завтра они придут в Стивенсгейт, он найдет свое утешение у местной распутницы — интересно, Толстая Мауд еще принимает гостей? Наверное, сейчас она уже не у дел, и кто-то помоложе занял ее место.

Постойте. Нет. Теперь он лорд, владелец поместья, хозяин графства, и ему не пристало искать удовольствий у деревенских проституток. У его отца были наложницы, которых он не делил с другими мужчинами Стивенсгейта. Вот его единственный выбор. Он, Хьюго, найдет себе любовницу, хоть это и приносит множество проблем. Любовницы требуют свои поместья, потому что больше не могут оставаться в родных домах, но и жить с мужчиной тоже непозволительно. Некоторые просят денег и украшений, с каждым разом все больше и больше... Впрочем, не такая уж это и трудность, у Хьюго Фитцтивна всего в достатке.

Чего у него нет, так это времени. Если Финнула вчера говорила ему правду — а он уже не мог представить, чтобы Финнула Крейс говорила что-то, кроме чистой правды — то деревня пришла в упадок в его отсутствие. Хьюго хорошо знал своего дражайшего кузена, Реджинальда Лароша, и легко мог представить, как тот запускал свои загребушие ручонки в кошельки с деньгами, предназначенными для нужд Стивенсгейта. Взять что-то себе, что-то главе деревни, чтобы тот смотрел на происходящее сквозь пальцы — вот и не осталось денег, пришлось поднимать налоги.

Как вообще землевладелец мог позволить умирать своим крестьянам от голода, этого Хьюго не понимал. Семьи, работавшие на землях Стивенсгейта десятилетиями, заслуживали куда большего, нежели отец Хьюго давал им, даже его подати были одними из самых высоких. Но и эта огромная для простых работяг сумма была увеличена жадным негодяем. Что же, Реджинальду Ларошу придется хорошенько потрудиться и почесать в затылке, придумывая объяснения тому, что он успел натворить.

Меньше всего на свете Хьюго хотел вернуться в обедневший в его отсутствие родной край. Но, если тому суждено быть, ему предстоит многое исправить.

Поиск любовницы подождет, сейчас его внимания требуют другие, гораздо более важные, вещи. Но насколько было бы легче, вздохнул Хьюго, если бы Финнула Крейс не была так невинна, и у нее было бы чуть больше желания стянуть с себя это нелепое мужское платье.

С неба упала дождевая капля, попав точно в носик Финнулы. Смешно сморщив его, девушка прикрыла лицо одной рукой, а другой потянулась к своему кинжалу. Хьюго лежал неподвижно, надеясь, что она не почувствует никаких изменений в его состоянии, но уже спустя пару мгновений ее серые глаза пытливо взглянули на него. Рыцарь немедленно изобразил на лице самую ехидную из своих улыбок.

— Доброе утро, — едва ли не промурлыкал он глубоким голосом. — Уверен, тебе хорошо спалось. Было не холодно?

Взгляд Финнулы проскользил по его телу, затем девушка взглянула на себя. Заметив, насколько близко она лежала к рыцарю, маленькая захватчица буквально отскочила в

сторону, гневно воззарившись на мужчину.

— И не смотри так на меня, — Хьюго приподнял одну руку, как бы защищаясь. — Я к этому не имею никакого отношения.

Издав нечто, похожее на возглас раздражения, Финнула села — и немедленно схватилась за бок. Хьюго мысленно проклял своего безмозглого слугу, так неосторожно налетевшего на хрупкую девушку, и участливо поинтересовался:

— Болит? — после чего мысленно проклял и себя тоже. Какой же он идиот! Разумеется, болит.

Финнула подняла голову, ее лицо почти сравнялось цветом с серым небом над ними.

— Нет, ни капли, — выдала она очевидную ложь. — Все в порядке.

— Позволь мне взглянуть, — произнес Хьюго с нажимом, давая понять, что это не просьба. Девушка покачала головой, и несколько рыжих прядей взлетели от этого ее движения.

— Не нужно. Я ведь сказала, все хорошо.

Но Хьюго был непреклонен. Слишком часто ему доводилось видеть, как воины игнорировали раны, а затем умирали от них, несмотря на то, что в самом начале все еще можно был вылечить.

— Я должен посмотреть, — он сел так, что его ноги занимали почти все свободное пространство на телеге, и способа сбежать у девушки не было. Конечно, она могла просто-напросто спрыгнуть вниз, но даже безрассудная Финнула Крейс не стала бы этого делать, да еще и с ушибом ребра.

Поняв, что она побеждена, девушка поджала губы.

— Хорошо, — бросила она. — Посмотри, но не трогай.

— О нашем соглашении я не забыл, — с легкой прохладцей в голосе напомнил Хьюго.

Девушка подняла рубашку до груди, и взору рыцаря предстала огромная сине-зеленая отметина, начинавшаяся прямо под ее грудью. Хьюго внимательно изучил синяк: края слегка пожелтели, значит, ушиб постепенно проходит. Он был довольно сильным, но не смертельным.

— Стало лучше, — заключил Хьюго, отстраняясь. — Если ты позволишь мне...

— Лучше? — возмутилась Финнула. — Я чувствую себя еще хуже, чем вчера!

— Да, выглядит лучше, — терпеливо повторил Хьюго, несколько удовлетворенный тем, что девушка, несмотря на свое упрямство, все же признала, что с ее самочувствием что-то не так. — Вчера ты была отвлечена на множество других дел — поездку, охоту и на презиране меня...

Финнула опустила рубашку и искоса посмотрела на рыцаря.

— Почему ты все еще здесь?

Хьюго и сам не знал ответа на этот вопрос, но решил продолжать говорить то, что говорил вчера.

— Я ведь уже объяснял: я рыцарь, мой долг защищать девушек и не позволять другим воспользоваться их беззащитностью.

Финнула фыркнула, как он и предполагал.

— Но уж ты-то воспользуешься ею сполна, не так ли?

Сделав вид, что не слышал этого замечания, рыцарь потянулся.

— А теперь завтрак! — объявил он как-то даже чересчур радостно. — Посмотрим, как поживает наша похлебка.

Он слез с телеги, затем протянул руку Финнуле. Как и следовало ожидать, девушка проигнорировала его помощь и спустилась вниз сама. Едва ее ног коснулись земли, Финнула удалилась в лесную чащу. Хьюго подошел к месту, где вчера был разведен костер. Огонь догорел и затух без их помощи, но угли еще продолжали тепло тлеть, и рыцарь подержал над ними руки какое-то время, согреваясь перед долгим днем. Небо сегодня обещало быть серым, а если пойдет дождь, они и вовсе вымокнут до нитки к ночи.

Похлебка стала даже лучше, чем Хьюго ожидал. Брошенные туда остатки кролика и приправы Финнулы превратили ее в едва ли не изысканное блюдо, которому недоставало разве что овощей, да и без тех можно было обойтись. Судя по всему, Финнула Крейс была так же искушена в вопросах путешествий и походной готовки, как и он сам, а может, и больше, ведь далеко не каждый станет брать с собой необязательные, но такие приятные приправы, которые делают вкус блюда, приготовленного в дороге, совершенно иным.

Заглянув прошлым вечером в охотничью сумку Финнулы, Хьюго был потрясен. Там нашлось буквально все, от сушеных кореньев до гребня, от наконечников для стрел до скомканной верхней юбки из льняного полотна и даже... Да, это платье. Каждая из найденных в ее сумке вещей пахла розами, и ответ на свой молчаливый вопрос Хьюго обнаружил чуть позже, когда наткнулся на мешочек с засушенными лепестками роз. Поразительный контраст между той, которая может убить кролика одной стрелой, и той, что носит лепестки роз и юбку с собой — и все это в одном человеке! Хьюго лишь покачал головой и аккуратно, с чувством глубокого уважения, вернул найденные вещи на место.

Когда Финнула вернулась, Хьюго понял, что она ходила к ближайшему ручью, чтобы умыться. Девушка расчесала и заново собрала волосы в косу, стряхнула с себя остатки сна. Ее щеки покраснелись от холодной воды, и она шла, обхватив себя руками, чтобы защититься от утреннего холода.

Ее свежесть и бодрость немедленно заставили Хьюго задуматься о том, как выглядит он сам — с его-то растрепанными волосами и соломинками, застрявшими в бороде. Ему уже не терпелось хотя бы что-то сделать со своей внешностью, потому что он не раз успел поймать косой взгляд Финнулы, брошенный в его сторону. Обычно женщины смотрели на него с восхищением, а не кривили губы.

— Вот, — он протянул ей склянку с маковой настойкой. Девушка уставилась на него, словно на безумца. — Две капли, — слегка кивнул он. — Не больше.

Хьюго ожидал споров и возмущений, но девушка послушно открыла рот, и он уронил две капли из пузырька на ее аккуратный язычок. Затем, когда Финнула отвернулась, рыцарь бросил быстрый взгляд на свое искаженное стенками пузырька отражение. Мать божья, да он же похож на городского сумасшедшего! Но поделаться с этим ничего было нельзя, к его глубокому сожалению. Подумав об этом, Хьюго немедленно задался вопросом, почему его так беспокоит мнение какой-то дочери мельника. Должно быть, предположил он, дело в том, что он не может заполучить ее так же легко, как и остальных. Запретный плод всегда сладок, ради него хочется даже вычесать солому из всклокоченных волос, криво усмехнулся рыцарь.

Направившись к ручью в свою очередь, мужчина пригладил волосы и освежил заросшее лицо прохладной водой. Стало несравненно лучше, и он поспешил назад. Финнула сидела у телеги, неспешно поглощая похлебку. Увидев его, она отвела деревянную ложку от губ и указала ею на похлебку.

— Получилось вкусно. Попробуешь?

Хьюго кивнул, благодарно принял ложку и, причмокивая, сделал несколько глотков похлебки. Она и впрямь была недурна.

— Отвратительный сегодня день, — произнес он спустя какое-то время, глядя в серые тучи. — Что ты скажешь, если я предложу найти какой-нибудь трактир и провести этот отвратительный день у огня?

Финнула смешно сморщила нос.

— Я скажу «Нет».

— Прямо так? Без размышлений?

— Я поразмыслила, — пожала плечами девушка. — Мне не нравится эта идея. Я хочу быть в Дорчестере к вечеру...

— Но почему? — удивился Хьюго. — Что за спешка? Меллана будет в гневе?

Финнула окинула его мрачным взглядом и отобрала у него ложку.

— Нет, ничего подобного. Если меня не будет слишком долго, Роберт начнет подозревать...

— Подозревать что? — перебил ее Хьюго, приподнимая уголки губ в насмешливой полу-улыбке. — Мне кажется, ему следовало бы иметь подозрения насчет другой сестры, той, что осталась дома.

— Пожалуй, — неожиданно согласилась Финнула. — Роберт никогда не переживал за Меллану. Это я постоянно приношу неприятности, а Меллана всем только в радость. В конце концов, именно меня грозитя упечь за решетку шериф.

— Быть может, если бы братец Роберт обращал больше внимания на сестрицу Меллану, она бы не переживала таких трудностей.

Финнула взглянула на мужчину, в ее глазах промелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— Ага, — бросила она. — Это было бы совершенно замечательно, — вздохнув, она отложила ложку, которую крутила в руках. — Но, как бы там ни было, мне все равно нужно добраться до Дорчестера сегодня, чтобы завтра быть в Стивенсгейте. Поэтому мне пора.

— Тебе? — переспросил он. — «Тебе пора»? Ты ни о ком не забыла?

Девушка склонила голову и скептически смерила Хьюго взглядом.

— Я ни о ком не забыла. Ты со мной не едешь.

— Ты это о чем? — возмутился Хьюго. — Я ведь по-прежнему твой пленник, разве нет?

— Нет. Я ведь освободила тебя вчера вечером, помнишь?

Волна разочарования накрыла Хьюго с головой. Он так надеялся, что она уже забыла о том, что произошло накануне.

— Что же тогда с Мелланой? — быстро спросил он. — Где она найдет деньги, если ты отпустишь меня без выкупа?

Финнула лишь посмотрела на него и молча забрала из его рук горшок. Похоже, разговор был закончен, но Хьюго не получил ответа на свои вопросы. А вот девушка, очевидно, не собиралась продолжать беседу, и направилась в чашу. Хьюго принял это за разделение труда: он собирает лошадей, она моет посуду. Этот странно домашний «обряд» вдруг задел рыцаря за живое, и, проверяя, крепко ли сидят седла на спинах скакунов, Хьюго крепко задумался. Финнула не была похожа на ту, что полюбит домашнее хозяйство и будет вести размеренную жизнь в уготованной ей женской доле. Что с ней будет дальше? Девушек ее возраста выдают замуж, а она едва ли сумеет найти мужа, который будет мириться с ее любовью к охоте, мужской одежде и прогулкам по лесам и окраинам деревень. Разве что она

выйдет замуж за человека настолько обеспеченного, что он сможет нанять слуг для ведения быта.

Например, за него.

Эта мысль так и пронзила Хьюго, словно острый меч. Он зажмурился и потряс головой. О чем он только думал? Он не мог бы и не стал бы жениться на Финнуле Крейс. Связать свою жизнь с дочерью мельника? Его отец перевернулся бы в гробу. Нет, Хьюго женится на богатой вдове, чтобы приумножить богатства семьи Фитцстивенов. Единственное, что могла дать ему Финнула Крейс — это дети с волосами цвета спелой моркови и свежайшая дичь к каждому ужину.

Когда она вернулась, Хьюго не сдержался и предложил ей все же связать его руки, надеясь, что она признает в нем своего пленника. От этого предложения Финнула лишь отвернула нос. Упрямая девчонка уже все для себя решила и не собиралась отступать от намеченного вчера плана. Она отпускает его — и точка. Напомнив об этом рыцарю, девушка не переминула заметить, что теперь он может поехать, куда его душе будет угодно, а она лишь пожелает ему удачи.

Хьюго понимал, что это нелепо, но по-прежнему лелеял надежду на то, что вновь сможет разделить с ней седло. Она составляла прелестную компанию, когда не кричала на него и не сравнивала с земляными червями. С ней ему не было скучно. Впервые за долгое время ему действительно было интересно общество женщины, и дело тут было не в приятном времени, которое они проводили в постели.

— Чего я не понимаю, — заговорил Хьюго, когда Финнула убрала горшок в свою сумку, — так это того, как ты собираешься помочь сестре, если отпускаешь меня.

Финнула поежилась от холода.

— Боже правы, — буркнула она, — я не знаю. Наверное, найду кого-нибудь еще.

— Кого-нибудь еще? — рыцарь вопросительно взглянул на девушку. — Хочешь сказать, ты поймаешь другого путника?

— Ага, — бросила она через плечо, разглаживая гриву Вайолет. — Конечно, я не знаю, где найти такого же многообещающего, как ты, ведь Изабелла Ларош уже брала в плен многих мужчин из соседних деревень, и их семьи не заплатят дважды, — повторила Финнула слова сестры. — Во всяком случае, если и заплатят, то ничтожно мало.

Хьюго подошел к девушке и остановился с другой стороны от Вайолет.

— Уже есть предположения? Я мог бы предложить кандидатуру.

— Да? — впервые за все время этого разговора она взглянула на него. — Это должно быть интересно. И кого же ты предлагаешь?

— Только не используй той же ловушки, в которую попался я. Тебе надо думать о своей репутации. Нельзя расхаживать, в чем мать родила, по Шропширу и сражать мужчин своей красотой. Трудно будет найти потом мужа, когда придет время подумать о семье.

Финнула быстро подавила желание заулыбаться.

— Это и есть весь твой совет?

— Не весь. Я предлагаю мужчину, который будет младше меня.

— А, — понимающе кивнула она. — Считаешь, что мужчина твоих лет слишком стар для таких приключений?

— Вовсе нет! — возмутился Хьюго. — Я говорю лишь о том, что паренька помоложе будет легче запугать, он принесет тебе меньше неприятностей.

— Он не будет пытаться меня соблазнить, ты хочешь сказать.

— Я не говорил...

— Да и не нужно было. Я раскусила тебя, сэр Хьюдж, — усмехнулась девушка, — но, уж поверь, я справлюсь с тем, кого возьму в плен.

— Тебе может понадобится помощь. Кто знает, что за человек попадетсЯ.

— Благодарю, но это не твоя забота. Твоя помощь мне не потребуется.

Хьюго готов был плюнуть в сердцах. Упрямая девчонка понимала, как его выводит из себя этот ее насмешливый тон!

— Если ты не возражаешь, я предложил бы своего слугу Питера в качестве твоего следующего пленника, — спокойно сказал он.

Девушка уставилась на него, а затем расхохоталась. Хьюго поморгал, не понимая, что такого смешного она нашла в его словах.

— Чем тебе не угодил Питер? — пожал плечами мужчина. — Он мой слуга. Я с радостью заплачу за него любой выкуп, какой ты пожелаешь.

— Я ни за что не соглашусь на это, — прыснула Финнула. — Твой слуга еще надоедливее тебя! Мне придется связать его по рукам и ногам, да еще и рот заткнуть, чтобы не прибить мальчишку самой. И я сомневаюсь, что даже ты так захочешь вернуть его, что будешь готов заплатить.

Рыцарь нахмурился, услышав, что его называли надоедливым.

— Кроме того, — продолжала Финнула, — из-за твоего Питера у меня синяк на весь бок. Едва ли я захочу брать его в плен в следующий раз, он ведь и убить меня может. Сила есть, ума не надо — этому ты его хорошо научил.

— Тогда кого ты поймаешь потом? — вскинул голову мужчина. — Скажем, простака-кузнеца, который будет так покорен твоей красотой, что станет таскаться за собой, словно щенок, даже когда ты вернешь ему свободу?

Хьюго вздохнул с облегчением, когда она не напомнила ему, что он именно так и делает.

— А что в этом такого плохого? — осведомилась девушка.

— Ну, если так ты видишь свое будущее, то в этом нет ничего дурного. Я не могу представить тебя женой какого-нибудь кузнеца, но, раз ты выбираешь такую судьбу, не мне тебя судить.

Финнула расхохоталась, и от этого звука, напоминавшего перезвон серебряных колокольчиков, по спине Хьюго пробежали мурашки волнения.

— Я ищу пленника, а не мужа, — напомнила она ему, прищипывая Вайолет и вырываясь на пару ярдов вперед. — К тому же, — крикнула она через плечо, — не стоит так презрительно говорить о кузнецах. Без них людям пришлось бы тяжело. Выйти замуж за кузнеца было бы для меня честью.

Хьюго закатил глаза и скорчил гримасу.

— «Выйти замуж за кузнеца было бы для меня честью», — пропел он тоненьким голоском. — Посмотрим, какой честью это для тебя будет, когда ты растолстеешь после рождения тринадцатого ребенка, а твой кузнец-муженек выкатится из очередной таверны и потребует ужина на стол, да поскорее. Посмотрим, будет ли это честью для Прекрасной Финн.

Когда девушка не обернулась, рыцарь не удержался от еще одной колкости:

— Но запах пива вряд ли будет тебя смущать, ведь твоя сестра варит эль чуть ли не с колыбели. Точнее, чуть ли не рядом с колыбелью.

Финнула лишь сильнее прищорила Вайолет, и лошадь на всех парах влетела в грязь, составлявшую большую часть дороги. Едва ли это можно было назвать мудрым решением, потому что теперь кобыла замедлила шаг, а вот Хьюго уже был неподалеку.

— Очень глупо, — крикнул он. — О чем ты думала, когда так гнала лошадь? Она могла поскользнуться и сломать ногу!

Финнула промолчала, натягивая капюшон туники на голову, чтобы защититься от морозящего дождя. Теперь невыносимому рыцарю был виден лишь кончик ее носа.

— А, теперь ты со мной не разговариваешь? — поинтересовался мужчина. — Наверное, я все же перегнул палку, вспомнив о колыбели.

Финнула окинула его мрачным взглядом.

— Почему ты все еще здесь? — осведомилась она. — Что мешает тебе перестать издеваться надо мной и убраться подобру-поздорову? Я освободила тебя и сказала, что ты больше не в плену, так почему ты продолжаешь мне надоедать?

— Во-первых, у тебя до сих пор мой изумруд, — слегка наклонил голову он. — Во-вторых, мне интересно: почему ты так упрямо веришь в обман?

Девушка смотрела на дорогу, не отводя глаз.

— Не понимаю, о чем ты.

— Твоя сестра, эта Меллана. Она ведь тебя использует.

Убрав со лба падавшую на глаза прядь, Финнула покачала головой.

— Это не так, — спокойно откликнулась она. — Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь.

— Нет, ты прекрасно понимаешь. Ты слишком умна, Финнула, чтобы не понимать. Она обвела тебя вокруг пальца, заставив взяться за эту безумную затею. У нее будет ребенок, но бегаешь по лесам с незнакомцем, мерзнешь и мокнешь под дождем — ты, пока она сидит дома в тепле и уюте. И при этом ты утверждаешь, что она тобой не пользуется? — он коротко рассмеялся.

Финнула бросила на него настороженный взгляд.

— Это моя сестра, — процедила она сквозь зубы. — А сестры помогают друг другу. Хоть тебе этого все равно не понять.

— Думаю, я все хорошо понял. У меня был брат, знаешь ли.

Его слова заинтересовали спутницу.

— Правда? — обернулась Финнула.

— Да. Старший брат. Он должен был унаследовать все, что имел отец. Он получал все, что хотел. А я был младшим в семье, родители хотели, чтобы я пошел по стопам духовенства...

Девушка неожиданно рассмеялась, оборвав рассказ Хьюго, и уши скакуна рыцаря дрогнули, прислушиваясь к мелодичному звуку. Когда смех стих, Хьюго кашлянул.

— Не удивлен, что для тебя это звучит так забавно, Финнула, но моя матушка хотела, чтобы я был монахом.

На последнем его слове вновь послышался взрыв хохота, Финнула вытерла краешек глаза рукавом туники.

— Ты! — простонала она сквозь смех. — Монах! Боже милостивый, да неужели!

— Иронично, не так ли? — уголок рта Хьюго чуть приподнялся. — Но все же именно таким было ее желание — я должен был стать отшельником. Никаких других вариантов для меня не было уготовано, а уж сражения в Иерусалиме — тем более. Мое желание стать

воином никого не интересовало.

Голос Финнулы слегка потеплел.

— Это неправильно. Если тебе хотелось уйти на войну, они должны были позволить тебе сделать это. В конце концов, это ведь твоя жизнь.

— Полностью согласен, — склонил голову Хьюго. — Именно так я и сказал своему брату, попросив его объяснить все родителям. К нему они бы прислушались. Угадай, что он сделал?

Девушка лишь покачала головой.

— Он нанял пару крепких крестьян, которые ночью пробрались в мою спальню и хотели запихнуть меня в мешок, чтобы отвезти в ближайший монастырь.

Финнула шумно вздохнула.

— Не может такого быть!

— Так и было. Когда я уложил обоих на лопатки, они во всем сознались. Я собрал самое необходимое и был таков. С тех пор я не возвращался домой.

Его спутница нахмурилась.

— Твой брат поступил жестоко и недостойно, но тебе стоит отпустить прошлое и примириться с ним сейчас.

— Я никогда не смогу с ним примириться, — покачал головой Хьюго. — Он умер.

— О.

— Они все скончались. Матушка и брат слегли от лихорадки несколько лет назад, отец умер в прошлом году.

— Так ты остался один, — тихо промолвила Финнула.

— Да, и теперь я наследник, несмотря на все старания брата. Так что не говори мне, будто бы родственники не могут намеренно причинять друг другу боль и строить коварные планы. Твоя сестра тебя использует, а ты позволяешь ей это делать.

Финнула опустила взгляд свои на руки в кожаных перчатках. Ссутулившись, она выглядела такой маленькой, замерзшей и несчастной, что Хьюго немедленно пожалел о том, что так резко с ней разговаривал.

— Что случилось с приданным твоей сестры? — спросил он, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал как можно мягче.

— Она потратила его, — тяжело вздохнула Финнула. — Потратила на платья и побрякушки. Пожалуй, Роберту и впрямь следовало бы смотреть за ней внимательнее.

Братец Роберт, мрачно подумал Хьюго, что же за человек этот мужчина? Если он такой дурачок, то, чего доброго, выступит на стороне Лароша в случае бунта.

— Но, — продолжала Финнула, больше не глядя на Хьюго, — использует она меня или нет, Меллана — моя сестра, и я должна помочь ей, если смогу, — она пожала плечами. — А я могу. И я сдержу свое слово.

Хьюго лишь заморгал. Эта девушка, такая маленькая и хрупкая, оказалась куда сильнее, чем он думал, ее стойкости мог позавидовать он сам. Поразительно, как в таком миниатюрном создании уживаются и страсть, и ярость, и честь.

— Тогда я не понимаю, почему ты не хочешь оставить меня в плену, — вежливо напомнил он. — Я был бы весьма достойным узником.

Девушка обернулась и неожиданно одарила его улыбкой, такой теплой и солнечной, что ему разом вспомнились все счастливые светлые дни, проведенные в детстве на этих полях.

— Это точно, — она отвернулась и теперь смотрела на дорогу. — Некоторые

достоинства у тебя есть.

— Я ни разу не пытался сбежать, не так ли? И я легко мог бы победить в драке, но все же держал себя в руках...

— Почти все время, — заметила она.

— ...а в те моменты, когда не держал, ты не очень-то возражала, — закончил он свою мысль.

Конь Хьюго теперь шел вровень с кобылой Финнулы, и рыцарь увидел, как вспыхнули щеки девушки, но, тем не менее, она улыбалась.

— Похоже, ты не уйдешь просто так.

— Рыцарский долг мне не позволит, — твердо сказал он. — Я провожу тебя до самых дверей твоего дома.

Финнула слегка нахмурилась, эта мысль не пришлась ей по душе.

— Ладно, — со вздохом сказала она. — Раз уж мы едем в одну сторону... Пожалуй, есть смысл...

— Ты сэкономишь много времени, — заверил он ее. — Не говоря уж о том, что, если тебе придется скитаться по лесам в поисках новой жертвы, ты, скорее, возьмешь в плен простуду, нежели достойного мужчину.

— Хорошо, — засмеялась она, — ты остаешься моим пленником. Но пообещай быть не таким... Несносным. Хотя бы на этот раз.

— Я не хотел быть несносным, — отозвался Хьюго с довольной улыбкой. — Я всего-навсего был самим собой.

Девушка обреченно вздохнула.

— Этого-то я и боюсь.

— Если тебе станет спокойнее, можешь связать мне руки, — предложил рыцарь. — Только тогда я не смогу ехать на своем Скиттере, и тебе придется пересесть ко мне.

— Нет уж, — усмехнулась Финнула, — это едва ли понадобится.

Хьюго пожал плечами, стараясь сохранять невозмутимый вид, но внутри у него все пело от того, как теперь развивались события. Всего лишь два часа — и она больше на него не злится. Нет, все-таки женщины не могут злиться на мужчин больше пары часов, это он знал наверняка.

Но кое-чего он все-таки не понимал. Обычно, если женщины были к нему равнодушны — что само по себе было редким явлением — Хьюго и сам терял к ним интерес. Но эта девушка с большими серыми глазами и языком, острым, как нож, притягивала его к себе с каждой минутой все больше и больше. Он уже давно мог уехать прочь и больше никогда не слышать ее язвительных замечаний, но что-то все равно держало его рядом с ней. И почему мысль о том, что она возьмет в плен кого-то другого, не давала ему покоя? Он ведь не ревнивец, он и сам делил женщин с другими мужчинами, но почему именно этой девушкой ему не хотелось делиться ни с кем? А ведь она даже не принадлежала ему в полном смысле этого слова.

У Хьюго было много времени поразмышлять над этими вопросами, потому что дорога была грязной и скользкой, ехать приходилось медленно и осторожно. Финнула тоже задумалась о чем-то своем, глядя на дорогу и не отводя глаз.

Молчание нарушилось на краю очередного поля, когда чей-то голос вдруг пронзил размеренный стук мелких капель дождя.

— Ваша светлость!

Финнула вздрогнула и обернулась. Хьюго проследил за ее взглядом и увидел, как из поля к ним спешит мужчина, бросивший свой плуг и размахивающий шляпой.

— Ваша светлость!

Круглолицый фермер встал на дороге перед путниками и, прижав шляпу к груди, выдал нечто вроде поклона в сторону Финнулы. Молодой парень, как понял Хьюго, увидев его ближе, едва ли старше двадцати. Его одежда была запачкана грязью — еще бы, пахать в такую-то погоду! — но было видно, что сшита она крепко и ладно.

— Я так и думал, что это вы, миледи, — воскликнул он, широко улыбаясь застывшей от удивления девушке. — Я так и сказал Эвану, — он махнул рукой в сторону приятеля на поле, — «Э, Эван, да это никак леди Финнула! Это Прекрасная Финн проезжает мимо».

Удивление Финнулы потихоньку стало отступать, девушка слегка улыбнулась счастливому фермеру. Его товарищ не поднял и головы, видимо, был настолько смущен.

— Доброго дня тебе, Мэттью Фэйрчайлд, — вежливо сказала Финнула парню. Такой вежливости от нее никак не ожидал услышать Хьюго. — И тебе, Эван! — крикнула она. — Неудачный сегодня день для пашни.

— И для конных прогулок, — фермер Фэйрчайлд потрепал Вайолет по гриве, точно старый знакомый. Хьюго так и вытаращился. — Я так и сказал Эвану: «Если это леди Финнула проезжает мимо, то, не будь я Мэттью Фэйрчайлд, я должен пригласить ее...».

От странного говора парня голова Хьюго пошла кругом, а вот Финнула, похоже, все прекрасно понимала. Она уже покачала головой, отказываясь от приглашения — или что это такое было? — и вежливо улыбаясь.

— Ох, Мэттью, это очень мило с твоей стороны, но мне нужно быть в Дорчестере к заходу солнца...

— Какого еще солнца? — хохотнул Мэттью, кивая на серое небо. — У вас будет много времени, пойдете! Вы согреетесь, я налью вам кружку...

— Кружку? — перебил Хьюго, услышав знакомое (и такое воодушевляющее) слово.

— Ага, кружку сидра Мэвис. Моя Мэвис варит его лучше всех. И, как я и сказал, она не простит меня, если узнает, что вы проезжали мимо, и я не пригласил вас зайти...

Он продолжал что-то говорит, а Хьюго взглянул на спутницу. По ее грустному взгляду, брошенному на дорогу, было ясно, что девушка размышляет, насколько они могут задержаться в гостях и как быстро им придется снова отправляться в путь. Затем она улыбнулась.

— Спасибо, Мэттью. Сэр Хьюдж и я очень польщены твоим приглашением и с радостью повидаем Мэвис.

Мэттью захлопал в ладоши и крикнул товарищу:

— Беги скорее, скажи, что к нам едет леди Финнула! Я сейчас буду. Вы знаете дорогу, миледи?

— Знаю, — кивнула Финнула и повернула Вайолет в сторону деревни, расположившейся на другом краю огромного поля. Хьюго направил своего Скиннера за ней.

— Ваша светлость, — не сдержался он, поравнявшись с девушкой. — Ваша светлость, простите, что причиняю столько неудобств, но вы ни о чем не забыли мне рассказать?

Финнула поджала губы.

— Не лезь не в свое дело, — отрезала она, но Хьюго ни капли не обескуражил ее ответ.

— Если бы я знал, что путешествую с такой высокой особой, настоял бы на ночлеге в трактире, а не на телеге с сеном.

— Они привыкли обращаться к нам по титулам, — неохотно пояснила девушка. — Я много раз просила их не делать этого, но они настаивают на своем. Это очень глупо, но Мэттью и в самом деле весьма мил...

— А этот Мэттью хорошо с тобой знаком, похоже, — непринужденно заметил Хьюго, перебивая ее и сам удивляясь своей наглости. — Он тоже был твоим пленником?

Финнула бросила на него предупреждающий взгляд.

— Я ведь говорила, ты — единственный, кого я когда-либо брала в плен.

— Тогда что это за Мэттью такой? Старый друг, судя по всему? — когда девушка приподняла брови, Хьюго замолчал и мысленно выругался. Да какое ему дело до этого Мэттью? — Или просто поклонник?

— Для рыцаря у тебя слишком буйное воображение, — покачала головой Финнула. — Мэттью — простой крестьянин, он работает на этой земле. В прошлом году он влюбился в дочь одного из крепостных графа, Мэвис Пул. Когда он попросил ее руки, Ларош затребовал с него огромную цену, которую Мэттью должен был заплатить, если хотел взять ее в жены.

— Позволь мне угадать, что было дальше, — поднял руку Хьюго. — Ты помогла ему собрать нужную сумму, продавая дичь, отстреленную в имениях графа.

Финнула вскинула голову.

— Не представляю, о чем ты.

— Ха! — буркнул Хьюго. — Неудивительно, что ты для них миледи. Ты для них сделала больше, чем кто-либо из обитателей поместья Стивенсгейт.

— У Мэвис недавно родился первенец, — девушка сделала вид, что не заметила его слов. — Было бы невежливо проехать мимо и не навестить ее.

Хьюго лишь встряхнул головой. Что, эта девушка обладала безграничными талантами? Ему на ум пришла история о легендарном разбойнике Робине, которую рассказывала ему няня в детстве. Только тот преступник не был очаровательной девицей с длинной косой цвета осенних листьев.

Увидев дом Фэйрчайлдов, мужчина немало удивился. Он ожидал увидеть старую развалюху, а вместо этого перед ним вырос ладный домик с соломенной крышей и чисто подметенным двориком. За забором росли несколько деревьев, из трубы шел дымок, а если подъехать ближе, то можно было уловить запах свежее испеченного хлеба, на который немедленно отозвался желудок Хьюго. Прошло много времени с тех пор, как они отдали должное похлебке из кролика.

Мэттью Фэйрчалд, свободный крестьянин, судя по всему, справлялся с хозяйством весьма успешно. Его семья не бедствовала, а для домашней животины даже был построен отдельный домик. Обычно фермеры и их семьи соседствовали со своими свиньями и овцами, здесь же все было иначе.

Финнула спрыгнула с лошади и сняла свою накидку, встряхнула ее и обдала только что спешившегося и не успевшего уклониться Хьюго брызгами дождевых капель. Прикрыв лицо от воды, Хьюго возмутился:

— Поосторожнее! — а когда девушка хихикнула, рыцарь нахмурился. — Ты это специально!

— Я? — Финнула невинно похлопала ресницами, в больших серых глазах заплясали чертята. — Ты же мой пленник, забыл? Я могу обращаться с тобой, как сочту нужным. А тебе определенно не помешала бы встряска...

— Ну покажу я тебе встряску, — пообещал Хьюго и бросился к девушке. Вот только она

была проворнее, и уже успела в два прыжка оказаться на крыльце дома. Теперь она хохотала, наблюдая за попытками Хьюго не шлепнуться в мокрую грязь под ногами.

Шум во дворе донесся до хозяйки, и дверь дома распахнулась.

— Леди Финнула!

Мэвис Фэйрчайлд оказалась круглолицей молодой женщиной, едва ли старше самой Финнулы, с темными волосами и сияющими от радости глазами. Обхватив Финнулу пухлыми руками, она сердечно прижала ее к себе.

— О, как же радостно видеть вас, миледи, в такой серый и промозглый день! Ох, да вы вся промокли, миледи. Заходите, заходите скорее, вам надо согреться...

Заметив Хьюго, Мэвис Фэйрчайлд замолчала на полуслове, выражение ее лица сменилось со счастливого на непонимающее. Хьюго ничуть не удивился этому, на месте хозяйки он и сам был бы удивлен появлением обросшего незнакомца на пороге своего дома.

— Мэвис, — Финнулы улыбнулась, бросив насмешливый взгляд на Хьюго, — это сэръ Хьюдж Фитцуилльям, он из Кэтербери. Недавно вернулся из плена в Акро.

Лицо хозяйки просветлело.

— А, рыцарь, идущий со Святой земли! Тогда все ясно.

Хьюго стоял под дождем, терпеливо ожидая приговора. Мэвис закусила губу.

— Если вы немного почистите его, миледи, он может быть не так плох, — сказала она, наконец. Финнула чуть было не прыснула.

— Пожалуй.

— Я хочу сказать, он огромный, конечно, но со стрижкой и в другой одежде может оказаться вполне ничего.

Финнула сморщила нос.

— Ты очень великодушна, Мэвис.

Мэвис наклонилась к Финнуле и прошептала, как ей показалось, едва слышно:

— Он дурачок и потому стоит под дождем?

Финнула тяжело вздохнула.

— Очень может быть.

Хьюго понял, что дальше тянуть нельзя.

— Мадам Фэйрчайлд, — почтительно начал он, — я ни дурачок, ни глухой. Могу ли я попросить разрешения войти в дом, чтобы немного согреться?

Глаза Мэвис стали величиной с добрые куриные яйца.

— Разумеется, сэръ, — засуетилась она, приглашая его неловким жестом. Хихикающая Финнула вошла в дом. Хьюго остановился на крыльце, галантно пропуская хозяйку, и лишь затем вошел внутрь сам. Ему пришлось наклониться, чтобы войти, но затем он смог выпрямиться, ведь дом оказался куда просторнее, нежели он ожидал. Деревянный пол, большая редкость в Шропшире, был не таким уж холодным, а сам дом делился на две части. Общая комната, где сейчас находились гости, и, вероятно, спальня. У Фэйрчайлдов была даже какая-никакая мебель, а на столе остывали несколько свежеиспеченных буханок хлеба.

Веселый огонь плясал в печи, и Финнула поспешила к нему, положив мокрую накидку возле очага. Промокшие насквозь перчатки устроились на полу там же, и девушка теперь грела руки прямо над огнем. К сожалению, высушить остальную одежду было не так легко, кожаные шоссы промокли и источали запах, какой бывает, когда намокают кожаные вещи, а рубашка прилипала к телу, как бы случайно обнажая его тут и там.

Картина была более чем приятной для глаз, и Хьюго тоже бросился к огню. Грея руки,

он нет-нет, да поглядывал в сторону девушки. Путешествовать в компании женщин было куда интереснее, чем он предполагал.

— Вот, вы продрогли до костей, — Мэвис протянула дымящиеся миски, и, когда Хьюго сделал жадный глоток из своей, не смог удержаться от вздоха наслаждения. По всему телу разлилось горячее тепло, а ведь это был лишь первый глоток похлебки!

Финнула была вежливее. Поблагодарив хозяйку, она приняла миску и справилась о здоровье ребенка. Слушая рассказ Мэвис о первенце, она мелкими глотками пила свою похлебку, кивая и задавая вопросы. Увидев в углу комнаты колыбель, такую же ладную, как и все в доме Фэйрчайлдов, и услышав, что о более здоровом и крепком малыше и мечтать было нельзя, Хьюго немедленно потерял весь интерес к разговору.

Тем временем Финнула поднялась и вместе с хозяйкой дома подошла к колыбели. Оранжевые отблески пламени освещали длинную рыжую косу загадочным светом, а Хьюго наслаждался прелестной картиной, открывшейся его взору. Кожаные шоссы определенно не были подходящей для юной девушки одеждой, но как нельзя лучше подчеркивали все достоинства фигуры. По мнению Хьюго, Финнула обладала всем, чем должна была обладать женщина: тонкая талия, широкие бедра, аккуратная грудь и плечи. То, что сейчас видел мужчина, безусловно отвечало его вкусам, и он радовался, что фермер заметил Финнулу и пригласил путников зайти в дом. К тому же, похлебка была выше всяких похвал.

Как и обещался, Мэттью пришел чуть позже, приведя с собой Эвана, оказавшегося то ли сватом, то ли братом. Финнула, до этого обсуждавшая с Мэвис какие-то новости, радостно приветствовала и его, после чего все они заговорили о чем-то, понятном лишь им. Хьюго не мог не заметить, какой домашней была обстановка и как в нее вписывалась Финнула. Но все же каким-то образом очень явственно бросалось в глаза социальное различие. Как вспомнилось мужчине, семья Финнулы, Крейсы, была свободна очень давно, мельника все уважали. Еще пра-пра-прадед Хьюго дал вольную мельнику, который теперь приходился бы Финнуле далеким дедом. Семья Фэйрчайлдов и Эван то и дело обращались к Финнуле «миледи», и Хьюго, пару раз поймав взгляд девушки, подмигивал. Она лишь улыбалась и отводила глаза.

Когда Мэвис предложила им третью миску похлебки, Хьюго уже готов был уснуть у очага, разморенный теплом и первыми двумя. Но Финнула встала и вежливо, но настойчиво заметила, что им пора идти. Ее волосы высохли, над головой тонкие волоски встали дыбом, делая девушку похожей на прелестный одуванчик. Рубашка и шоссы тоже вполне просохли, но грудь по-прежнему просвечивала, если приглядеться. Хьюго пригляделся, после чего настороженно обвел взглядом комнату и с удовлетворением понял, что эти приятные мелочи были заметны лишь ему: Мэттью не сводил глаз с жены, а Эван смотрел в пол. Пареньку придется нелегко с такой скромностью.

Несмотря на уговоры Фэйрчайлдов остаться до утра — ведь день ненастный, а дорога до Дорчестера неблизкая — Финнула ни за что не отступила бы от своего плана. Даже Хьюго, пригревшийся у огня, не изменил бы ее решения, а потому вскоре они уже собирались в дорогу.

— Привезите в следующий раз эля своей сестрицы Мелланы! — воскликнул Мэттью, прощаясь с гостями на пороге дома, и Финнула со смехом заверила его, что непременно привезет.

По какой-то причине Хьюго был страшно доволен происходящим. Быть может, дело было в том, что огонь и похлебка вернули ему силы для продолжения пути и даже для чего-

то большего. А потому, когда они с Финнулой подошли к лошадям, он взял девушку за руку и притянул к себе.

— Что... — начала было она, но не успела договорить, потому что его губы мягко, но настойчиво коснулись ее.

Девушка мгновенно напряглась, но, когда она попыталась отскочить от Хьюго, ей помешали два обстоятельства. Сперва она налетела на Вайолет, которая лишь безмятежно взглянула на нее и продолжила жевать солому, не сдвинувшись с места ни на шаг. А затем руки Хьюго легли на ее талию, и он оторвал девушку от земли не давая ей ни малейшего шанса на побег.

Финнула хотела вырваться, но ее протест — довольно-таки короткий — был мгновенно подавлен. Все же Финнула была девушкой, которая знала толк в поцелуях, а этот мужчина был ей в каком-то смысле симпатичен, и она позволила себе откинуться в его руках, отвечая на поцелуй. Хьюго тоже ощутил перемену ее настроения, а секундой позже руки, которые только что пытались его оттолкнуть, обвинили его шею.

Теперь, ощутив вкус ее губ, он окончательно потерял голову. Его поцелуи сделались настойчивее, а руки скользнули к ее бедрам. Его грудь ощущала нежную мягкость ее груди, его пальцы сжали ее ягодицы. Финнула обхватила его лицо ладонями и осыпала его тысячей поцелуев. Такая чувственность заставила кровь в жилах Хьюго вскипеть, и он, обезумев, целовал ее щеки, веки и шею.

Придерживая девушку одной рукой, мужчина скользнул другой в раскрытый ворот ее рубашки. Финнула издала стон, так напоминавший тоскливый вздох, что Хьюго, не в силах заглушить этот бессловесный крик, огляделся по сторонам в поисках стога сена, на который можно было бы лечь...

...и увидел Эвана, стоявшего неподалеку, раскрыв рот и тараща на них глаза.

Финнула раздраженно фыркнула и жестко ткнула Хьюго локтем. Он нехотя отпустил ее, и девушка поправила сбившуюся рубашку.

— В-вы заб-были п-перчатки, — заикаясь, произнес Эван, протягивая перчатки Финнулы. — М-мэвис послала м-меня п-передать...

Девушка забрала у него перчатки.

— Поблагодари Мэвис от меня, хорошо? — улыбнулась она. — Я очень рада, что вы заметили.

— Ага, — ошарашенно кивнул Эван и, бросив на Хьюго полный любопытства взгляд, пошел в дом.

— Черт подери! — простонала Финнула сквозь зубы, когда Эван скрылся из виду. Спрятав лицо в гриве Вайолет, она притопнула ногой. — Что ты наделал?

Хьюго скривился, потирая бок.

— Ты точно мне что-то сломала.

Финнула подняла голову и уставилась на него невидящим взглядом.

— Он сейчас все расскажет! Эван расскажет Мэттью, Мэттью расскажет кому-нибудь из моих зятьев, они передадут Роберту, и этой истории не будет конца!

Хьюго продолжал пожирать ее глазами. Даже злясь, она была прекрасна. Как покраснелись ее щеки, как падали на лицо непослушные пряди...

Иными словами, Финнула Крейс была той женщиной, которую ему хотелось бросить на стог сена и долго, бесконечно долго любить.

И именно этого Хьюго страстно желал, именно это ему было так необходимо. Ему

хотелось, чтобы она снова оказалась в его руках — но как скоро это случится, если теперь девушка неудержимо краснеет, словно Эван увидел, как они занимались чем-то посерьезнее обыкновенных поцелуев?

Хьюго вздохнул. Пожалуй, не так плохо, что парнишка помешал им. Стоило для лошадей — не лучшее место, чтобы соблазнять женщин. Нет, такая, как Финнула Крейс, заслуживала большего, чем потеря невинности на соломе на чьем-то заднем дворе. Если бы Хьюго мог, он бы непременно затащил ее в свою постель в поместье, она подходила идеально. Широкая, упругая, о чем еще можно было просить?

Как же он мечтал оказаться в поместье прямо сейчас! Больше всего на свете ему хотелось провести холодный дождливый день в постели с этой девушкой, чувствуя каждый дюйм ее кожи, вдыхая ее сладкий запах...

Но теперь она снова начеку, натягивает накидку и перчатки, собранная и решительная, как и прежде.

Чтобы выпустить ярость, бушевавшую внутри, Хьюго схватил сапог, валявшийся в сене, и с силой запустил его в стену дома. Финнула вздрогнула и взглянула на него.

— Что ты делаешь? — рассердилась она. — Фермер Фэйрчайлд не виноват!

Хьюго вытащил из кармана монету и положил на развалившийся от удара об стену сапог.

— Вот, — выдохнул он. — Это возместит убыток.

Финнула лишь покачала головой, запрыгивая в седло.

— Успокойся, — посоветовала она. — А то из штанов выпрыгнешь вот-вот.

Хьюго сел на своего скакуна и пропустил девушку вперед.

— И это, — он печально покосился на свои штаны, — очень большая проблема.

Глава 8

Остаток дня Финнула изо всех сил старалась не замечать своего спутника, что было не так уж легко.

Судя по всему, сэр Хьюдж пытался помешать ей в этом всеми способами, какие только приходили ему в голову. Он то пускал своего скакуна рысью, обгоняя Финнулу, то отставал и шел за Вайолет шаг в шаг. Или ехал рядом, коленом касаясь колена Финнулы, а затем беззвучно произносил слова извинения, улыбаясь при этом самой хитрой из своих улыбок.

Девушка искренне не понимала, что происходило между ними теперь. Злился ли он на нее за тычок локтем? Это было бы совершенно ожидаемо. В отличие от того поцелуя... Никогда раньше Финнула не встречала мужчину, на близость которого ее тело отзывалось бы с таким жаром. Казалось, теперь желание поцеловать его никогда ее не оставит, хоть этого оказалось недостаточно.

Ее щеки вспыхивали огнем при одном лишь воспоминании о том, что произошло на заднем дворе дома Фэйрчайлдов. Что подумала Мэвис, когда Эван все ей рассказал? Финнула была совершенно точно уверена, что он передал ей все, что увидел. А почему нет, если он был невольным свидетелем того, как Финнула Крейс засовывает язык в рот какому-то мужчине?! То, что сэр Хьюдж был способен на подобную вещь, не удивило бы никого, но она, Финнула!.. Его рука была на ее груди, и Финнуле хотелось его прикосновений! Нет, Мэвис Фэйрчайлд никогда этого не поймет.

Хотя, возможно, она и могла бы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но Роберт никогда не поймет. Ни за что на свете.

Финнула хорошо знала Мэвис и предполагала, что Мэвис, должно быть, приняла их за влюбленных, что, разумеется, никак не могло быть правдой. Как Финнула может влюбиться в такого несносного грубияна? Он годится ей в отцы по возрасту, а его грубость сравнима с грубостью ее брата. И мужчина, в которого она влюбится, никогда не будет пытаться соблазнить ее в чем-то стойле. Ее возлюбленный будет добиваться ее и обращаться с ней, как подобает, преподнося цветы, читая стихи и даря маленькие подарочки вроде лент для волос. Не то что бы Финнула любила ленты...

Но это совершенно неважно.

Нет, она не влюблена в сэра Хьюджа Фитцуилльяма — пусть и придется признать, что она желала его. Но его лицо... Нет, боже правый, никогда. Этот обросший мужик никогда не сможет заслужить ее любовь, это попросту невозможно.

Правда, глаза у него красивые, в зависимости от освещения они отливают разными цветами. Когда он подмигивал ей в доме Фэйрчайлдов, они были золотистыми, полными тепла и дружелюбия. Девушка оценила, с каким терпением он слушал скучный рассказ Мэттью о пашне и посевах, с какой вежливостью говорил с хозяевами дома.

И, решившись быть честной с собой до конца, Финнула не могла не признать также, что ей очень нравились его руки. Его туника не скрывала рельефа мышц, бицепсы были видны отчетливо, можно было сравнить их по величине с одной из любимых кур Мелланы, такими большими они оказались. Разве могла она предположить, что такие сильные руки способны быть такими нежными?..

К тому же, его ноги не были похожи на цыплячьи лапки, как у многих других мужчин, знакомых Финнуле. Она терпеть не могла, когда ноги добытчиков и защитников были сравнимы с прутиками. Но сэр Хьюдж и здесь впечатлил ее, его ноги больше напоминали стволы деревьев. А еще девушку поражала грациозность мужчины. Будучи таким гигантом, он отнюдь не чувствовал себя неловко в собственном теле, управляя этой машиной, точно слаженно работающим механизмом. Да и чему здесь удивляться, он ведь с рождения был... Самим собой. Финнула усмехнулась при этих глуповатых мыслях.

Нет, сэр Хьюдж впечатлял своим внешним видом, любая женщина была бы рада назвать его своим мужем. Любая, кроме Финнулы, разумеется.

А потому ей было неясно, что заставило ее так отреагировать на его поцелуй. Просто ей казалось правильным поцеловать его в ответ, и, когда он оторвал ее ноги от земли, это тоже казалось правильным. Бог знает, что могло бы случиться, не заметь они Эвана. Именно так забеременела Меллана? Джек Мэллори начал целовать ее, а поблизости не оказалось никакого Эвана, что мог бы им помешать? Теперь Финнула не могла обвинять сестру в глупости, ведь она начала понимать, как трудно бывает отказаться от некоторых соблазнов.

Бросив взгляд на присмирившего рыцаря, Финнула даже пожалела его: таким вновь вымокшим до нитки и несчастным он казался. Все тепло, согревшее его у очага Фэйрчайлдов, ушло, и они оба дрожали от холода. Девушка знала, что выглядит не лучше, чем он, а запах мокрой одежды был едва ли выносим.

Дождь лил весь день, солнце так и не показалось из-за туч. Май — месяц солнца и цветов, но светлы не вырастут без хорошей поливки, с природой бессмысленно бороться. Теперь, когда начинались сумерки, стало прохладнее, и было сложно поверить в то, что зима уже закончилась.

Заставив себя улыбнуться веселой улыбкой, Финнула окликнула пленника:

— Не стоит ли нам остановиться, сэр Хьюдж, и поискать ночлег? Дом пастуха где-то

неподалеку, как я знаю.

Хьюго кашлянул.

— Дом пастуха, — повторил он. — Ты принимаешь меня за овечку? Я не остановлюсь до самого Дорчестера и заночую на постоялом дворе.

Финнула старательно подавила растущее раздражение. В конце концов, он всего лишь мужчина. Они всегда любят перечить.

— Мы не можем позволить себе ночлег там, — вежливо напомнила она. — У меня нет денег на комнату.

— Тогда я заплачу за чертов ночлег, — буркнул Хьюго.

Финнула лишь посмотрела на него, затем пожала плечами.

— Пусть так. Я останусь с лошадьми.

— Черта с два ты останешься с лошадьми! — рявкнул рыцарь. — Ты останешься в той комнате, за которую я заплачу, как и подобает приличной женщине, а не какой-то мифической Диане-охотнице...

Щеки Финнулы вспыхнули огнем, но она не понимала, от смущения или от раздражения. Глубоко вздохнув, она холодно сказала:

— Я не стану делить с тобой комнату. Лучше буду спать с лошадьми.

Хьюго насмешливо покосился на нее.

— Значит, это будут две разные комнаты. И не забудь запереть дверь. Кто знает, что за сброд шатается по постоялым дворам, не думаю, что без меня ты будешь в безопасности. Я не понимаю, чем дом пастуха тебе нравится больше, чем теплая комната...

— Не в Дорчестере, там все меня знают! — воскликнула Финнула, злясь на его глупость. — Ты, конечно, не переживаешь о моей репутации, но у меня она все-таки есть, и для нее будет большим ударом, если меня увидят в трактире с каким-то неизвестным рыцарем, да еще и узнают, что я ночую с ним в одной комнате.

Ее спутник хмыкнул.

— Значит, мы будем ночевать в разных комнатах, — повторил он. — Иисусе сладчайший, как же глупы девственницы!

Финнула прищорила Вайолет — но безмозглый рыцарь не понял ее намека и поспешил за ней.

— Мне все равно, где мы остановимся, — сообщил мужчина. — Главное — просушить одежду и нырнуть в горячую ванную.

Девушка не сводила глаз с дороги.

— Горячие ванны стоят больших денег, — поджала губы она.

— Думаю, я могу себе это позволить, — кивнул Хьюго. — Мне надоел дождь и вдвойне надоела грязь. Я и забыл, как отвратительна старая добрая Англия по весне.

Самым разумным решением теперь, по мнению Финнулы, было молчать — что она и сделала, пока невыносимый рыцарь продолжал что-то бормотать себе под нос.

К счастью, до Дорчестера оставалось не так далеко, и, завидев знакомые домики, Финнула приободрилась. Мысли о горячей еде и теплой постели были приятны, она даже уже не была против того, что за комфорт будет платить практически незнакомый ей мужчина. В конце концов, если вспомнить, как они разговаривали в самом начале этого ужасного приключения, сэр Хьюдж определенно задолжал ей хороший ужин.

Но ее хорошее настроение увяло, когда, остановившись у «Очага и дичи», рыцарь прошел внутрь, оставив ее в стойле снимать с лошадей седла, а затем вернулся со странным

выражением на лице.

— У них не осталось двух комнат, — сказал он, не медля ни секунды. — Только одна.

Финнула, по-прежнему держа сбрую Вайолет в руке, пожала плечами.

— Тогда доброй ночи, — она уже собиралась запрыгнуть обратно в седло. — Я уже освободила тебя однажды, почему не...

— Финнула!

Хьюго схватил ее за руку, как тогда, в стойле Фэйрчайлдов, но на этот раз он определенно не собирался целовать ее.

— Финнула, послушай меня, — твердо заговорил рыцарь. — Нет никаких причин, по которым мы не можем остановиться в одной комнате. Я не притронусь к тебе, даю слово.

— Ха! — девушка выдернула руку из его пальцев. — Ты уже давал слово однажды, забыл? Нет уж, я лучше буду спать возле Вайолет. Она, может, и пахнет не лучшим образом, зато не пытается стянуть с меня штаны.

Она снова попыталась запрыгнуть на лошадь, но Хьюго положил руку на седло Вайолет, делая это невозможным.

— Финнула, — терпеливо повторил он, — ты ведешь себя глупо и смешно.

— Неправда.

— Правда. Да ты сама посуди, у тебя же зубы так и стучат!

— Вовсе нет!

— Да. И, погоди-ка, ты сейчас шмыгнула носом?

Финнула вскинула подбородок и гордо вытерла нос рукавом туники.

— Нет.

— А твое ребро по-прежнему болит. Это заметно по твоей позе, — он кивнул на ее руку, которая машинально легла на больное место.

— Уже нет, — Финнула поспешно опустила руку, едва заметно скривившись.

— Ты ляжешь спать на кровать, я буду спать на полу.

Девушка фыркнула.

— Хорошо, у двери. Финнула, я не позволю тебе спать в стойле. Мое чувства долга этого не допустит.

— Тогда оставь меня в комнате одну, — предложила спутница, нахально глядя ему в глаза, чтобы увидеть, как он спадет с лица, услышав это. Однако ничего подобного не произошло.

— Что-что? — Хьюго покачал головой. — Заплатить за комнату для тебя, а самому ночевать в трактире, да еще и по соседству с пьяными головорезами? Нет, благодарю покорно. Мое чувство долго не так глубоко.

— Тогда мой ответ по-прежнему «Нет», — пожала плечами Финнула.

— Чего ты так боишься? — вдруг спросил сэръ Хьюдж голосом, от которого по спине девушки так и побежали мурашки. Она встряхнула головой, избавляясь от странного чувства.

— Чего я боюсь? Ну, для начала, своего брата Роберта.

Похоже, рыцарь ожидал не такого ответа.

— При чем тут твой братец Роберт?

— При том, — бросила Финнула, снимая все же с Вайолет седло. Девушка и впрямь замерзла, ее зубы стучали все громче, вот только маленькая упрямица ни за что не признает этого. — Если Роберт узнает, что я провела ночь в трактире с каким-то мужчиной, он больше никогда в жизни не выпустит меня с мельницы. Ну, или попытается не выпускать.

Хьюго снял седло со своего скакуна.

— Но ты ведь уже провела со мной одну ночь, если можно так выразиться, — напомнил он, приподнимая бровь.

— Да, вот только об этом никто не знает. А здесь, в Дорчестере, у меня много знакомых. Я продавала дичь в каждый трактир...

Мужчина пристально взглянул на девушку.

— Ту дичь, что раньше бегала в лесах графа?

Щеки Финнулы порозовели.

— Иногда. Важно не это, — нетерпеливо взмахнула рукой она, — а то, что кто-нибудь непременно расскажет Роберту, и моя жизнь на этом будет закончена. Он скоро женится и... Ну, завоевать доверие родителей девушки было нелегко, а если я сделаю что-то, что огорчит его невесту или ее семью... Мне лучше не злить его, — беспомощно закончила девушка.

Хьюго что-то пробормотал себе под нос, Финнула не разобрала, что именно. Затем он пытливо посмотрел ей в глаза.

— Так это все, чего ты боишься? Что братец Роберт обо всем прознает?

Финнула скрестила руки на груди.

— Да! Чего еще мне бояться?

— К примеру, меня.

Он сказал это тихо, но назойливые мурашки снова пробежали по плечам девушки. Финнула отвела глаза, стараясь избегать его взгляда.

Боялась ли она его? Да, определенно, но не в том смысле, в каком говорил он. Она не боялась, что он ранит ее или попытается соблазнить. Финнула была твердо уверена, что он попытается это сделать рано или поздно, и точно знала, что легко остановит его, если захочет. Но здесь и было небольшое затруднение: девушка не знала, *захочет ли* остановить его. И куда это приведет ее? Что, если она закончит так же, как Меллана?

Взглянув на свои перчатки, Финнула передернула плечами и солгала с такой смелостью, на какую только была способна:

— Тебя? Ты пугаешь меня меньше всего на свете.

— Хорошо, — вдруг кивнул Хьюго и, молниеносно обогнув лошадей, оказался перед ней. Стоя вплотную к девушке, но не касаясь ее, он улыбнулся. — Думаю, я знаю, как нам переночевать в трактире, не испортив твою репутацию и не дав братцу Роберту повода для злости.

Финнула не шевельнулась, всем своим видом показывая, что его близость ничуть ее не трогает.

— Вот как? — к счастью, ее голос не дрогнул. Надо говорить коротко, решила она, тогда будет проще сохранять невозмутимый вид.

— Да. И очень просто, — он улыбнулся, и девушка впервые заметила его белые зубы. Надо же, у него симпатичная улыбка. Жаль, что она все время скрыта под ужасной бородой...

— В «Очаге и дичи» все знают Финнулу Крейс, — тем временем говорил он, — но никто не знает меня. И мою жену.

Во рту у Финнулы пересохло.

— Жену? — эхом откликнулась она.

— Да, жену.

Не понимая, почему он так широко улыбается ей, Финнула нахмурилась.

— Н-но... — она запнулась и немедленно обругала себя за это. — Вчера ты сказал, что не женат... — девушке вдруг захотелось плакать.

— Я и не женат, — улыбка сэра Хьюджа стала еще шире. — Но хозяева «Очага и дичи» об этом не могут знать, не так ли?

Финнула лишь заморгала. Он совсем лишился рассудка или притворяется умалишенным, чтобы сбить ее с толку? Может, это она сходит с ума?

— Ты еще не догадалась, Финнула? — подтрунил мужчина, притворно-насмешливо качая головой. Девушка промолчала, и, приняв это за отрицательный ответ, рыцарь потянулся к ее охотничьей сумке. — Сейчас объясню.

Он вынул из сумки гребень и шпильки, затем достал мятое платье.

— Завсегдатаи «Огня и дичи» знакомы с Прекрасной Финн, которая ходит в мужских нарядах и с косой, — Хьюго с силой встряхнул платье, расправляя его. — Но, если не ошибаюсь, они никогда не встречались с моей женой, леди... — он помолчал. — Как нам тебя назвать?

Ответа не последовало, Финнула выставила вперед обе ладони, защищаясь от его предложений.

— Нет.

— Но почему? — Хьюго окинул взглядом платье. — Раз они привыкли видеть тебя в тунике и шосссах, им ни за что не узнать тебя в платье. Заберешь волосы наверх, накинешь капюшон — и все примут тебя за скромную невесту сэра Хьюджа Фитцуилльяма...

— Я сказала «Нет», — оборвала его Финнула. — Сколько еще раз повторить, чтобы ты меня услышал? Нет, нет, нет...

Хьюго наставил на нее указательный палец.

— Мне казалось, ты меня не боишься.

Финнула вновь вздернула подбородок.

— Вот еще! Но...

— Мне казалось, ты боишься только брата Роберта, который может обо всем узнать.

— Да, но...

— Возможно, — Хьюго скорбно взглянул на кремового цвета платье, — Прекрасная Финн не такая уж и бесстрашная, как мне сперва подумалось.

— Я ничего не боюсь, — заверила его Финнула. — Просто...

— Просто что? — он иронично поднял брови, бросая ей вызов, и девушка поняла, что в этом негласном сражении она уже проиграла.

— Ох, ладно, хорошо, — выпалила она, вырывая у него из рук платье и гребень. — Подожди снаружи, пока я переоденусь, — Финнула указала на дверь стойла жестом, не терпящим никаких возражений.

— Я способен на большее, — Хьюго склонился в некое подобии поклона. — Например, пойти и заплатить за комнату и горячие ванны для нас обоих. Я вернусь через несколько минут, чтобы сопроводить вас, леди... — он вопросительно взглянул на нее. — Так, об этом я еще подумаю.

— Вон, — рассмеялась Финнула.

Оставшись в одиночестве (и в компании лошадей и одной коровы), девушка вздохнула. Как она умудрилась попасть в такую переделку? Вот она, Прекрасная Финн, снимает мокрую рубашку и штаны в стойле у трактира, чтобы затем надеть платье, которое она не надевала с тех пор, как... ну, похоже, с тех пор, как бросила его в сумку и забыла о нем. А

потом она будет изображать жену незнакомого мужчины, чтобы незамеченной пройти в комнату, где будет спать с тем же незнакомым мужчиной.

Это слишком. Вообще вся затея оказалась куда сложнее, чем Финнула предполагала. В этом виновата, разумеется, Меллана. Поразмыслив немного, Финнула решила обвинить во всем не сестру, Джека Мэллори. Если бы этот чертов Джек Мэллори не соблазнил ее невинную сестру, не заделал бы ей ребенка, то она, Финнула, не переодевалась сейчас в стойле, чтобы провести ночь с плененным ею же рыцарем.

Разумеется, «провести ночь» не в прямом смысле, она лишь будет проводить ночь в одной комнате с ним, но ни за что не ляжет с ним в одну кровать. Если придется, она будет спать на стуле или у очага. Хуже всего — оказаться в положении Мелланы, быть беременной и незамужней. Этого Финнула Крейс никогда не позволит.

Не то что бы Финнула имела что-то против брака. Но когда сэр Хьюдж поддразнивал ее насчет мужа-кузнеца, он был далек от какой бы то ни было правды. Семейная жизнь вовсе необязательно должна выглядеть именно так: жена с огромным от очередной беременности животом, муж, пьяный и требующий ужина на столе. Большинство браков, знакомых Финнуле, были довольно счастливыми. Ее сестры не потерпели бы к себе такого отношения, какое описал сэр Хьюдж, они и выбирали в мужья тех, кем можно помыкать. Правда, Финнула не была уверена, что сможет уважать мужчину, из которого будет легко вить веревки.

С другой стороны, ей не нравилась и мысль о том, что ее муж будет помыкать ею.

И как она будет ездить верхом и охотиться с ребенком под сердцем? Это ведь совершенно невозможно. Тогда что ей делать девять месяцев? Она не умеет сажать, ненавидит домашнюю работу. Она умеет готовить, но совсем чуть-чуть, и предпочитает отстреливать и приносить мясо домой, нежели готовить его.

Нет, лучше всего просто-напросто избегать брака, как огня.

Стоя лишь в одних лишь сапогах и ежась от холода, Финнула натянула платье. Рукава оказались обтягивающими и длинными, они закрывали почти половину ладони. Наряд сел точно по фигуре, облегая талию и подчеркивая все изгибы тела девушки. Юбка была такой длинной, что подол пришлось подхватить, чтобы не испачкать мокрой землей. Подумав, Финнула завязала его узлом над коленями, чтобы освободить руки, и занялась волосами.

Завившуюся от влаги шевелюру не представлялось возможным расчесать, и в конце концов девушка сдалась в битве с колтунами, кое-как пригладив волосы и забрав их наверх, затем закрепила несколькими шпильками. У нее не было зеркала, чтобы оценить свой внешний вид, но, когда Хьюго вернулся, его веселый свист стих при одном лишь взгляде на нее, и Финнула поняла, что выглядела она отвратительно.

Увидев его выражение лица, девушка инстинктивно потянулась туда, где обычно у нее на поясе висел нож, но, поскольку теперь на ней было платье, ее пальцы лишь скомкали ткань юбки.

В стойле было холодно, без туники плечи и шея девушки зябли, а внимательный взгляд Хьюго не упустил того, как предательски отреагировала на холод ее грудь, прикрытая лишь тонкой тканью платья. Поймав его взгляд, девушка вспыхнула и поспешно начала расправлять юбку, пытаясь спрятаться от глаз мужчины.

Хьюго подошел к ней и накинул на плечи свой плащ.

— Так будет теплее, — мягко сказал он, а затем кашлянул, словно пытаясь скрыть заботливые нотки, прозвучавшие в этой простой фразе.

Финнула подняла капюшон и подхватила подол платья. В плаще сэра Хьюджа было куда теплее, мех, пришитый изнутри, согревал намного лучше, чем ее изношенная шерстяная туника. Мужчина тем временем учтиво взял ее под руку, как делали рыцари, проездом бывавшие в их деревне и заходившие на постоянные дворы вместе со своими женами.

— Если позволите, — с полупоклоном сказал он, вживаясь в образ семьянина.

Мысленно убеждая себя, что все должно пройти без сучка, без задоринки, Финнула последовала за «мужем» к дверям «Огня и дичи».

Ей много раз доводилось бывать в этом трактире, но ни разу она не заходила сюда под руку с мужчиной, которого взяла в плен ради выкупа. Бросив быстрый взгляд из-под капюшона, девушка с ужасом поняла, что все ее старые друзья здесь. А вот и мистер Питт, хозяин трактира и постоянного двора, с которым она однажды пила на спор. Даже деревенские проститутки, Мэри Элис и Кейт, терлись возле стойки и разглядывали всех входящих в трактир. Обычно они относились к Финнуле вполне дружелюбно, теперь же скользнули по ней взглядами равнодушно, точно и вовсе не замечали. Что же произошло?

Никто не узнал девушку, как и предполагал сэр Хьюдж. Видя ее в платье, никто и предположить не мог, что это и есть Финнула Крейс. Несмотря на уверенность Финнулы в том, что старые знакомые узнают ее в любой одежде, платье обмануло всех, превратив отважную охотницу в скромную жену неизвестного рыцаря.

Миссис Питт, жена хозяина, тотчас бросилась к вошедшим, закрывая за ними дверь, и засуетилась вокруг Финнулы.

— Ох, миледи, входите, входите, такое ненастье на дворе! — она стряхнула капли дождя с плеч Финнулы. Да, даже миссис Питт не узнала в девушке старую знакомую. План сэра Хьюджа работал, как по маслу. — Я приготовила вам ванную, ваш муж сказал, что вам не помешает тепло и пар. Ужин уже готовится, я принесу его в комнату, как только вы вымоетесь...

Она говорила и говорила, а Финнула застыла в растерянности, не зная, что ответить. Что, если добрая женщина узнает ее голос? Но тут на помощь ей пришел сэр Хьюдж.

— Леди Фитцуилльям очень благодарна вам за заботу, миссис Питт, — улыбнулся он. — Прошу простить ее за скромность, она очень тиха и молчалива. Мы совсем недавно поженились, и она застенчива...

— Бедная овечка, — погладила миссис Питт Финнулу по плечу. Однажды она назвала девушку отродьем дьявола за то, что та притащила оленя и положила его прямо на недавно вымытый пол трактира. Забавно было из «отродья дьявола» превратиться в «бедную овечку». — Идемте со мной... Не волнуйтесь, сэр Хьюдж, она в хороших руках. Ваша ванная ждет вас наверху, сэр, — взяв Финнулу за руку, хозяйка повела ее в пристройку. — Я верну ее вам, сэр, совсем скоро, чистую и согревшуюся.

Никогда за все время существования «Очага и дичи» Финнула не слышала о том, чтобы хозяева наполняли сразу две ванны одновременно. Что же сделал сэр Хьюдж, раз они согласились на это?

Оказавшись в довольно большой комнате, где деревянная ванная была почти до краев наполнена водой, а из-за пара очертания всех предметов казались расплывчатыми, Финнула поняла, что это, должно быть, ванная самой хозяйки. В эту ванную, каких девушка не видела никогда в жизни, можно было сесть и оказаться в воде по самую шею.

— Вот воды и лавандовое масло, миледи, вот мыло и чистые полотенца, — ворковала миссис Питт. — Не бойтесь замочить волосы, Пегги высушит и расчешет их. Вам

потребуется помощь с мокрой одеждой, не так ли, миледи?

Говоря все это, миссис Питт начала было стягивать с головы Финнулы капюшон, но девушка покачала головой и отскочила от хозяйки. Сердце стучало в груди, словно молот о наковальню. Подумать только, что скажет женщина, если узнает, что пригласила в свою ванную Финнулу Крейс!

— Ага, — рассмеялась миссис Питт, — вы у нас скромница. Значит, ваш муж говорил правду, не так ли, милая? Ну что же, не переживайте. Я и сама была застенчива первые несколько месяцев после свадьбы, не позволяла мужу и взглянуть в мою сторону, если не была одета. Но это совершеннейшая глупость в вашем случае, миледи, ведь всем понятно, что вы прекрасны, как пламя свечи. А, вот и Пегги...

В ванную скользнула худенькая девочка, которую Финнула не видела раньше, в руках у нее были два ведра воды. Маленькая, да удаленькая, растерянно подумала Финнула, глядя на девочку. Миссис Питт одобрительно закивала.

— Тогда я вас оставляю, — она открыла дверь ванной, собираясь уходить. — Сюда никто не зайдет и не посмеет вас потревожить, я прослежу за этим, но все же запритесь изнутри на всякий случай.

Финнула пробормотала несколько слов благодарности, и сияющая миссис Питт вышла из ванной. Не так уж часто она была настолько счастлива и казалась такой довольной, вскользь удивилась Финнула. Что же такого пообещал им этот сэр Хьюдж, что хозяйка крутятся вокруг них, точно вокруг королевской четы? Столько шума из-за комнаты и ванн... Но это, хоть и было так ново, оказалось куда приятнее. Если бы решение принимала Финнула, они умылись бы дождевой водой и легли бы спать в пастушьем домике, подложив под голову седла вместо подушек.

Залезая в ванную, девушка гадала, сколько же денег у сэра Хьюджа? Он бросил золотую монету в трактире, оставил деньги на стойле Фэйрчайлдов, да и вот теперь... Наверное, у него куда больше денег, чем она предполагала, когда брала его в заложники. Что же, Меллана должна быть довольна. А изумруд на шарфе? Дочь султана была очарована сэром Хьюджем, не иначе, раз отдала ему такую дорогую вещь. Впрочем, если он целовал ее так же, как Финнулу... Тогда причин для удивления не было.

Как же приятно было опуститься в горячую воду, смыть с себя дорожную пыль и пот! Теперь, когда миссис Питт ушла, Финнула снова почувствовала себя собой, и от этого стало вдвойне приятнее. К тому же, ей вспомнилось, что в «Очаге и дичи» всегда держали про запас несколько бочек эля, сваренного Мелланой. При мысли об этом девушка вдруг поняла, как же голодна, но ее успокоило то, что обещанный ужин будет ждать ее совсем скоро.

Синяк на ребрах уже почти прошел, прикоснуться к нему было не больно, и Финнула от души потерла спину и руки жесткой мочалкой, соскребая с кожи многодевную грязь. Закончив и ополоснувшись чистой водой, она взяла одно из широких полотенец и завернула в него волосы, соорудив на голове подобие тюрбана, когда в дверь постучали. Финнула вздрогнула, не зная, куда спрятаться на случай, если это вернулась миссис Питт, но это оказалась лишь Пегги. С облегчением вздохнув, девушка открыла дверь.

— Хозяйка сказала спросить вас, не нужно ли чего, — весело пропела она.

Финнула покачала головой, и тюрбан из полотенца немедленно сполз. Пегги, заметив это, рассмеялась.

— Я могу расчесать ваши волосы миледи. Хозяйка говорит, я хорошо с этим справляюсь.

Пегги не узнавала Финнулу, и девушка решила, что ее помощь будет очень полезной. Она махнула девушке, приглашая ее зайти, затем снова заперла дверь.

Девочка и впрямь справлялась с мокрыми волосами превосходно. Она сумела даже сладить с мокрыми кудряшками Финнулы и расчесать все колтуны до единого, ни разу не дернув слишком сильно. Затем она заплела еще чуть влажные волосы в аккуратную косу.

— Вот, — довольная своей работой, провозгласила она и выскочила из ванной. Пока Финнула ощупывала косу, девочка вернулась и протянула гостье круглый предмет. — Это зеркало, — гордо сказала она. — Оно единственное во всей деревне, стоит кучу денег. Посмотрите, что вышло.

Финнуле редко выпадал шанс взглянуть на собственное отражение, и она думала, что увидит в зеркале ужасное чудовище, особенно теперь, когда ее волосы были убраны назад. Но к удивлению девушки с зеркальной гладью на нее смотрела очень милое создание с личиком в форме сердца и нежной кожей, а убранные в косу волосы ничуть не портили ее вида. Финнула кивнула и вернула зеркало девочке. Та отнесла его обратно и вернулась вновь.

— Хозяйка сказала отвести вас в комнату, миледи.

Удержавшись от смешка при виде серьезного лица девочки, Финнула поблагодарила ее, понимая, что Пегги лишь хочет быть как можно более полезной и услужливой. Одевшись, накинув на плечи плащ сэра Хьюджа и надев капюшон, девушка последовала за Пегги. Они прошли через трактир, где вновь никто не узнал Финнулу, и остановились в коридоре на втором этаже. Пегги робко постучала в одну из дверей. Финнула улыбнулась при мысли о том, что покой сэра Хьюджа и его отдых от нее был недолгим.

Дверь открылась через несколько секунд, а на пороге стоял вовсе не сэр Хьюдж. Вместо него на них смотрел какой-то другой мужчина, гораздо моложе и намного красивее.

Без рубашки и гладко выбритый — нет, это никак не мог быть он... Но глаза! Да, это несомненно глаза сэра Хьюджа. И губы казались очень знакомыми, и подбородок тоже. Возможно, этот человек был просто похож на ее пленника? Финнула не знала, что и подумать. Неужели именно эти губы так нежно касались ее собственных всего-то несколько часов назад? Неужели именно эти глаза обещали то, что было понятно лишь ей? Нет, это совершенно невозможно...

Широкие плечи и мускулистая грудь приковывали к себе взгляд, но Финнула заставила себя смотреть за плечо незнакомца. В конце концов, невежливо разглядывать мужчину, в чью комнату по ошибке постучала Пегги. Пусть в лице и было какое-то сходство с сэром Хьюджем, но это был не он. Никак не он! Этот мужчина намного моложе, примерно того же возраста, что Роберт, и он мог бы быть завидным женихом для любой невесты. Это не ее пленник.

— Прошу прощения, — пробормотала Финнула, стараясь не смотреть на незнакомца. — Мы ошиблись комнатой.

— Да нет же! — рассмеялась Пегги. — Это ваша комната. Хозяйка сказала мне...

— Нет, — перебила ее Финнула, чувствуя, как заливается краской. — Нет, должно быть, какая-то ошибка...

Прекрасный незнакомец широко улыбнулся, взглянул на служанку и покачал головой:

— Вот видите, что бывает? — это голос сэра Хьюджа! Но как? Этот мужчина был сэром Хьюджем не более, чем им была она сама, Финнула! — Стоит побриться, как тебя не узнает собственная жена! Заходи же, милая, — и он настойчиво потянул Финнулу в комнату.

Девушка беспомощно подняла голову и встретила взглядом с глазами, которые раньше насмешливо смотрели на нее с бородатого лица пленника. — Ну здравствуй, любовь моя, — произнес он, а в глазах его заплясали чертики. — Как ты себя чувствуешь?

Теперь Финнуле стало страшно. Она больше не была уверена в том, что сможет остановить сэра Хьюджа, если он попытается ее соблазнить. Она никак не могла подумать, что ее пленник окажется так молод!

Ей нужно бежать. Она сбежит от него в тот же миг, как представится такая возможность.

Пегги между тем смотрела на них с удивлением. Сэр Хьюдж крепче сжал руку Финнулы, словно разгадав ее замысел о побеге.

— Спасибо за заботу, — поблагодарил он девочку, протягивая ей золотую монету. — За моей любимой только глаз да глаз.

Девочка широко улыбнулась.

— Хозяйка говорит, она переборет это, — заверила она мужчину.

Как только Пегги ушла, Хьюго закрыл дверь и наклонился к Финнуле.

— Какого дьявола ты творишь? Ты чуть было все не испортила!

Девушка отвернулась, стараясь смотреть куда угодно, но только не на его руки, которые так легко могли обхватить ее и оторвать от земли... Нет! Нельзя об этом думать! Нельзя позволить ему раскинуть ловушку, в которую она радостно попадет.

Теперь Финнула сконцентрировалась на столе, где уже стояли две тарелки с мясом и две миски с похлебкой. У огня висела ее мокрая одежда — рубашка, туника и штаны, все вещи уже почти высохли.

— Да что с тобой происходит? — Хьюго по-прежнему ждал ответа. — Ты похожа на напуганную кошку. Что случилось? Миссис Питт тебя узнала?

К счастью, он отпустил ее и натянул рубашку. Теперь общаться с ним будет чуть легче.

Но колени Финнулы все равно подкашивались при одном лишь взгляде на него, и девушка села на пол возле огня. Встревоженный рыцарь бросился к ней.

— Финнула, с тобой все в порядке? — он обеспокоенно смотрел на нее, пытаясь поймать взгляд. — Снова болит ребро? Я не помню тебя такой тихой, — когда ответа не последовало, он лишь покачал головой и подошел к столу. Взяв кружку, он протянул ее Финнуле, и та приняла ее, даже не взглянув на содержимое. — Это должно немного развязать тебе язык, — с надеждой произнес Хьюго. — Мне сказали, что это эль Мел. Его варила твоя сестра Меллана, я правильно понял?

Девушка поднесла кружку к губам и сделала глоток. Да, это и вправду эль Мелланы, такой же превосходный, как и всегда.

— Вкусно, верно? — улыбнулся Хьюго. Он помог Финнуле подняться и усадил ее на стул возле стола, сам сел на стул напротив и оглядел тарелки. — Что же, все прошло хорошо, они ничего не заподозрили. Я ведь говорил, что никто ничего не поймет. Ты не похожа на Прекрасную Финн. Честно сказать, ты очень хорошо выглядела, несмотря на...

— Несмотря на что? — впервые за все время она нашла в себе силы заговорить.

— Ну, — Хьюго кашлянул, явно довольный тем, что девушка больше не молчит, — несмотря на то, с чего мы начали. Мятое платье, гребень и несколько шпилек — и посмотри на себя теперь. Жена рыцаря. Ты легко сошла бы и за жену графа...

Финнула чуть было не раскрыла рот от удивления. Он знал?.. Откуда?

Но нет, сэр Хьюдж не обратил никакого внимания на ее замешательство, вместо этого с

наслаждением приступив к мясу.

— Ты голодна? — осведомился он. — Нам принесли много еды, здесь даже оленина. Готов поспорить, что это твоих рук дело, — усмехнулся он. — Смотри-ка, тут и бобы, и репа, и хлеб...

— Зачем ты побрился? — тихо спросила Финнула, не слушая его. Рыцарь поднял голову, и девушка пожалела, что вообще заговорила.

— Зачем я побрился? — переспросил он. — Потому что мне надоело выглядеть, словно деревенский сумасшедший. А что? Тебе не нравится?

Девушка сделала большой глоток эля.

— Ты нравился мне и до этого, — ровным голосом произнесла она.

— Верно, — хмыкнул Хьюго. — Пожалуй, на заднем дворе у Фэйрчайлдов — особенно.

Финнула покраснела и мысленно похвалила себя за то, что села рядом с огнем, отблески которого скрывали румянец ее щек.

— Мне казалось, ты гораздо старше.

— Да? Ну, наверное, так я и выглядел. Ты разочарована?

Она пожала плечами и взяла с тарелки кусочек мяса.

— Ты разочарована, — заключил Хьюго, выпрямляясь и указывая на нее вилкой. — Боже правый, да я тебе больше нравился с бородой!

Финнула, не поднимая на него глаз, покачала головой.

— Нет, без бороды ты выглядишь очень симпатичным, — вежливо заметила она.

Чего Финнула не стала добавлять, так это того, что без бороды он стал человеком, которого она бы ни за что не стала брать в плен ради выкупа. Да и кто в здравом уме будет брать в плен такого привлекательного мужчину? Нет, с таким будет куда больше неприятностей — и именно в них-то она и угодила теперь. Только посмотрите на ее положение! Она ужинает — и спит в одной комнате! — с мужчиной, который так красив, что ей хочется поцеловать его немедленно, не выжидая ни секунды. Что же, если раньше у нее и были какие-то сомнения, то теперь ей точно придется крепко вцепиться в кружку, чтобы не позволить себе ничего подобного.

— Дьявол! — возмутился Хьюго. — Я нравился тебе с бородой! — затем его лицо просветлело. — Так я отращу ее снова.

Финнула приподняла брови.

— Вряд ли мы встретимся снова, — прохладно заметила она, — ведь я скоро тебя отпущу.

— Посмотрим, — слегка обиженно отозвался рыцарь.

— Я говорю о том, что редко езжу в Кэтербери, — пустилась в объяснения она. — А ты едва ли поедешь в Стивенсгейт, ведь на тебе будет целое поместье.

— Нет, — Хьюго пристально взглянул в тарелку. — Думаю, ты права.

Финнула не понимала, что так его обеспокоило. Неужели он и впрямь думал, что они могут быть друзьями после всей этой истории? Конечно, у нее были друзья, но никто из них не был похож на него. Девушка была уверена — она не сможет дружить с настолько привлекательным мужчиной, о поцелуях которого она никак не может перестать думать. А он, безусловно, знал, какой эффект оказывает на нее одно лишь его присутствие.

— Ты, наверное, выйдешь замуж за кузнеца, — продолжал тем временем Хьюго.

Теперь настала очередь Финнулы удивленно на него посмотреть.

— За какого кузнеца?

— Какого-нибудь. Из местных. У вас будет тринадцать детей...

— А, — расхохоталась Финнула, — за пьяницу, который будет требовать ужин и бить меня, если я не приготовлю его вовремя. Нет, я вряд ли выйду за кузнеца. Я ведь уже делала это.

И она с удовлетворением услышала звук падающего ножа. Ей удалось обескуражить его, и это было очень приятно.

— Ты делала что? — поинтересовался Хьюго из-под стола, куда нырнул, поднимая нож.

— Выходила замуж, — Финнула плотнула еще эля. Обсуждать собственное прошлое она не любила, но на этот раз собеседника можно было удивить, а потому девушка сделала исключение.

Хьюго непонимающе смотрел на нее, его глаза напоминали золотые монеты, которые он раздавал направо и налево.

— Ты была замужем? — медленно переспросил он.

Девушка кивнула. Нет, напрасно она об этом заговорила. Но ему следовало знать правду.

— Недолго.

— Я не верю, — вдруг сказал он. — Это вранье, ты говоришь это, чтобы позлить меня.

— Хотелось бы мне, чтобы это было враньем, — Финнула подперла ладонями подбородок. — К сожалению, это горькая правда.

— Ничего не понимаю, — раздраженно воскликнул Хьюго, со стуком кладя нож и вилку на стол. — Сколько тебе лет?

— Почти восемнадцать. Но какая разница?

— И долго ты была замужем? — в голосе рыцаря зазвучала тревога.

— Один день.

Мужчина расхохотался, откинув голову назад.

— Тогда все понятно. Что произошло? Братец Роберт обо всем узнал и вернул тебя домой?

— Ничего подобного, — Финнула тяжело вздохнула.

— Тогда где твой муж? Уверен, ни один мужчина, однажды завоевавший Прекрасную Финн, не отпустит ее по собственной воле.

Финнула помолчала.

— А этот отпустил. Правда, не по своей воле. Он умер.

— Умер? — Хьюго подался вперед. — Что значит «Он умер»?

— Просто умер, вот и все. Как ты понимаешь, это едва ли был приятный опыт. Так что я больше никогда не повторю этого снова.

— Не повторишь чего? Замужества? — хотел знать рыцарь. — Вообще никогда?

— Никогда, — твердо откликнулась Финнула, давая понять, что больше не хочет отвечать на вопросы о своем решении.

— Странно, — пробормотал Хьюго, нахмурившись. — Никогда не видел вдов в мужской одежде.

— А почему я должна носить траур по нему? — вскинула подбородок Финнула. — Я его не любила.

Мужчина присвистнул.

— Определенно! И кем же был этот невезучий человек, который умер в день свадьбы с женщиной, что его не любила?

— Кузнецом он не был, — усмехнулась Финнула.

— Я так и подумал. Это был брак по договоренности?

— Если ты хочешь знать, могла ли я сказать «Нет», то у меня не было такой возможности. Иначе зачем мне выходить за того, кого я не люблю?

Хьюго обвел взглядом потолок.

— Люди женятся по разным причинам, Финнула, не только по любви.

— О, разумеется. Такие, как ты — бесспорно, — заметив его недовольное лицо, Финнула поспешила исправиться, — я имею в виду, феодалы. Вы женитесь, чтобы преумножить богатства. Но простые люди, например, я или мои сестры и братья, мы заключаем браки по любви.

— Так ты считаешь, что больше никогда ни в кого не влюбишься, Финнула? — этот вопрос сопровождался легкой полуулыбкой, и девушка подозрительно прищурилась. Как он посмел сначала раздражать ее, а затем задавать вопросы, касающиеся ее жизни, причем самой личной ее части?

Возможно ли такое, что она влюбится в него? Когда он не сводил ее с ума поцелуями, он сводил ее с ума своими высказываниями — и отнюдь не в хорошем смысле. Она боялась его прикосновений, потому что мечтала о них, и понимала, что не сумеет оттолкнуть его, если он поцелует ее опять. Он был самым несносным из всех мужчин, которых она когда-либо встречала, но в то же время с ним она смеялась куда больше, чем, опять же, со всеми, кого она когда-либо встречала. Было ли это любовью?

И она вернула вопрос его автору.

— А ты? — требовательно поинтересовалась она. — Ты когда-нибудь женишься?

— Скорее всего, — кивнул он. — Мой долг — продолжить род Фитц... эээ... Фитцуилльямов.

— Ты женишься по любви? — поддразнила Финнула. — Или из-за денег?

— Пока еще не знаю, — Хьюго спокойно отреагировал на ее подколку. — Но предпочитаю думать, что у меня достаточно денег.

— Раз уж ты так ими разбрасываешься, — согласилась девушка, вновь принимаясь за еду.

— Да, это моя дурная привычка, — признал рыцарь. — Когда я вижу то, что хочу заполучить, я потрачу все возможные средства, чтобы получить то, что мне нужно, — он взял кувшин, стоявший перед ним. — Еще эля Мел?

Финнула протянула ему свою чашку. Теперь, поев, она чувствовала себя куда лучше. Она даже начала потихоньку привыкать к новому облику сэра Хьюджа, он уже пугал ее не так сильно, как вначале. В этом ей помог разговор с ним — сразу стало понятно, что он по-прежнему тот же невыносимый человек, пусть и ставший чуть симпатичнее.

Когда сэр Хьюдж отпил еще эля из своей чашки, Финнула с интересом посмотрела на наполовину опустошенный кувшин, затем на мужчину.

— И как тебе? — поинтересовалась она, глазами указывая на чашку в его руке.

Хьюго улыбнулся, но взгляд его был серьезен.

— Отменный эль, — похвалил он. — Для меня большая честь быть плененным ради него.

Девушка хихикнула, а затем велела себе замолчать. Не стоило налегать на эль.

— Как твое ребро? — осведомился Хьюго.

— Хорошо, — чуть сонно улыбнулась Финнула.

— Может, перебинтовать, прежде чем пойдём спать? — предложил он.

«Прежде, чем перебинтовать». Как по-домашнему это звучало! Словно они были парой уже очень давно и ложиться вместе в постель для них было привычным делом.

— Нет, спасибо, — отказалась Финнула, снова покраснев. Боже, как много она краснела этим вечером, её лицо, должно быть, сравнялось по цвету со свеклой! — Не нужно.

Рыцарь встал из-за стола, отодвинув стул.

— Миссис Пит сказала, чтобы мы оставили тарелки в коридоре.

— О, — Финнула допила остатки эля из чашки. — Я все соберу.

— Не стоит, я займусь посудой, — голос мужчины прозвучал куда настойчивее, чем в первый раз.

Наблюдая, как высокий, крепко сложенный рыцарь собирает тарелки, Финнула гадала, что такого она сказала или сделала, что он рассердился. Наверное, это все её рассказ о неудачном замужестве, он испортил все настроение им обоим. Её и саму удивило то, что она подняла эту тему. У сэра Хьюджа был талант вытягивать из неё то, что она предпочитала держать в секрете. Возможно, именно этим он ей и нравился: девушка чувствовала, что может рассказать ему абсолютно все, и он не будет думать о ней плохо или позорить её.

Но она несомненно сделала что-то, что его рассердило, потому что теперь он упрямо избегал её взгляда. Причину этому выяснить не удавалось, и Финнула, пожав плечами, подошла к кровати и потрогала подушку. В такой кровати она могла бы заснуть, лишь на секундочку прикрыв глаза. Финнула не могла спать в слишком мягких кроватях, а эта казалась достаточно жесткой, но не неудобной. Девушка не могла не признать, что им повезло получить эту комнату, пусть даже им и пришлось остаться в ней вместе.

В комнате было одно окно, напоминавшее окно в её спальне на мельнице, но чуть меньше. Здесь было вставлено дутое стекло, должно быть, очень дорогое. За стенами постоянного двора бушевали дождь и ветер, а в стекле отражалась она сама — худенькая девушка в светлом платье и длинной рыжей косой, перекинутой на плечо. Даже для самой себя она выглядела слабой и нуждающейся в защите. Финнула пожала плечами. Она знала, что не была беззащитной.

Когда дверь скрипнула и закрылась, девушка не обернулась, глядя на отражение сэра Хьюджа в оконном стекле. Она не удивилась, когда он подошел к ней. Её сердце бешено колотилось, когда она повернулась к нему. Финнула знала, что вот-вот должно было произойти.

И ещё она знала, что у неё нет никакого желания противостоять этому. Пусть бог поможет ей — ведь теперь она поняла, почему Меллана повела себя, как дурочка, когда повстречала этого идиота-трубадура.

— Финнула.

Но все же она могла остановиться сама и остановить его. Если бы захотела.

Если бы.

— Финнула, — повторил он, а девушка вдруг поняла, что при звуках его голоса её сердце готово выпрыгнуть из груди. — Знаю, я дал слово не касаться тебя, но...

Она и сама не знала, что произошло следом. В один миг она стояла и смотрела на него, размышляя, прекратит ли он говорить и перейдет ли к действиям, а затем...

А затем оказалась в его руках, не зная даже, он ли её схватил или же она подалась к нему.

Девушка запустила пальцы в его волосы, склоняя его губы у себе и приоткрывая губы в

ожидании поцелуя. Сильные руки, по объятиям которых она так долго тосковала, прижимали ее груди, чуть ли не лишая возможности дышать. Впрочем, он действительно не давал ей такой возможности, целуя так настойчиво, словно боялся, что ее вот-вот заберут у него, что их снова прервут. Только теперь Финнула вдруг с удовольствием представила, как был бы поражен Роберт, если бы узнал, чем занималась его сестра.

Неожиданно Хьюго отстранился и взглянул ей в глаза. Девушка задыхалась от нехватки воздуха, щеки покраснелись, грудь быстро поднималась и опускалась. В его взгляде она снова видела вопрос и на этот раз точно знала, каким будет ответ. Он еще не подозревал о том, что теперь сердце Финнулы больше не принадлежало ей.

— Не сейчас, — буквально прорычала Финнула, видя, что рыцарь собирается сказать что-то еще. Ее возглас остановил Хьюго, и он вновь заключил ее в объятия, осыпая поцелуями шею и нежную кожу за ушами. Когда его руки легли на ее грудь, девушка непроизвольно ахнула.

Его губы на ее горячей коже, его руки на ее напряженной груди — это и было тем, чего она так ждала. Казалось, комната плывет, словно она, Финнула, перебрала с элем, и только Хьюго оставался неподвижным. Девушка прижалась к нему, желая чего-то... Она только начала осознавать, чего именно. Когда его колено проскользнуло между ее ног, по телу девушки прошла неведанная раньше дрожь.

И Финнула все поняла.

А в следующий миг он подхватил ее на руки, и девушка успела лишь неожиданно для самой себя хихикнуть, затем устыдиться этого глупого девчоночьего смешка — как вдруг оказалась на кровати. Сэр Хьюдж был рядом спустя пару мгновений, он уже успел избавиться от штанов, сапог и рубашки.

Хихиканье разом прекратилось. Финнула и раньше видела мужчин обнаженными, а сестры, подглядывая за купающимися в деревенском пруду, всегда были щедры на подробности в своих рассказах, но едва ли хоть кто-то из тех, кого видела сама Финнула или ее сестры, был так же хорошо сложен, как сэр Хьюдж Фитцуилльям. Смуглая после лучей иерусалимского солнца кожа казалась невероятно мягкой, сильные мускулы отчетливо виднелись, словно показывая, как их хозяин гордился своей красотой. Были и шрамы, давно зажившие, но пересекавшие плечи и живот видимыми до сих пор линиями. Светлые волосы покрывали руки и грудь мужчины, спускаясь к низу живота, где...

Девушка быстро опустила глаза и плотно сжала чуть приоткрывшиеся от удивления губы. Но Хьюго не собирался давать ей время на раздумья. Подняв длинную юбку, он быстрым движением снял с нее шоссы. Финнула не дала себя отвлечь и, приподнявшись на локте, заговорила:

— Пожалуй...

Вот только Хьюго ее не слушал. Осторожно взяв обнаженную ногу девушки, он начал покрывать нежную кожу поцелуями, и всякие попытки говорить были оставлены.

Когда его поцелуи добрались до ее бедер, Финнула словно очнулась. Все вот-вот могло зайти слишком далеко, чего допустить было никак нельзя. Словно почувствовав ее напряжение, сэр Хьюдж остановился, и Финнула успокоилась. Он понял, что дальше продолжать нельзя!

Но она ошибалась. Вместо того, чтобы подняться, Хьюго потянул девушку за руку, сажая перед собой, а затем легко снял с нее платье, оставляя на Финнуле один лишь шарф с изумрудом.

Руки девушки немедленно взлетели к самым интимным местам, пряча их от чужого взгляда. Финнула уже и забыла, что рыцарь видел ее обнаженной в тот раз, когда попался в ее ловушку. Но Хьюго уверенно отвел ее руки от тела, а затем оказался буквально на ней, придавив к постели всем весом и не давая сбежать. То, что раньше она глупо назвала рукояткой кинжала, оказалось куда тверже и больше, чем можно было предположить.

Где-то в глубине сознания девушки мелькнула паническая мысль о том, что она не сумеет принять всю длину... Но это было совершенно неважно, желание перевешивало и затмевало все страхи и сомнения.

Хьюго не догадывался об ее раздумьях. Его губы жарко целовали ее, он уже вот-вот оказался бы в ней, а она... А она вдруг подумала, как это неправильно. Но она все же уже давно потеряла девственность, пусть это и произошло в седле лошади, как говорили ее сестры. Теперь ей хотелось чувствовать его, неважно, несколько неправильно это может быть.

Но Хьюго, разумеется, всего этого не знал.

— Финнула? — позвал он тихонько. Ему страстно хотелось продолжать, но он не знал, что чувствует она. — Ты...

Не дав мужчине договорить, девушка притянула его к себе, поцелуем отвечая на молчаливый вопрос. И Хьюго, поняв все, что она хотела передать, медленно вошел в нее — ?

Она выгнулась под ним в эстазе едва ли не сразу, его взрыв последовал на пару мгновений позже. Сердце тяжело стучало в груди, дыхание сбилось, и его первые слова, обращенные к ней, были преисполнены нежности и беспокойства.

— Финнула, я сделал тебе большо?

— Больно? — переспросила она эхом. — Нет.

Он опустил голову ей на плечо, расслабившись. Финнула не знала, сколько они так лежали, но огонь уже погас и свечи догорели, прежде чем Хьюго поднялся и поцеловал ее, на этот раз осторожно.

— Ты передумала в последний миг, не так ли? — вдруг спросил он.

Девушка отвела прядь волос с его глаз.

— На секунду, — она помолчала, смутившись. — Мне было страшно, — продолжала она, — я не верила, что это возможно, что я выживу после этого. Но все хорошо, и мне даже понравилось, — она тихонько рассмеялась и покраснела.

— Ты — странная женщина, Финнула Крейс, — Хьюго пальцем выводил круги на ее плече, а по ее коже то и дело пробегали мурашки. — Такая упрямая во всем, начиная от одежды и заканчивая охотой. Кто бы мог подумать, что ты такая чувственная и нежная...

Финнула вздохнула. Он был очень тяжелым, и теперь, когда страсть потихоньку отступила, ее тело больше не могло выдерживать его веса, девушка уперлась рукой в его бедро.

— Подвинься, — сказала она, и он скатился с нее, но ухватил ее за талию, укладывая на себя. Теперь ее спина лежала на его груди, а его руки касались ее щек. Он удовлетворенно вздохнул, и Финнула сперва не поняла, почему, но затем увидела почти незаметное розовое пятно на белоснежной простыни.

— О, нет! — воскликнула она, приподнимаясь на локте. — Миссис Питт это совсем не понравится!

Хьюго притянул ее обратно к себе и покосился на пятно снова. Это обстоятельство его несколько удивило.

— Объясни мне еще раз, — попросил он, — как вышло так, что вдова осталась девственницей?

— Я ведь уже говорила, — сонно пробормотала Финнула. — Я была замужем всего один день. Мой муж умер до того, как... Ну, до того.

— Невезучий человек, — Хьюго провел рукой по ее волосам и поцеловал девушку в плечо. — Переживай не о миссис Питт и ее простынях. Она не будет в обиде, я оставлю ей денег.

Финнула улыбнулась, ее глаза уже закрылись, и последнее, что пришло на ум, прежде чем девушка провалилась в сон, это то, как странно подходят друг другу их тела, будто бы они были созданы друг для друга.

Глава 9

На следующее утро Хьюго был позабавлен и удивлен: Финнула, проснувшись, спокойно отодвинулась в сторону, точно между ними ничего не изменилось. Поймав девушку за руку, он остановил ее и притянул обратно к себе. Финнула хихикнула и послушно вернулась на место.

Никогда еще Хьюго не доводилось встречать такую женщину, которая бы одновременно и давала, и брала в равной степени. Он понял, что раньше не встречал женщин более страстных, нежели Финнула Крейс. Она была смела, словно бывалая ночная бабочка, и нежна, как юная девственница. Впрочем, ею она и являлась до встречи с ним, Хьюго. Об этом обстоятельстве она, похоже, ничуть не жалела, и теперь смотрела а него своими дымчато-серыми глазами, улыбаясь так, будто познала тайны мироздания.

Сегодняшнее утро, освещенное ярким солнечным светом, было таким же, как и вчерашнее — они снова лежали рядом — но в то же время и совершенно иным. Теперь страсть находила свой выход, и, обнимая девушку, Хьюго поклялся самому себе, что сделает все, лишь бы каждое его утро было именно таким.

Проведя рукой по шелковистой коже бедер, Хьюго опустил голову, и его губы встретились с губами девушки. Она изогнулась в его руках, отзываясь на прикосновение, и он, подхватив ее за талию, осторожно усадил девушку на себя.

Коса, заплетенная вчера Пегги, распустилась за ночь, и теперь длинные рыжие волосы Финнулы обрамляли ее лицо и плечи, создавая причудливый занавес вокруг нее и Хьюго. Он наблюдал за ней, когда новая волна блаженства накрыла девушку, а затем и сам позволил себе утонуть в океане чувств.

Когда она упала на него, он крепко обнял девушку и прижал к себе. Она была такой легкой, такой хрупкой — раньше он ни за что бы не подумал, что такая миниатюрная девушка способна таить в себе столько страсти. Теперь он чувствовал, что обязан защищать ее и оберегать от всех возможных опасностей, и это чувство долга стало куда сильнее, чем прежде.

В конце концов, он не был простым рыцарем Хьюджем Фитцуилльямом из Кетербери, как думала девушка. Он был Хьюго, седьмым графом Стивенсгейта, а Финнула Крейс была дочерью мельника. До этого момента он не задумывался о том, что она, по сути, была его подданной, а защита подданных — долг каждого феодала. Пусть его отец, лорд Джоффри, ни во что не ставил вассалов, он, Хьюго, не похож в этом на отца, и он исправит все ошибки лорда Джоффри, как только окажется в Стивенсгейте.

Вот только это никоим образом не отменяло того, что несколько часов назад он обесчестил девушку, делая ее будущий брак с кем-либо невозможным.

Не то что бы он позволил ей выйти замуж за кого-либо другого, если на то пошло.

Нет, Финнула Крейс и ее благосостояние теперь стали его долгом и его заботой. Он не позволит ей выйти замуж за кого бы то ни было еще и заставит отказаться от нелепой мужской одежды. Кожаные мужские штаны прелестно облегают ее точеную фигурку, но Хьюго не желал, чтобы красоту его жены замечали и другие мужчины. Отныне она будет носить платья, они так ей идут и превращают ее из лесной разбойницы в благородную леди, которой она вскоре и станет.

Тем временем Финнула подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Если мы хотим попасть в Стивенсгейт к вечеру, нам стоит поторопиться.

Хьюго улыбнулся и легонько шлепнул девушку.

— Так я все еще твой пленник?

— Не вижу причин что-либо менять, — усмехнулась она и легла рядом, положив руку на грудь рыцаря. — Думаю, теперь я чуточку больше понимаю Меллану.

Мужчина взглянул на ее длинные ресницы, опущенные вниз — Финнула разглядывала его, точно он был произведением искусства.

— Ты имеешь в виду, как она забеременела?

— Да, я не могла понять, как она решилась на все это, — девушка неопределенно махнула рукой, — но, если Джек Мэллори доставляет хотя бы половину того же удовольствия, какое ты доставляешь мне, все становится на свои места.

Хьюго не нашелся с ответом. После этой ночи Финнула могла быть беременна, как и ее сестра, и ему хотелось заверить ее, что ей не нужно беспокоиться о ребенке и его будущем, потому что он сможет дать ему и ей все, что будет необходимо — а затем подумал, что не стоит портить такое чудесное утро размышлениями о будущем, которое может оказаться нежеланным.

Поэтому он промолчал, наблюдая, как девушка встает и потягивается. Ее нагота была так же прекрасно, как и тогда, у водопада. Неудивительно, что он угодил в расставленные ею сети, да еще как!..

Они умылись и оделись, Финнула снова надела платье, и желание вспыхнуло в Хьюго с новой силой, и то, что должно было занять несколько минут, продлилось дольше часа. Когда они покидали Дорчестер, солнце было уже высоко, а все до единого облачка улетели, оставив небу его перевозданную голубизну.

Финнула порадовалась своей удаче — никто не узнал или не заметил ее лошадь. Вайолет была так же знакома завсегдатаем «Очага и дичи», как и ее хозяйка. Подобрвав юбку и беззастенчиво сев на лошадь по-мужски, Финнула поскакала вперед, мечтая о том, как в лесу переоденется в привычные штаны и тунику. Хьюго же завидовал шарфу с изумрудом, который по-прежнему обвивал нежную шею девушки.

Они проехали какое-то время молча, и, удалившись от Дорчестера на приличное расстояние, Финнула потребовала остановиться с тем, чтобы она могла переодеться. Взяв свою одежду, она отошла чуть вглубь, чтобы быть подальше от дороги, но взгляд Хьюго все так же был прикован к ней — и спустя несколько минут он присоединился к ней.

Заниматься любовью не в помещении никогда не представлялось соблазнительным для Хьюго. Его партнерши всегда жаловались на колючую траву, испачканные платья и жесткую землю, но Финнула ни о чем таком не беспокоилась, и он понял, что ей совершенно все равно, где соблазнять его. Сперва она вздрогнула, когда он неожиданно коснулся ее бедра, а затем повернулась к нему и прильнула к его груди, словно котенок.

После этого Финнула согласилась с предложением Хьюго ехать вместе на одной лошади, и именно так они и въехали в Стивенсгейт — она сидела перед ним, а Вайолет послушно шла следом за его скакуном.

С некоторой гордостью девушка рассказывала Хьюго о родной деревне, показывая местные достопримечательности. Рыцарь, не бывший здесь десять лет, внимательно слушал ее, задавая уточняющие вопросы и ловя каждое слово. Деревня стала меньше, чем была, когда он уезжал, многие домики покосились, ведь у хозяев не было денег на какой-никакой ремонт. С удивлением Хьюго узнал от спутницы, что Толстая Мауд, у которой он научился всему, что теперь умел проделывать в постели, до сих пор продолжала принимать «гостей» в своем доме на краю деревни.

Но еще большее удивление ждало его, когда они подъехали к мельнице, стоявшей неподалеку от реки. Возле нее стояли несколько человек, и Хьюго не обратил бы на них никакого внимания, если бы сидевшая перед ним девушка не заерзала в седле.

— О, нет, — пробормотала она, закрывая лицо руками. — Это же все мои зятя. Что же я теперь сделала?

Хьюго пришпорил коня и обнял девушку за талию. Люди, стоявшие возле мельницы, заметили их, и теперь что-то кричали, показывая в их сторону.

— Что бы ни случилось, я знаю, что ты невиновна, — сказал он как можно более спокойно. — Последние три дня ты провела со мной. Разве что они собрались здесь из-за того, что ты сделала до отъезда...

Но успокаивающую речь Хьюго перебил громоподобный возглас. Один из мужчин поспешил к ним, и Хьюго, приглядевшись, мгновенно узнал его по рыжим волосам и взбешенному выражению лица. Братец Роберт. Несомненно.

— Финнула!

Рыцарь остановил лошадь. Брат Финнулы был высок и крепко сложен, практически, как и он, Хьюго. Шестеро остальных мужчин подошли к Роберту, все они были суровы и гневно глядели на спутника Финнулы. Девушка запаниковала, и Хьюго положил руку ей на плечо.

— Ты не понимаешь, — увернулась она, — он меня убьет!

Братец Роберт тем временем окинул Хьюго мрачным взглядом темно-серых глаз, таких же, как у сестры.

— Это тот самый негодяй, Фэйрчайлд? — рявкнул он.

Один из мужчин, в котором Хьюго узнал Мэттью Фэйрчайлда, вышел вперед, комкая в руках соломенную шляпу.

— Да-да, Роберт, — отозвался он испуганно. — Тот, о ком я тебе говорил.

— Убери руки от моей сестры, — приказал Роберт, — и слезай с лошади. Нам надо уладить кое-какое дельце.

— Роберт! — вскрикнула Финнула, прижимаясь спиной к груди Хьюго. — Как ты смеешь так говорить с сэром Хьюджем! Извинись немедленно!

— Черта с два я извинюсь, — гаркнул Роберт, сжимая руки в кулаки. — Его имя не Хьюдж, и он едва ли сэр. Так ты отпустишь мою сестру, — осведомился он, — или мне придется стащить ее на землю самому?

Больше Хьюго ничему не удивлялся. Присутствие здесь Мэттью Фэйрчайлда могло говорить лишь об одном: Эван рассказал о том, что видел на заднем дворе, вот только тот поцелуй был истолкован как нечто более серьезное. Что же, у брата Роберта есть полное право быть теперь в ярости.

— Что значит, его имя не Хьюдж? — с вызовом вскинула голову Финнула. — Ты не знаешь, о чем говоришь. Его зовут Хьюдж Фитцуилльям, он рыцарь, вернувшийся из крестового похода. Он живет в Кэтербери...

— Нет, Финнула, — мягко вмешался другой мужчина, почти такой же высокий, как Роберт. По его одежде Хьюго понял, что это, должно быть, шериф де Бриссак, которого Финнула так боялась. Выражение его лица говорило о том, что ему даже жаль девушку, попавшую в столь щекотливую ситуацию. — Спускайся, Финн, сестры проводят тебя в дом.

Хьюго проследил за направлением взгляда Финнулы. В дверях мельницы стояли несколько молодых женщин, все рыжеволосые за исключением одной. Должно быть, это Меллана. Она плакала и причитала:

— Я во всем виновата! Ох, Финн, простишь ли ты меня?

— Никто никуда меня не поведет, — упрямо отрезала Финнула, вцепляясь в поводья Скиннера, — пока вы не объясните мне, что здесь творится.

Рыцарь наклонился к ее уху.

— Финнула, лучше делай, что говорит шериф. Мужчины сейчас все уладят. Иди в дом с сестрами.

— Нечего здесь улаживать! — качнула головой Финнула и, прищурившись, уставилась на мужчину со шляпой. — Мэттью Фэйрчайлд, что за сказки ты рассказываешь обо мне?

— Ничего, кроме чистой правды, миледи, — быстро заговорил тот. — Эван видел...

— Твой Эван ничего не видел, — оборвала его она.

— Ничего! — вскричал Роберт. — Он видел, как этот мужлан тебя целовал, — он гневно указал на Хьюго, — а затем ты его ударила, пытаясь сбежать. Но, когда Эван привел Мэттью, вас уже и след простыл, потому что он увез тебя силой, этот негодяй...

— Истории глупее я в жизни не слышала, — фыркнула девушка. — Мы целовались, это правда, но он ни к чему меня не принуждал и уж тем более не увозил...

— Финнула, — перебил ее шериф. — Я ездил в Кэтербери утром. Никакого сэра Хьюджа Фитцуилльяма там нет. Нет вообще ни одной семьи по фамилии Фитцуилльям.

Финнула втянула носом воздух, и замерла. Хьюго понял, что это очень, очень плохо. Для него.

— А теперь будь умницей, — продолжал шериф, — спускайся и иди в дом, а мы поговорим с этим мужчиной наедине.

Рыцарь осторожно коснулся плеча Финнулы.

— Делай, как он сказал, любовь моя. Я все тебе объясню позже, но пока что иди в дом, к сестрам.

Лицо Финнулы было таким несчастным, что ему захотелось прижать ее к груди и укрыть от любого шторма. Вот только едва ли она сама теперь бы этого захотела.

— Иди же, — настаивал он. — Все будет хорошо, обещаю тебе.

Девушка спрыгнула с коня и пошла к мельнице. На ее пути немедленно вырос Роберт Крейс.

— Что это за глупости? — закричал он, хватая ее за плечи и встряхивая. — О чем ты думала, глупая девчонка?!

Пожалуй, это были последние слова, которые Роберт успел сказать Финнуле. В следующий же миг Финнула оказалась вне его досягаемости, а к его горлу был приставлен меч. Хьюго стоял между братом и сестрой, рассерженно взирая на старшего брата девушки. Финнула тяжело дышала и потирала руку, за которую он оттащил ее от Роберта. Хьюго

вежливо улыбался, но взгляд его ясно говорил, что улыбка эта также опасна, как и меч в его руках.

— Все свои речи можешь высказать мне, братец Роберт, — холодно отчеканил рыцарь. — Девушку же не тронь. Она не сделала ничего дурного, а единственный мужчина, который отныне будет к ней прикасаться — я.

— А не пойти ли тебе к дьяволу с твоими словами? — взорвался Роберт, несмотря на меч, целящийся в его шею. — Она моя сестра!

— Она будет моей женой, — сообщил Хьюго.

Кто-то вскрикнул, но Финнула не обернулась. Ее взгляд был прикован к двум мужчинам, стоявшим совсем рядом. Серые глаза Роберта пылали яростью, и ей даже стало жаль брата, который вот-вот потеряет сестру. Но Хьюго не знал, что Роберт сделал для Финнулы так много, что заслуживал куда лучшего обращения. В конце концов, он позволял ей носить мужскую одежду и охотиться, то и дело впутывая их семью в неприятности.

— Так, так, так, — шериф де Бриссак спокойно подошел к мужчинам, точно они вышли на прогулку, а не готовы были накинуться друг на друга. — Теперь дело принимает совсем иной оборот. Изнасилование, разумеется, преступление. Но свадьба — это повод для торжества. Опустите меч, юноша, — он легонько толкнул рукой острие меча Хьюго. — Роберт и пальцем не коснется девушки. Верно, Роберт?

По лицу Роберта было понятно, что он с удовольствием свернул бы Хьюго шею.

— Верно, — прохрипел он. — Но они поженятся только через мой труп!

— Так это легко можно устроить, Крейс, — почти весело воскликнул Хьюго.

— Я... — начала было Финнула, но шериф де Бриссак опередил ее, вставая между соперниками.

— Какие жестокие слова говорят друг другу мужчины, что вот-вот станут названными братьями, — примирительно заметил он. — Уверен, если другие пути решения, — взглянув на Финнулу, он улыбнулся. — А теперь, Финнула, расскажи нам, что произошло. Этот мужчина тебя изнасиловал?

Девушка покачала головой.

— Нет, но...

— Он навредил тебе каким-то образом?

— Нет, но...

— Хорошо, — шериф де Бриссак положил руку на плечо Роберта и улыбнулся Хьюго. Почему-то рыцарь сразу понял, что шериф прекрасно знал, кто охотился в графских лесах, но нарушителя не арестовывал, потому что понимал, что девушка делает правое дело. Не зря Финнула говорила, что шериф помогает всем, чем только может. — В таком случае, сэр, — обратился он к нему, — остается один лишь вопрос: кто вы?

Хьюго бросил на Финнулу извиняющийся взгляд, а затем с тихим достоинством произнес:

— Я Хьюго Джоффри Фитцстивен, седьмой граф Стивенстейта, недавно вернувшийся из плена в Акко, чтобы унаследовать дела моего отца.

Повисло тяжелое молчание, и лишь возглас ярости прорезал его острым кинжалом. Кричала Финнула.

Когда Хьюго обернулся на девушку, он меньше всего ожидал увидеть слезы на ее лице — но именно их он и увидел. Прекрасная Финн, не боявшаяся ни мужчин, ни диких зверей, горько рыдала, и, когда рыцарь окликнул ее и шагнул в ее сторону, она бросилась к

мельнице.

Рыжеволосые сестры наперебой стали утешать и успокаивать ее, то и дело бросая на него злые взгляды, полные ненависти, а затем скрылись в доме.

Неожиданно шериф де Бриссак расхохотался. К нему присоединились и зятья Финнулы, затем Мэттью Фэйрчайлд, а потом и Роберт Крейс. Хьюго стоял, окруженный толпой смеющихся мужчин и беспомощно глядел на закрытые двери мельницы, куда сбежала Финнулы.

— А, — протянул шериф де Бриссак, — тогда дело принимает еще более интересный оборот.

Рыцарь пытливо взглянул на него.

— Вы мне не верите?

— Верим, милорд, верим. Мы все вам верим. Кем бы еще вы могли быть? Но это не причина, по которой мы нашли это столь забавным.

Хьюго уперся руками в бока и нетерпеливо притопнул ногой.

— Ну, тогда, быть может, вы просветите и меня, чтобы это стало так же забавно и для меня.

— Что же, — шериф де Бриссак потер лоб, — вы так уверены, что женитесь на Финнуле, а потому, полагаю, вам стоит знать, — конец его фразы вновь потонул во взрыве смеха. Хьюго терпеливо дождался его конца. — Прошу прощения, милорд. Вы и в самом деле не знаете?

Едва ли Хьюго мог вспомнить такое же раздражение, и ему пришлось приложить нечеловеческое усилие, чтобы не раскидать собравшихся вокруг него будущих родственников и не выломать дверь мельницы, где скрывалась его невеста.

— Я и в самом деле не знаю, — процедил он сквозь зубы.

— Тогда вам, должно быть, известно, что Финнула однажды была замужем?

— Да, — пожал плечами мужчина, ничего не понимая. — В чем дело?

— И она не сказала вам, за кого выходила замуж?

— Не сказала.

— Да, это неудивительно. Пожалуй, это был худший день в ее жизни, — теперь окружавшие его мужчины прекратили смеяться и смотрели на него с самыми разными выражениями лиц от довольной усмешки Роберта Крейса, до сожаления Мэттью Фэйрчайлда. Жалость? К чему она здесь?

— И что же? — поторопил Хьюго. — Вы скажете мне, кто, черт подери, был ее мужем?

Шериф де Бриссак взглянул на него, точно извиняясь за то, что собирался сказать.

— Ваш отец, милорд.

Глава 10

Финнула ничком лежала на кровати, которую они с Мелланой делили почти всю жизнь, и всхлипывала. Она плакала уже почти четверть часа, а сестры суетились вокруг нее, не зная, чем помочь. Финнула никогда не была плаксой, и долго рыдать ей было не под силу.

Так что, выслушав сквозь собственные всхлипы, сокрушения Бринн и нравоучения Патриции, позволив Камилле раздеть себя — «Эти кожаные штаны до добра не доведут, я знала!» — и послушно надев платье, протянутое Кристиной — «У тебя столько прелестных нарядов, почему ты их не носишь?» — она, наконец, подняла голову от старой подушки и глубоко вздохнула. Перекатившись на спину и, разумеется, смяв темно-зеленое платье, Финнула взглянула на сестер. Затем села.

— Он поступил с тобой ужасно, Финн, — Кристина немедленно присела рядом на кровать и начала расчесывать волосы младшей сестры. — Но он не виноват...

— Да, откуда ему знать о тебе и лорде Джоффри? — вздохнула Бринн. — Бедный рыцарь...

— Никакой он не бедный, — сурово отрезала Патриция, недовольная и Финнулой, и Хьюго. — Он бы рассказал ей, кто он такой, если бы ему не приглянулась мысль о том, что его будет держать в плену рыжеволосая прелестница...

— Патриция! — возмутилась Бринн. — Как тебе не стыдно!

— Мне должно быть стыдно? Я говорю, как есть.

— Он наш граф!

— Разве графы — не мужчины? Думаю, после истории с Финнулой и лордом Джоффри мы все знаем, что мужчины — в первую очередь именно мужчины, а уж потом графы и лорды.

— Очень глупо думать, будто он не сказал ей правду, потому что хотел оставаться в плену, — Кристина отложила расческу и стала распутывать колтуны в волосах Финнулы. — Просто смех!

Патриция скрестила руки на груди.

— Разумеется, он хотел оставаться в плену. Ему это нравилось, иначе бы он сбежал.

— Он бы не смог, — покачала головой Бринн. — Его поймала Финн, а она не дает никому и шанса улизнуть. Поэтому Меллана и попросила ее...

— О-о, — простонала Меллана из угла комнаты, куда ее оттеснили старшие сестры. — Я во всем виновата!

— Вот уж точно, — фыркнула Патриция, не проявляя не капли сочувствия. — Во всем виновата ты, Мел, и только ты. Этого никто не отрицает. Подумать только, потратить все приданое на побрякушки! Неслыханное дело! Мне стыдно, что ты моя родственница. Сиди в своем углу, пока мы не решим, что с тобой делать дальше.

Меллана лишь заплакала еще горше, и Финнула одарила ее суровым взглядом. Она еще не забыла той глупости, которую сотворила Меллана, но, в крайнем случае, непременно бы встала на защиту сестры.

— Ох, Финнула, — Бринн закусил губу. — Не знаю, как и спросить тебя, но, Финнула, вы с графом не... Я имею в виду, ничего... Ничего неправильного не случилось во время вашего путешествия?

Финнулы лишь тяжело вздохнула.

— Не глупи, Бринн, — поджала губы Кристина. — Ни один граф не стал бы и пальцем прикасаться к своим подданным.

— Стал бы, — сухо заметила Патриция, — если бы хотел жениться. Как он и заявил, — ядовито добавила она.

— Да, Финн, — вспыхнула Бринн, — это так?

— Расскажи нам, Финн. Мы ничего не скажем Роберту. Это так, милая?

К счастью, Финнуле не пришлось отвечать на вопрос, потому что на лестнице раздались шаги, а мгновением позже в комнату ворвалась Камилла, ее глаза так и сияли от восторга. Старшие сестры отправили главную сплетницу вниз, чтобы она подслушала мужские разговоры, и, судя по ее лицу, она услышала достаточно.

— Ах, Финн! — вскрикнула она, падая на кровать, точно разбаловавшийся ребенок. — Ты не поверишь, о чем толковал твой лорд Хьюго! Он требовал, чтобы тебя немедленно

привели вниз, а Роберту угрожал висельницей! Ничего подобного оя в жизни не слышала!

Девушки обступили кровать.

— Что он сказал?

— Он все еще хочет на ней жениться?

— Роберт не может отказать...

— Как он женится на вдове собственного отца?

— Рассказывай, Камилла!

— Да, что ты слышала?

Камилла подняла руки ладонями вверх, требуя тишины. Когда все замолчали, она заговорила драматичным полусшепотом.

— Ну, когда я подошла к дверям, там стоял Брюс, и он заявил: «Иди к своим сестрам, женщина. Нечего подслушивать», а я ему сказала...

— Никому не интересно, что ты ему сказала, — Патриция закатила глаза, но затем слегка улыбнулась. — Прости, Кристина.

Кристина лишь махнула рукой, и Камилла продолжила:

— Так вот, шериф де Бриссак рассказывал лорду Хьюго, как Финнула встретила с его отцом...

Финнула схватила подушку и с раздраженным стоном спряталась под нее.

— Шериф де Бриссак? — переспросила Бринн. — Но почему не Роберт?

— Роберт с ним не разговаривает. Он только бросал на него страшные взгляды поверх кружки...

— Кружки? — Бринн так и подскочила. — Они пьют во время такого разговора?

— Лорд Хьюго потребовал налить ему эля Мел, — нетерпеливо бросила Камилла. — Так ты дашь мне закончить? Вот, — удовлетворенно кивнула она, увидев, что Бринн смущенно потупилась. — И шериф де Бриссак рассказал, как лорд Джоффри увидел Финнулу в озере возле водопада, следил за ней и ехал следом вплоть до самого Стивенсгейта, — Финнула вновь издала стон отчаяния, — а лорд Хьюго весь покраснел и сказал: «Старый дьявол!» И это о своем отце! Затем шериф поведал ему, как Роберт всячески противостоял тому, чтобы Финнула выходила замуж за старого козла — его слова, не мои! — потому что она ненавидела одну лишь мысль об этом замужестве. Но ничего не помогло, и потом лорд Джоффри издал указ, по которому, если ему не отдадут Финнулу, у Роберта заберут мельницу...

Финнула махнула ногой, лягнув стоявшую рядом Патрицию. Та зашипела от боли.

— Тихло! Мы слушаем.

Девушка подняла голову от подушки.

— Может, вы пойдете слушать это в другом месте?

— Нет, — отрезала Патриция. — Продолжай, Камилла.

— Словом, лорд Хьюго был ужасно удивлен тому, что его отец использовал свою власть в таких целях, и чуть было не расплескал весь свой эль, стукнув кружкой по столу. Он так треснул кулаком по стене, что чуть было не задел Мэттью Фэйрчайлда...

— Не может этого быть! — задохнулась Патриция.

— Может. Но потом, когда шериф сказал ему, что это правда, он успокоился. И ему рассказали, что Финнула готовилась к свадьбе, точно к похоронам...

Финнула снова лягнула воздух, и Камилла погладила ее по плечу.

— Прости меня, Финн, я и забыла, как ты ненавидишь эти воспоминания. Но на этот

раз нам просто необходимо вспомнить обо всем, ты ведь понимаешь. Словом, шериф рассказал о свадьбе, на которую была приглашена вся деревня, и как потом на холме были гуляния, а затем Финнула и лорд Джоффри отправились в поместье и удалились в опочивальню, а затем...

Финнула отбросила подушку и рывком села на кровати.

— Что сказал лорд Хьюго, Камилла? — требовательно воскликнула она, хватая сестру за руку. — Что он сказал, когда услышал?

Камилла, довольная тем, что ее рассказ наконец-то стал интересным для всех, пригладила рыжие кудряшки и гордо выпрямилась, после чего хлопнула в ладоши.

— Ну я вам доложу! Шериф де Бриссак рассказал, как Финнула вылетела из спальни, и ее волосы развевались за спиной, точно пламя — красиво он сказал, да? «Точно пламя»! — и она кричала, что лорд Джоффри умер. Надо было видеть лицо лорда Хьюго в тот момент! Оно побелел, как снег, а рот так и открылся. «Умер?» — спросил он, а шериф кивнул. «Да, умер». И потом он говорил о том, как поднимался в спальню вместе со всеми, а граф лежал там на полу, и Финнула в истерике клялась, что не дотрагивалась до него, но Реджинальд Ларош закричал, что это она его отравила, и...

— Что он сказал? — Финнула крепче сжала запястье Камиллы. — Что сказал лорд Хьюго?

— Он посмотрел шерифу в глаза и таким глубоким голосом ... Ох, Финн, он такой красивый, твой лорд Хьюго! Он говорил — и казалось, что гром гремит где-то вдалеке, становилось страшно...

— Неважно. Что он сказал?

— Он сказал: «Никто в здравом уме не предположил бы, что Финнула Крейс способна отравить кого-то, даже моего выжившего из ума отца», а шериф ему ответил, что всегда верил в твою невиновность, а то, что случилось — просто ужасная случайность, совершенно ужасная...

— Почему он так сказал? — хотела знать Финнула.

— Не знаю, — понурилась Камилла. — Но потом шериф сказал, что в еде не было никакого яда, никто из приглашенных на свадьбу не умер, а мы все ели одно и то же, так что смерть лорда Хьюго была естественной. Ему ведь было почти шестьдесят...

— Что еще сказал лорд Хьюго? — допытывалась Финнула.

— О, хорошо, хорошо. Он ответил: «Разумеется, никто не считает, что Финнула была виновата в смерти моего отца, в это верят только Лароши». Помнишь, как эта дрянь Изабелла называла нас сестрами убийцы-потаскухи?

Меллана привстала, и Камилла бросила на нее взгляд, полный недовольства.

— Мел, я знаю, что Изабелла твоя подруга, но мне совершенно все равно! Умнее и отвратительнее человека я не встречала. Забыла, как ее отец взбесился, когда шериф не арестовал Финнулу? Но теперь, когда лорд Хьюго вернулся, Ларошам придет конец, и ее папочка больше не сможет мучить людей налогами... Ну да неважно. Лорд Хьюго сказал еще кое-что.

— Что? Что он сказал? — лицо Финнулы побелело.

— Он спросил: «Значит, Финнула не получила наследства?», и шериф ответил, что брак был недействителен. Тогда лорд Хьюго сказал: «Значит, все теперь принадлежит Ларошу», а шериф кивнул, сказав: «Вы были в плену в Акко, милорд, и никто не знал, сколько вы там пробудете, поэтому все перешло Ларошам».

Патриция взглянула на Финнулу.

— Твой лорд Хьюго считает, что Реджинальд Ларош прикончил его отца и попытался выставить все так, будто убила его ты. Тебя бы отправили в тюрьму, а он получил бы все состояние. Попомни мои слова, прольется еще немало крови.

Финнула лишь с шумом втянула воздух.

— О.

— Лорд Хьюго едва ли сможет доказать, что Реджинальд Ларош имеет какое-то отношение к смерти лорда Джоффри. Раз уж шериф де Бриссак не смог, — Кристина покачала головой, — ему это вряд ли под силу. Ох, Финн, какие же это грязные дела.

— Что произошло дальше? — поинтересовалась Финнула у Камиллы.

— Лорд Хьюго сказал что-то, но я не поняла, к чему это он. Он сказал: «Так вот, почему они называют ее «миледи», а шериф засмеялся и кивнул: «Да, Финнула заботится о крестьянах, словно они ее подданные, и ее долг — защищать их». Тогда лорд Хьюго заметил, что это хорошо, потому что, когда он на ней — то есть, на тебе — женится, это будет лишь на пользу.

— Что? — вскричала Финнула.

— Именно так и сказал Роберт! А потом вскочил и закричал: «Не может такого быть, чтобы вы по-прежнему собирались на ней жениться», а лорд Хьюго ему: «Если она согласится». Шериф снова расхохотался, а Роберт потянулся через стол, явно собираясь ударить лорда Хьюго, вот только Брюс его остановил и напомнил, что это, все-таки, его феодал, а не какой-то трубадур...

В углу Меллана тихонько шмыгнула носом.

— Тогда Роберт сказал ему, что Финнула скорее умрет, чем выйдет замуж за очередного Фитцтивена, потому что она тогда рыдала целыми днями, а теперь рыдает, не желая выходить замуж за сына лорда Джоффри — и вы не поверите, что произошло! Лорд Хьюго пообещал отправить Роберта на виселицу, если тот будет ему перечить! И пригрозил высечь его за то, что он позволяет Финнуле болтаться по лесам в мужской одежде. Тогда Роберт ему ответил: «Если вы считаете, что справитесь с ней лучше меня, милости прошу!». А лорд Хьюго сказал: «Премного благодарен!». И тогда шериф встал и провозгласил тост за счастливую пару.

Кристина потрясла Финнулу за плечи.

— Ты можешь себе представить, Финн? Это невероятно!

Финнула рассеянно кивнула, затем поерзала на постели. Ничего удивительного в том, что он сказал, будто собирается взять ее жены, если учесть все, что произошло. Но не мог же он говорить всерьез. Он лишь сказал то, чего от него ждали, а Финнула ни за что бы не вышла замуж за того, кто делал одолжение, беря ее в жены. И вообще, это было совершенно необязательно. Даже если окажется, что у нее будет ребенок, она может куда-нибудь уехать на время. Скажем, в монастырь, чтобы замолить свои грехи (хотя едва ли в это кто-то поверит). Там она родит ребенка и отдаст его какой-нибудь бездетной семье, а затем вернется домой.

Да, это будет куда лучше замужества...

— Финнула, что с тобой? — Бринн потрясла ее плечо. — Ты что, не рада, милая? Он тебе не нравится?

Финнула скривилась.

— Бринн, — покачала она головой, — я думала, что он простой путник, один из

рыцарей Кэтербери, а теперь я вдруг узнаю, что он — сын лорда Джоффри? Как я должно себя чувствовать? — боже правый, да она ни за что бы не позволила ему прикоснуться к себе, если бы знала, кто он! Вот, до чего это все ее довело теперь!

— Какая разница? — удивилась Камилла. — Он ведь красивейший мужчина, я таких в жизни не видела...

— Красивых мужчин не бывает, — фыркнула Патриция.

— Ну, привлекательный. Ох, Финнула, как ты не понимаешь, что быть леди Фитцстивен при лорде Хьюго будет замечательно, он ведь не такой, как отец. Я бы и сама охотно поделила с ним ложе...

— Камилла, ты еще большая потаскуха, нежели Изабелла Ларош, — не переминула заметить Патриция.

— Финнула, — Бринн с беспокойством кусала губы, — подумай об этом. Он не причинит тебе боли, он не ранит тебя. Он любит тебя, — здесь Финнула хмыкнула. — Ну хорошо, он заботится о тебе. Иначе зачем ему так бороться за твою руку?

На это девушка ничего не ответила, лишь взглянула в окно, где сумерки уже спускались на верхушки деревьев. Он боролся за ее руку, потому что обесчестил ее, и это была единственная причина, ведь он ее лорд, а она, по сути, его собственность.

— Конечно, если ты выйдешь за него замуж, придется чем-то пожертвовать, — медленно, тщательно подбирая слова, продолжала Бринн.

— Да уж, — кивнула Патриция. — Больше никаких кожаных штанов.

— Никакой охоты, — согласилась Камилла.

— Никаких исчезновений на несколько дней на пару с Вайолет, — добавила Кристина.

Слушая их, Финнула прямо-таки ощущала, как часть ее буквально умирает при этих словах.

— А что ты получишь взамен! — воскликнула Камилла, ее глаза сияли. — Подумай об украшениях и платьях! Как будет здорово, когда горничная будет расчесывать твои волосы и делать великолепные прически, наливать тебе ванные и готовить еду! Ты будешь самой богатой женщиной Стивенсгейта!

— Изабелла Ларош подохнет от зависти, — с некоторым злорадством заявила Патриция.

— Ох, Финн, ты просто обязана принять его предложение, — заверила ее Камилла. — Ты полюбишь его, честное слово, полюбишь. Посмотри на нас с Грегори!

Патриция прыснула.

— Это едва ли можно назвать идеальным браком.

— Но так и есть! Поначалу это был чуть ли не договор, Грегори безумно влюбился в меня, а я согласилась выйти за него, если он совершит для меня несколько поступков...

— К примеру, подарит это ожерелье? — уточнила Патриция.

— И что в этом такого? — Камилла погладила пальцами ожерелье с жемчугом и рубинами, свисающее с ее шеи. — Шаг за шагом, Финнула, я научилась ценить Грегори и за другие качества...

— Скажем, за то, — подхватила Патриция, — что он годится тебе в отцы...

Их перепалку прервал громopodobный голос, раздавшийся снизу. Это был Роберт.

— Финнула! Финнула Крейс, спускайся сюда немедленно!

Финнула испуганно взглянула на сестер.

— О, нет, — вскричала она, — лорд Хьюго, должно быть, ушел. И теперь Роберт

свернет мне шею! Быстрее... Надо вылезти через окно...

Кристина бросилась к окну.

— Нет, его конь по-прежнему здесь.

— Думаю, он хочет услышать твой ответ на предложение лорда Хьюго, — предположила Бринн. — Финнула, тебе нужно идти.

Но девушка лишь вжалась в подушки.

— Я не могу.

— Ох, Финн...

Но Финнула была упряма.

— Я ни шага не ступлю из комнаты, пока этот мужчина не уйдет. Я серьезно.

Бринн и Камилла переглянулись.

— Финнула, — старшая сестра помолчала. — Во время вашей поездки точно ничего, хм, не произошло?

Девушка лишь поморгала.

— Почему ты спрашиваешь? — неужели по ней видно, что она потеряла девственность? Но по Меллане ничего не было заметно, а она ведь беременна!

— Ну, мне просто кажется, что ты очень сердита на него за то, что он тебе соврал, и сердисься куда больше, чем следует. Но это был глупый шаг с его стороны, его можно простить. Быть может, он не говорит женщинам, что он граф, потому что тогда его станут любить не за то, кто он, а за его деньги!

Как ни странно, это звучало довольно логично. Вероятно, сэр Хьюдж — точнее, лорд Хьюго — именно так и размышлял. В конце концов, она могла бы и сама догадаться, что рыцарь, возвращавшийся из крестовых походов, где был пленен, да еще и со слугой, не может быть простым воином. И он изменил свое имя лишь самую малость, представившись Хьюджем Фитцуилльямом вместо Хьюго Фитцстивена, а она все равно не догадалась!

А та история об его брате! Это был ни кто иной, как Генри, старший и любимый сын лорда Джоффри. Все знали историю о сыновьях лорда и их ссоре, но она, Финнула, все равно ни о чем не догадалась. Боже, он теперь наверняка считает ее пустоголовой дурочкой! Что-то знакомое в нем она заметила еще в роще, когда он попался в ее ловушку у озера, но списала это на воспоминания о лорде Джоффри.

Да, он показал ей во всей красе, как же она глупа, и за это Финнула была ему признательна. В следующий раз, когда она встретит мужчину, она не станет ему доверять.

— Финнула! — прорычал Роберт, едва ли не сотрясая стены.

— Лучше тебе спуститься, — Финнула с надеждой посмотрела на Бринн. — Скажешь ему, что я польщена вниманием ко мне со стороны графа, но я не хочу становиться его женой, так что он может с миром отправляться домой.

Бринн так и подскочила.

— Финнула, ты совершаешь огромнейшую ошибку! Не позволяй гордости встать на твоём пути к счастью...

— Спасибо за совет, — сухо откликнулась Финнула, — но мое счастье здесь, на мельнице.

Тяжело вздохнув, Бринн покинула комнату, чтобы передать мужчинам то, что сказала Финнула. Патриция, осуждающе посмотрела на Меллану.

— Надеюсь, теперь ты довольна, — холодно сказала она. — О чем ты только думала, толкая Финнулу на эту идиотскую затею? Поймать мужчину ради выкупа! Ха! Ты слишком

много времени проводишь в компании этой гулящей девки Изабеллы. Я непременно скажу Роберту, чтобы глаз с тебя не спускал и не смел отпускать к ней. Что ты на это скажешь?

— Мне все равно, — Меллана комкала в руках юбку. — Я и сама не хочу ее больше видеть.

— А, так теперь к тебе вернулся рассудок. Знаешь, Меллана, тебе очень повезло, что Финнула поймала мужчину с таким чувством долга. Представь, что было бы, попадись ей какой-нибудь Реджинальд Ларош? Думаешь, он предложил бы ей стать его женой? Нет, она бы потеряла девственность и осталась бы с ребенком под сердцем...

— Патриция! — вскричала Финнула. — Отстань же ты от Мел!

— Я не говорю ничего кроме правды.

Another shout rattled the house, and this time, it was accompanied by heavy footsteps on the stairs. Since the second floor of the millhouse was primarily the domain of the female Craises, they were unaccustomed to hearing masculine footsteps on the stairs, and all five of them froze, their eyes on the door.

— Финнула!

На сей раз громоподобный возглас принадлежал не Роберту, а самому лорду Хьюго... Который, судя по всему, стоял за дверями спальни. Финнула испуганно посмотрела на сестер, но не шелохнулась.

— Финнула, — произнес лорд Хьюго строго, — ты откроешь дверь, или мне ее выломать?

Услышав это, Меллана вскочила со стула и бросилась к дверям, прижимая ладонь ко рту. Распахнув дверь, она присела в грациозном поклоне и затараторила:

— Ваша светлость, прошу вас, пожалуйста, не сердитесь на Финнулу. Во всем виновата лишь я. Видите ли, это я попросила ее... Она не хотела, клянусь вам, но я плакала и просила, и она...

— Да, ты плачешь очень трогательно, — прохладно согласился лорд Хьюго. — И ты совершенно права, во всем виновата лишь ты и твой Джек Мэллори.

Меллана с шумом втянула воздух и обвиняюще посмотрела на Финнулу, которая сидела на кровати, не двигаясь.

— Ты рассказала! — вскричала Меллана. — Ох, Финн, как ты могла?

— Да, она рассказала, — сурово оборвал ее причитания Хьюго. — К счастью для тебя, иначе ты бы никогда не получила ни этого, ни моих благословений, — с этими словами он протянул ей туго набитый кошель. Девушка с благоговением приняла его, едва дыша. — Этого тебе хватит на приданое и на кое-какие мелочи, если понадобится. Я предложил братцу Роберту подыскать для твоего мужа местечко на мельнице, потому что трубадурство едва ли можно назвать доходной работой, а деньги вам понадобятся, ведь вы ждете ребенка...

Меллана снова с шумом втянула воздух, а Патриция так и раскрыла рот.

— Мел! — завопила она. — Ты...

Но лорд Хьюго не дал ей договорить.

— Роберт ждет тебя внизу, Меллана — я ведь могу тебя так называть? Он хочет сказать тебе пару слов.

Когда напуганная девушка прижала кошель с деньгами к груди и с ужасом посмотрела на лестницу, по которой ей предстояло спуститься к брату, мужчина улыбнулся.

— Не бойся. Братец Роберт дал мне слово, что никогда не ударит беременную женщину.

Теперь Финнула поняла, что с нее довольно, и вскочила с кровати.

— Ты ополоумевший идиот! Зачем ты все рассказал Роберту? Он превратит ее жизнь в адское пекло!

— Лучше ее, чем твою, Финн, — Хьюго взглянул на Камиллу, Патрицию и Кристину, которые таращились на него, точно он был демоном из преисподней — или же, напротив, ангелом, спустившимся с небес. — Прошу простить нас, леди, но нам с Финнулой нужно обсудить кое-что наедине.

— О, разумеется, — Камилла присела в торопливом поклоне. — Разумеется, милорд.

— Прошу прощения, милорд, — Кристина тоже поклонилась и, чуть менее грациозно, чем сестра, но ничуть не медленнее, покинула комнату.

Патриция, выходявшая последней, чуть помедлила, проходя мимо Хьюго, а затем, уже у самой двери, улыбнулась ему хитрой улыбкой.

— Поцелуйте ее, — посоветовала она. — И все встанет на круги своя.

А затем плотно закрыла за собой дверь.

Оставшись наедине с лордом Хьюго в собственной спальне, Финнула поняла, что пропала. Она и думать уже забыла о том, как легко ему удалось бы подавить ее волю, если бы он только захотел. Но пока что он был занят не этим. Лорд Хьюго то и дело косился на потолок, чтобы не задеть его головой, и это зрелище было презабавным.

Самому Хьюго тоже было несколько не по себе от нахождения в истинно женской комнате. Ему на глаза попадались то высушенные лепестки роз, то сундуки с платьями, то цветные шторы. Он приподнял брови, но ничего не сказал. Он окинул Финнулу пытливым взглядом, и она вдруг поняла, что и без того низкий вырез ее платья съехал в сторону и теперь открывал куда больше, чем следовало бы.

Рывком поправив платье и жарко покраснев, Финнула выпалила:

— Мне кажется, ты уже видел сегодня достаточно.

Улыбка Хьюго была широкой и ужасно довольной.

— Как же ты ошибаешься, Финнула. Мне никогда не будет достаточно, неужели ты не понимаешь? Именно поэтому я и считаю свадьбу самым мудрым решением.

— Свадьбу? — девушка отвернулась, не желая, чтобы он видел, какое выражение появляется на ее лице при этих словах. — Я уже говорила: я никогда не выйду замуж вновь. Или ты меня не слушал?

— Тогда спрошу так: почему вчера вечером и сегодня девушка, так рьяно выступающая против замужества, вела себя подобным образом?

Финнула лишь покраснела еще больше.

— Я ничего не могла поделать, — пробормотала она.

— Ничего не могла поделать с чем? С тем, чтобы заниматься со мной любовью?

— Да, — пристыженно кивнула она.

— Посмотри на меня, Финнула.

Девушка покачала головой, уставившись вместо этого в окно. Во дворе шериф де Бриссак смеялся чему-то и похлопывал ее зятьев по плечам.

— Ты вышла бы замуж за Хьюджа Фитцуилльяма?

Вышла бы она замуж за невыносимого рыцаря? Ответ удивил ее саму: возможно, она и согласилась бы, если бы он предложил. Финнула пожала плечами.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, что я могу дать, — воскликнула Финнула, злясь на него. —

Я не знаю! Я понятия не имею, кем и где я могла бы быть. Но я абсолютно уверена в том, что больше ноги моей не будет в этом доме, так что наш брак невозможен.

— В каком доме? В поместье Стивенсгейт?

— Да, — Финнула вздрогнула при этих словах. — Те часы, что я там провела, были худшими часами моей жизни. Я поклялась, что больше никогда не переступлю порог этого дома снова...

— Финнула, мне известно, что произошло между тобой и моим отцом...

— Нет, ты ничего не знаешь! — крикнула она. — Ни ты не знаешь, ни кто-либо другой не знает. Твой отец сошел с ума, совершенно потерял рассудок, он считал, что я — твоя мать. Шериф де Бриссак не говорил тебе об этом? Лорд Джоффри никогда не называл меня по имени. Он звал меня Мэри. Так ведь звали твою мать?

Когда Хьюго кивнул, Финнула глубоко вздохнула.

— Он любил вовсе не меня. Меня он даже не знал. Но для него я была леди Мэри, и поэтому он решил, что должен заполучить меня. Я ничего не могла сделать, чтобы помешать ему, не могла ни слова сказать против...

— Финнула, — он шагнул к ней, но девушка выставила ладонь, останавливая его.

— Мне жаль, что приходится говорить тебе об этом, но тогда, да и сейчас, я была уверена, что меня спасло чудо. Едва мы вошли в его спальню, как он упал на пол. Я была ужасно напугана, не знала, что делать...

— Финнула, послушай меня. Мы запрем эту комнату, ты больше никогда в нее не зайдешь...

Но Финнула продолжала говорить, точно не слыша его.

— Я стояла над ним, а он хватался за горло, пытаюсь вдохнуть. Тогда я бросилась за шерифом де Бриссаком, молясь, чтобы он еще не успел уехать, и, когда я его привела, лорд Джоффри уже был мертв, — по щекам Финнула покатались слезы. — А затем меня обвинили в... В убийстве лорда, Реджинальд Ларош хотел, чтобы меня повесили! Вот только шериф де Бриссак не допустил этого...

На этот раз Хьюго не позволил ей остановить его и, бросившись к девушке, заключил ее в объятия, крепко прижимая к себе и шепча ей на ухо:

— Я знаю, я знаю. Джон все мне рассказал. Но мы сможем оставить все позади, правда? Мы сможем забыть обо всем и начать жить заново. Первое, что я сделаю, когда вернусь в поместье, это выгоню Лароша, а затем повешу замок на спальню отца, и туда больше никто никогда не войдет. О, Финнула, не плачь...

Но она не могла остановиться. Рыдая, она прижималась к его груди и кляла себя. Как она могла показать ему такую слабость? Неужели ее гордость и так была недостаточно ранена? Неужели ей нужно было еще и выставить себя плаксой перед этим мужчиной? Но с каждой такой мыслью слезы лились лишь сильнее и сильнее. Финнула уперлась ладонями в грудь Хьюго, пытаясь оттолкнуть его от себя.

Хьюго не позволил ей этого сделать, крепче обхватив ее руками, и произнес:

— Послушай, Финнула. В твоей жизни изменится далеко не все. Конечно, ты больше не будешь жить на мельнице, но поместье Стивенсгейт станет твоим, и ты сможешь делать с ним все, что пожелаешь. И крестьяне по-прежнему останутся на твоём попечении. Они ведь и так называют тебя своей леди, разве не лучше будет стать леди Финнулой взаправду? Ты сможешь мне с делами в деревне, мне очень нужна твоя помощь. Я был вдали отсюда десять лет, а Ларошу доверять нельзя. Мне нужен кто-то, кто подскажет, как вести дела.

Финнула подняла голову.

— Попроси Роберта. Роберт тебе поможет. И Джон де Бриссак. Я тебе не нужна...

— Нужна, — Хьюго обхватил ее тонкую талию. — Финнула, милая, пусть меня зовут не сэр Хьюдж, но я все тот же самый мужчина, только теперь с другим именем и иным титулом. Почему ты так возненавидела меня за это?

— Потому что, — она всхлипнула, — ты мне соврал!

— Это было до того, как я понял, какая ты, — пояснил он. — К тому же, ты приставила нож мне к горлу, помнишь? Нельзя же ждать правды от того, кому угрожаешь ножом. А представь, что было бы, узнай ты во мне своего лорда? Не глупи, Финнула.

— А еще ты решил жениться на мне, потому что мой брат грозился убить тебя...

— Прошу прощения, Финнула, — кашлянул Хьюго, — но это я был с мечом в руках, а не наоборот. И, ради бога, пойми, наконец, что я решил сделать тебя своей женой еще до того. Возможно, это произошло в тот самый момент, когда я увидел тебя в озере, пусть даже тогда я еще не понял этого. Жениться на тебе — мой единственный способ заполучить тебя, значит, так я и должен сделать.

— Ха! — Финнула усмехнулась. — «Заполучить меня» — вот, чего ты хочешь. А вовсе не жениться.

— Ни один мужчина не хочет жениться, Финнула. Просто иногда встречаются женщины, которых невозможно заполучить другим путем, так что женитьба — необходимая жертва во имя чего-то более важного.

— О-о-о, — рассерженно вздохнула Финнула. — Я так и знала! Ну, скажу я тебе, есть такие женщины, которым совершенно не нужны ни муж, ни семья! И я одна из них. Поверь, я буду ужасной женой. Я не умею сеять, отвратительно убираюсь и еще хуже готовлю. Единственное, на что я способна — уходить из дома на рассвете и охотиться до поздней ночи, а затем возвращаться в грязи с ног до головы, и ты даже видеть меня такой не захочешь...

— Ну, если дело лишь в этом, то ты куда невиннее, чем мне представлялось прошлой ночью, — усмехнулся Хьюго и, прежде чем девушка успела возразить, поцеловал ее, как и советовала Патриция.

Финнула лишь пискнула, пытаясь увернуться и доказать ему, что женитьба на ней будет огромной ошибкой — вот только ничего не вышло.

Когда его губы коснулись ее, пальцы запутались в волосах, а широкая ладонь легла на талию, Финнула поняла, что не может и не хочет возражать и протестовать. Неважно, женаты они или нет, она ни за что не станет прекословить ему, лишь бы он касался ее вот так, нежно и настойчиво одновременно...

Хьюго почувствовал, что она уже готова сдаться, и использовал это обстоятельство в свою пользу. Обычно он всегда давал более слабому противнику возможность хоть какого-то сопротивления, но на этот раз он не собирался ни сдаваться, ни даже создавать видимость этого. Прекрасно зная, что во много раз превосходит девушку в силе, он, тем не менее, не чувствовал ни капли стыда. Он хотел ее, страстно желал, и ему было известно, что она чувствует то же самое. Бережно положив девушку на кровать и подняв темно-зеленую юбку, он нежно провел рукой по шелковистой коже, и Финнула тихонько вздохнула. Она больше не протестовала, лишь в глубине ее сознания проскользнула мысль о том, что заниматься любовью в комнате, где прошло ее детство, было в некотором смысле неправильно.

Но место не имело никакого значения.

Прежде, чем она успела понять, что задумал Хьюго, он наклонился к ее бедрам. Его поцелуи на самой чувствительной части ее тела заставляли девушку извиваться, Финнула боялась, что вот-вот ее стоны превратятся в плач, который напугает всю семью или, еще хуже, даст всем понять, что происходит в спальне наверху.

Когда он оказался в ней, она вскрикнула. Взрыв чувств накрыл девушку совсем скоро, и она изо всех сил на этот раз старалась быть как можно тише.

Хьюго упал на нее, и они еще какое-то время лежали, тяжело дыша и обнимая друг друга. Он гладил ее плечи, она перебирала пальцами его волосы.

Их взгляды встретились, и он, наконец, спросил:

— Ну а теперь ты выйдешь за меня?

Финнула едва дышала.

— Не думаю, что у меня есть какой-то выбор.

— Нет. Я тебя заставлю.

Девушка задумалась.

— Но от кожаных штанов я не откажусь.

— Откажешься, — заверил он ее. — А если нет, я сожгу их.

— Ты не посмеешь!

— Посмею. И верни мне мой изумруд.

Финнула взглянула на потолок.

— Я не знаю, где он.

— Все еще у тебя на шее. Думаешь, я не чувствую, как он упирается мне в живот?

Финнула вдруг замерла, пораженная ужасной мыслью.

— Как ты думаешь, они нас слышали? — в доме было подозрительно тихо.

— Если учесть, как громко ты дышишь... Они, наверное, думают, что я тут тебя убивал.

— Или что я тебя убивала...

— О, прошу тебя! Ты плакала!

— Нет! Я не плакала. Я просто...

— Ты просто плакала, признай. Тебя слышала вся деревня.

Финнула скептически приподняла бровь.

— Так ты это специально?

— Что именно? — он поднялся и невозмутимо поправил рубашку.

— Ты понял, о чем я.

— Нет, Финнула, я не понял. А теперь я предлагаю тебе начать собираться, потому что у тебя есть лишь одна ночь, чтобы собраться. Завтра мы женимся.

— Завтра! — вырвалось у Финнулы.

— Да, завтра. И не пытайся сбежать, потому что я найду тебя и хорошенько отшлепаю, если ты куда-нибудь исчезнешь.

— Но ведь ты сказал Роберту...

— Я сказал Роберту, что отныне единственным мужчиной, который к тебе прикоснется, буду я, — он наклонился и поцеловал ее. — Но я не говорил, что не уложу тебя к себе на колени, если ты попытаешься от меня сбежать.

Подумав, Финнула решила, что это будет не самым ужасным наказанием, но все же лучше ей не злить будущего супруга.

Глава 11

Прошло десять лет с тех пор, как Хьюго последний раз видел родной дом, если,

конечно, можно было назвать поместье Стивенсгейт домом. Сам Хьюго едва ли мог так сказать об этом месте, где по-прежнему жила память о предательстве брата и вынужденном бегстве. Несмотря даже на то, что и родители, и брат давно ушли в мир иной, Хьюго въезжал в ворота замка в мрачном расположении духа.

Хоть церковные колокола и созвали людей на восьмичасовую службу, небо по-прежнему было светлым, пусть шла еще только вторая неделя мая. До боли знакомые башни выглядели так же, как и прежде, весь замок остался таким же, каким запомнил его Хьюго.

Возле замка были конюшни, пекарня, домики некоторых луг. Построенный в качестве крепости, замок не утратил своего величия и по сей день, став надежной опорой для всех своих обитателей. Один лишь взгляд на массивную стену, обносящую по кругу поместье — и становилось ясно, что никто и ничто не сможет стать угрозой тем, кто скроется за ней.

Впрочем, далеко не все оставалось в безупречном состоянии. Так, башни, венчавшие замок, не использовались долгие годы и потихоньку разрушались. Хьюго не рискнул бы подниматься на них по тем ветхим ступеням, грозившим вот-вот обрушиться прямо под шагами идущего. В детстве они с братом бегали вверх-вниз, играя и проказничая, но Хьюго не припоминал, чтобы кто-то поднимался в башни кроме них.

Именно поэтому, услышав голос, доносившийся откуда-то сверху, Хьюго был немало удивлен.

— Здравствуйте!

Подняв голову, рыцарь увидел светловолосого мальчика, сидевшего на крыше поместья. Туда можно было попасть, если подняться в башню, а затем вылезти из окна. Очень рискованное занятие... И страшно любимое самим Хьюго в детстве.

— Здравствуй, — кивнул Хьюго. Во дворе поместья было тихо, казалось, все обитатели замка уже не покажутся до рассвета.

— Здравствуй, Джейми, — махнул рукой шериф де Бриссак. — Спускайся и позови старого Вебстера, наших лошадей нужно отвести в стойло.

Джейми склонил голову набок.

— А кто это с вами, шериф? — поинтересовался он. Ему едва ли было больше девяносто лет, но он уже научился разговаривать командирским тоном, отметил про себя Хьюго с усмешкой.

— Со мной? — шериф де Бриссак улыбнулся. — Это Его Превосходительство.

Мальчик явно был удивлен.

— Правда? Лорд Хьюго?

— Он самый.

Мальчик разглядывал Хьюго с минуту или две, а затем резво залез в окно башни. Хьюго вопросительно посмотрел на шерифа.

— Кто это? — осведомился он, снимая перчатки и спрыгивая с лошади.

— Это Джейми.

— И сколько еще приспешников Лароша тут обитает? — сумрачно поинтересовался Хьюго, оглядывая двор. В нем ничего, совершенно ничего не изменилось, и конюшни, и пекарня выглядели точно так же, как и десять лет назад. Разве что чуть обветшали.

— Ох, — шериф тяжело вздохнул, — много, милорд, много. Ваш слуга, которого вы послали вперед, тоже...

— А, так Питер тут уже успел устроиться? — Хьюго даже несколько удивился. Он, честно говоря, не рассчитывал, что парень найдет и Лондонский мост, не заблудившись раз

или два.

— Не совсем, — хмыкнул шериф. — Прибыл только вчера, рассказывал совершенно дикие истории о том, как вас похитила шайка разбойников, а в ближайшем будущем они пришлют весточку о выкупе. Ларош понятия не имел, что с ним делать, и послал за мной. Увидев меня, парень лишь похлопал глазами, да с тех пор так рта и не открывал.

Хьюго усмехнулся.

— Финнула пригрозила ему, заставив дать слово, что шериф ничего не узнает о моем, хм, исчезновении.

— Это все объясняет, — кивнул шериф. — А, вот и Вебстер.

К ним подошел старый слуга, живший в поместье еще при молодости лорда Джоффри. Затуманенный взор обратился к Хьюго.

— Это вы, милорд?

— Да, Вебстер, — сердце Хьюго пропустило удар при одном лишь взгляде на старика. Старого конюха Хьюго с братом любили, еще будучи мальчишками, он рассказывал интересные истории и охотно играл с ними. Вебстер всей душой любил лошадей, нежно называл их красавицами и едва ли ушел бы со службы, оставив их. — Рад видеть тебя, старик, — отбросив формальности, рыцарь взял старика за руку и от души пожал сморщенную ладонь. — Рад видеть тебя.

— Да, это вы, милорд, — Вебстер не шелохнулся. — Эти руки я узнаю везде. Вы никогда не знали своей силы. Так, значит, теперь вы вернулись.

— Вернулся, — заверил его Хьюго. — Я вернулся, чтобы остаться.

— Вовремя, милорд, скажу я вам, — старик покачал головой. — Моим красавицам приходится нелегко теперь, но, раз вы дома, все наладится.

Не произнося больше ни слова, старик обошел Хьюго и шерифа, снял с лошадей поводья и повел их к конюшне. Рыцарь молча смотрел ему вслед.

— Хорошо, что он здесь, — сказал он, наконец, шерифу. — Но он ведь совсем ослеп, постарел... Почему ему не нашли какого-нибудь мальчика в подмогу?

— Чтобы кормить еще один рот? — Джош де Бриссак печально улыбнулся. — Нет, Ларош на это ни за что не пойдет. А Вебстера он оставил лишь потому, что не нашел бы другого такого же дешевого работника. Старик любит лошадей и выполняет всю работу отменно. Да и карман нынешнему хозяину не тянет.

— Вот оно что... Мне следовало бы догадаться. А этот мальчик, Джейми, — Хьюго бросил взгляд на окно башни, — он не помогает ему на конюшне?

— Джейми? Нет.

— Значит, он у миссис Лавер, верно? Миссис Лавер ведь по-прежнему заправляет всем на кухне?

— Да, готовит она так же великолепно, как и всегда. Но Джейми не с кухни, хоть он и пытается утянуть кусочек то тут, то там. Помощи от него куда меньше, чем беспорядка, — шериф де Бриссак хлопнул в ладоши. — Ну что же, милорд, постучим в двери замка или войдем свободно?

Хьюго был поражен деловитостью шерифа. Он уже знал, что того не ждала дома жена — шериф был холостяком — а пожилая мать любила поучать сына, потому тот и не спешил возвращаться, предпочитая заниматься чем-то вдаль от дома. Но, в отличие от шерифа, Хьюго вовсе не спешил войти в замок. Вернувшись из крестового похода, где смерть и жестокость встречались на каждом шагу, рыцарь желал лишь покоя и тихого домашнего

быта. Конечно, учитывая, какую девушку он выбрал в жены, на последнее можно было не рассчитывать, но, возможно, к старости они с Финнулой все же найдут способ свить по-настоящему уютное семейное гнездышко.

Но перед этим нужно было выкинуть из замка Лароша, который едва ли уйдет отсюда покорно и с миром.

— Тьфу на тебя, Джон, — рассмеялся рыцарь. — Зачем мне стучаться в собственную дверь?

С этими словами он потянулся к дверям, но, не успел Хьюго к ним прикоснуться, как они распахнулись сами.

— Ну так заходите, — произнес светловолосый мальчик, открывший двери и теперь разглядывавший Хьюго во все глаза. Глядя на рыцаря снизу вверх, он слегка улыбнулся. — Не стойте в проходе.

Хьюго поморгал.

— Стало быть, для тебя поместье — родной дом, парень?

— Надеюсь, — просто откликнулся Джейми. — Я родился здесь.

— Оно и видно, — Хьюго вошел в замок. Большой зал поместья Стивенсгейт был обеденным залом при его отце и остался таковым сейчас. Занимая почти весь первый этаж, Большой зал некогда производил очень внушительное впечатление на вошедшего, но теперь убранство его заметно оскудело.

Напротив дверей, в противоположной стене, был камин, яркое пламя весело плясало, приветствуя возвратившегося домой рыцаря. Пожалуй, огня было даже слишком много для такого теплого вечера, как этот. Возле огня стояли два кресла с высокими спинками. В одном из них сидел ни кто иной, как слуга самого Хьюго — Питер. В другом кресле сидел мужчина, в котором рыцарь тотчас же узнал кузена своего отца — Реджинальда Лароша.

Услышав шаги, Питер поднял голову.

— Смотрите! — вскричал он. — Это же мой хозяин!

И он бросился к вошедшим. По его нетвердой походке мгновенно стало ясно, что парень пьян. Какой идиот позволил ему так нализаться, Хьюго мог лишь предполагать, но сейчас были проблемы поважнее, нежели пьяный слуга. Оставалось лишь надеяться, что это не Ларош подпоил Питера, надеясь таким образом завоевать его расположение. Дарить пареньку подарки и позволять выпивать — лучший способ завоевать его доверие. Подумав об этом, рыцарь лишь нахмурился.

— Он здесь, месье, — Питер широко улыбался, указывая на Хьюго. — Никакого выкупа н-не надо, я в-вижу, — язык у него заплетался. — Ну, вы-то ей показали, милорд? Видит Бог, я так, — он помолчал, собираясь с мыслями, — я так за вас волно-ик! — вался...

Хьюго проигнорировал слугу, не сводя глаз с другого мужчины, который поднялся из кресла и теперь направлялся к ним, раскинув руки, точно приглашая Хьюго упасть в его объятия.

— Неужели это Хьюго Фитцстивен! — воскликнул он. — Нет, это не может быть тот зеленый юнец, что сбежал отсюда десять лет назад. Вы тогда задали работенки всем жителям замка, а, милорд? — он добродушно рассмеялся. — И посмотрите на себя теперь! Крепкий, как отец, высокий, словно наши башни. Как нас порадовали новости о вашем возвращении, верно, Джон? Вижу, ты спас нашего лорда из лап разбойников, о которых говорил нам Питер...

— Никаких разбойников там не было, Реджинальд, — улыбнулся Джон. — Только лишь

наша любимая маленькая охотница.

Лицо Лароша потемнело при одном лишь упоминании о Финнуле. Он оказался высоким и крепко сложенным мужчиной, но до Хьюго никак не дотягивал. Черные волосы уже тронула седина, а Хьюго помнил его еще довольно молодым, он был частым гостем в поместье отца. Кузен и лучший друг Джоффри Фитцстивена — вот, кем был Реджинальд Ларош, но Хьюго ни минуты не сомневался, что этот с виду гостеприимный и дружелюбный человек, мог бы хладнокровно убить своего друга, чтобы завладеть его богатствами, а затем обвинить в преступлении ни в чем не повинную девушку.

— Но ваш слуга толковал о головорезах, — растерянно произнес Реджинальд Ларош, в недоумении глядя на Питера.

— Она сказала, что убьет его, — Питер пьяно мотнул головой в сторону Хьюго, — если я все скажу вам по правде. Ну что за девушка! — он засиял, словно начищенный пятак. — Я бы охотно умер за поцелуй от нее...

Улыбка так и примерзла к лицу Лароша.

— Вот как. Милорд, мы ждали требований касательно выкупа, но, к счастью, вы вернулись к нам целым и невредимым. Моя дочь — вы ведь помните Изабеллу? Она выросла в очаровательную юную леди! — приготовила для вас покои вашего батюшки...

Хьюго приподнял бровь.

— Не спал ли ты в ней сам, Реджинальд?

— Я? Ну... Было дело, но теперь, когда вы вернулись, будет только лучше, если...

— Помолчи.

Вот, значит, какую роль собирался играть Ларош. Убитый горем кузен лорда, получивший радостную весть о возвращении племянника, счастливо приветствует его! А что до дел — так ему, убитому горем, было так тяжело вести дела покойного друга и родственника, что поместье пришло в упадок, а люди в деревне едва выживали. Да они бы умерли с голоду, если бы не Прекрасная Финн! Что за идиот должен был купиться на эти сладкие речи, сердито подумал Хьюго.

Скрестив руки на груди, рыцарь в упор уставился на Лароша.

— Все выглядит замечательно, Реджинальд. Просто замечательно. Я был рад повидать старого Вебстера. Но ты не задумывался, что он стал стар для такой работы? Почему ты не нашел ему помощника?

— Видите ли, милорд, все теперь несколько иначе. Все переменялось, очень переменялось, — Реджинальд скорбно развел руками. — Ваш отец распродал большую часть лошадей перед смертью. Он не видел смысла держать столько скакунов лишь для себя одного под конец жизни...

— Очень странное решение с его стороны, не так ли? — Хьюго обтряхнул свои перчатки о стену и лишь покачал головой, увидев столб пыли, поднятый ими. — Особенно при том, что он был женат. Он, должно быть, рассчитывал, что его молодая жена найдет достойное применение скакунам. А если пойдут дети... — он многозначительно замолчал на полуслове. Ларош помолчал, затем весьма неуверенно промолвил:

— Полагаю, вы уже знаете о том случае... Темный день для всей вашей семьи, — он скорбно развел руками. — Помутнение рассудка не пощадило вашего отца, принесся ему это болезненное влечение к ребенку... — его лицо потемнело, после чего он вздохнул, словно желал оставить все невзгоды позади. — Но незачем нам возвращаться к тем печальным дням, ведь вы можете быть счастливы здесь и сейчас, милорд. Мы непременно должны

отпраздновать ваше возвращение. Джейми, — он взглянул на мальчика, — беги скорее к миссис Лавер и скажи, что лорд Хьюго вернулся, так что нас всех ждет большой праздник. Пусть она готовит еду, которая будет достойна стола графа! Скажи ей, что я разрешаю ей зарезать одного из молочных поросят...

Джейми, который до этого с любопытством прислушивался к беседе, удивленно посмотрел на Лароша.

— Зарезать поросенка? Мадмуазель Изабелле это не понравится...

— Скажи мадмуазель Изабелле, что лорд вернулся, она тотчас же все поймет, — Ларош отдавал приказ терпеливо, но недовольно, он явно не привык к тому, чтобы его слова брались под сомнение. Мальчик убежал, и «хозяин» замка лишь вздохнул. — Нелегко сейчас найти ответственных людей.

— Представляю, — кивнул Хьюго. — Особенно, если ни черта никому не платить.

— Милорд? — ошеломленно переспросил Ларош.

— Ты слышал меня. Питер! — окликнул Хьюго слугу. — Иди на конюшню и помоги там Вебстеру.

Питер был так пьян, что едва держался на ногах, но начать препираться это ему не помешало.

— Зачем помогать Вебстеру? — заныл он. — Этот трухлявый пень справится со стадом лошадей, он еще о-го-го...

— Делай, как я сказал! — гаркнул Хьюго. Его голос громом прокатился по залу, а Питер подпрыгнул от неожиданности и был таков. Никогда еще на памяти Хьюго он не двигался так быстро.

— Милорд, — испуганно проговорил Ларош, слегка уменьшившись в размерах, — что-то произошло? Простите мне мою храбрость, но вы, кажется, чем-то... Недовольны?

Шериф де Бриссак, ценивший хорошие шутки, усмехнулся, услышав этот вопрос, а Хьюго лишь отряхнул свой плащ и начал медленно натягивать перчатки.

— Честное слово, милорд, — проблеял Ларош, вымученно улыбаясь, — если дело в продаже лошадей, то могу заверить вас, что лорд Джоффри чувствовал себя не лучшим образом в последние недели своей жизни. Казалось, будто его околдовали...

— Или его разум медленно, но верно разрушался ядом, — холодно закончил за него Хьюго.

— Ядом, милорд? — черные брови Лароша взлетели, показывая удивление. — Как вы сказали, «яд»? Да-да, разговоры о яде были. Если хотите знать мое мнение, это та маленькая ведьма, на которой он имел неосторожность жениться, подсыпала что-то в его чашу...

— О, нет, — уверенно оборвал его Хьюго. — Его травили задолго до женитьбы. И в результате он пожелал обзавестись новой женой и не мог думать ни о чем другом.

— Но, милорд, — Ларош нервно облизнул губы, — вы так уверенно об этом говорите...

— Так вышло, — Хьюго сурово взглянул ему в глаза, — что я хорошо знаю историю своей семьи. Никто, месье Ларош, никто никогда прежде не сходил с ума. Ни мой дед, ни его отец, ни отец его отца.

— Множество вещей могут лишить человека рассудка, — заверил его Ларош. — В случае вашего покойного батюшки, я уверен, это были происки маленькой чертовки. Ведьма, как многие ее называют, она юна и хитра...

— Нет, — Хьюго не сводил испытующего взгляда с Лароша, — Финнула Крейс не стала причиной безумия моего отца, но была его симптомом. Причиной же был яд, это ясно, как

день.

Реджинальд Ларош с шумом втянул воздух, точно собираясь выпалить что-то, но вместо этого лишь повернулся к шерифу.

— Значит, ему сообщили, что я сказал, когда старый... В смысле, лорд Джоффри умер? — всякие нотки дружелюбия мгновенно пропали из его голоса. — Что я думал о вине девушки? Ох, Лорд Хьюго, вы не видели и не знали, как она презирала его. Не позволяла притронуться даже к своей руке. Странная девушка, невероятно неженственная. Говорил ли вам шериф, что она подозревается в браконьерстве? Убийца, браконьерша, возможно, даже колдунья...

— Слишком много обвинений для одной девушки, — спокойно заметил Хьюго.

— Для девушки? О, нет, Финнула Крейс не просто какая-то девушка! Разгуливает в мужских штанах, а не в длинных платьях, как подобало бы благочестивой христианке...

— Довольно, — перебил его Хьюго, подходя к Ларошу вплотную. — Ни слова больше о девушке! Теперь я хочу увидеть бумаги о продаже лошадей моего отца и все документы о расходах за время моего отсутствия. Кроме этого я хочу, чтобы ты, — он навис над Ларошем, — объяснил мне, почему слугам не платят и почему этой зимой крестьяне чудом не умерли от голода, а спасла их та самая девушка, о которой ты столь лестно отзывался минуту назад.

Наверное, именно такого разговора и ожидал наместник. Хьюго не мог доказать, что именно он отравил лорда Джоффри, но мог легко обвинить его в расточительстве и беспечном отношении к хозяйству. Пожалуй, именно за этим он и привел сюда шерифа... Ларош беспомощно улыбнулся.

— Милорд! Милорд, что же это? — воскликнул он. — Неужели вы слушаете деревенские сплетни? Я никак не могу поверить в то, что вы осудите человека, не дав ему права доказать свою невиновность...

— А! — расхохотался шериф. — Так озвучьте же нам свою версию событий, месье Ларош, — он сел в одно из кресел у камина. — Присядьте, лорд Хьюго, и насладитесь выступлением.

— Спасибо, Джон, я постою, — усмехнулся Хьюго. — Так будет лучше слышно. Что же, Реджинальд, — он скрестил руки на груди вновь, — рассказывай. Начнем с лошадей.

— О, это было давно, я едва помню, но готов поклясться, что одна из них заболела, затем заболели и другие, и вскоре они все могли бы погибнуть одна за другой...

— И мой отец продал их?

— Возможно, я ошибаюсь, милорд...

— А что с налогами? Каким будет оправдание на этот счет? — Хьюго не мог не признать, что Ларош умело выкрутился из первого вопроса. Возможно, он заговорит о каком-нибудь наводнении, пытаясь объяснить налоги.

— Наводнение, милорд, — произнес Ларош, точно читая его мысли. — Река разлилась по весне и затопила почти все ваши владения, уничтожила почти половину строений. Мне пришлось увеличить налоги, милорд, чтобы отстроить пострадавшие от воды дома для слуг заново...

Хьюго покосился на шерифа де Бриссака, который задумчиво смотрел на Лароша.

— Да, река разливалась в прошлом году, — согласился он. — Вода стояла на паре полей, но я не припомню большого потопа и разрушений...

— О, сэр, много земли ушло под воду на несколько дней, — заохал Ларош, —

колоссальный ущерб.

— И поэтому ты потребовал с Мэттью Фэйрчайлда огромную сумму за его женитьбу на Мэвис Пул? — сощурился Хьюго.

— Мэттью Фэйрчайлд? — переспросил Реджинальд, выкатывая на Хьюго глаза, словно испуганная ворона. — Мэвис Пул? Милорд, это какая-то ошибка. Я не знаю этих имен, никогда не встречал этих людей...

— Семья Мэвис Пул работала на землях Фитцстивенов больше пятидесяти лет, — дружелюбно сообщил ему Хьюго. — И все же ее имя тебе незнакомо? Ты был добрым другом моего отца, чем же ты был так занят, что не мог даже запомнить имен тех, кто верно служил ему все эти годы?

Ларош что-то начал было бормотать в ответ, но Хьюго остановил его взмахом руки. Он услышал достаточно. Этот человек, пусть даже и не убивавший лорда Джоффри, убил его память, позволив людям умирать от голода. Раздражение и гнев, копившиеся с самого его входа в поместье, вот-вот грозили вырваться на свободу.

Хьюго схватил Лароша за ворот туники и с силой встряхнул, а затем оторвал от пола и приподнял перед собой. Наместник ошарашенно заморгал, подавившись собственными оправданиями.

— Я могу раздавить тебя, — пророкотал Хьюго, — словно вошь. Могу швырнуть тебя на пол и свернуть шею.

— Милорд, — шериф де Бриссак обеспокоенно привстал с кресла.

— Я могу доказать, что ты растранижил все деньги моего отца и обобрал крестьян, — продолжал Хьюго, — а затем с удовольствием буду наблюдать, как ты гниешь в тюрьме. Конечно, я предпочел бы проткнуть тебя мечом, а потом вышвырнуть прочь из своего дома...

— Милорд! — закричал шериф, теперь уже всерьез испугавшись. — Милорд, постойте!

— Но вместо этого, — говорил рыцарь, не слыша шерифа и по-прежнему держа Лароша на весу, — я всего лишь отдам тебе несколько указаний, которые ты исполнишь так же безусловно, как играл роль невинного агнца...

Поставив двоюродного дядю на место, Хьюго снова встряхнул его за ворот туники.

— Ни черта, — прошипел он, — ни черта ты не сделал для этого поместья и для моего отца. Ты ни во что не ставил жизни людей, которых мой отец поклялся защищать. Твоей единственной заботой были собственные карманы, которые ты так охотно набивал деньгами Фитцстивенов. Но этому пришел конец.

С этими словами он оттолкнул наместника от себя, и тот так и шлепнулся на пол, толком не придя в себя.

— Ты вернешь все деньги, что украл у меня, до конца года. Вплоть до последней монетки. Еще ты принесешь мне каждую паршивую бумажку, подтверждающую каждую твою манипуляцию с моими деньгами, и сделаешь это до рассвета. И уберешься из моего дома до завтрашнего полудня. Я ясно выразился?

Что-то промелькнуло на лице Лароша, и этим «чем-то» были не страх и не трепет. В глазах Реджинальда Лароша Хьюго увидел ненависть, страшную и всепоглощающую. Именно ее он видел на лицах своих врагов в сражениях на Святой земле, а потому безошибочно узнал теперь.

Но ненавидеть кого-то, находясь в его собственном доме — очень неразумный поступок, и Реджинальд Ларош не мог об этом не знать. Он ненавидел Хьюго и ненавидел

его отца, и как лорд Джоффри не разглядел этой страшной ненависти в глазах кузена, для Хьюго оставалось загадкой.

Это длилось мгновение или два, а затем Ларош отвел взгляд, лицо его стало печальным, он поднялся на ноги.

— Милорд, милорд, — заблеял он, потирая плечо, за которое схватил его Хьюго, — все, что я делал в ваше отсутствие, было лишь на благо поместья. Многие из слуг жаловались, это правда, но вы ведь знаете, как часто крестьянам нужна твердая рука. Ваш отец был несравненен в этом, и я лишь пытался следовать его примеру. Всем известно, что вассалы Стивенсгейта живут в лучших условиях во всем Шропшире...

— Жили, — невозмутимо поправил его шериф. — Они жили в лучших условиях.

— О чем я и толкую, — ничуть не смутился Ларош. — Ваш отец был добрым человеком, но понятия не имел о том, как вести дела. Я охотно предоставлю вам все бумаги до единой, милорд, но мне больно слышать такие жестокие слова из ваших уст. Подумайте, милорд, вы устали в дороге, злые языки воспользовались этим, дабы очернить меня в ваших глазах...

— Даже слышать ничего не хочу, — утомленно махнул рукой Хьюго, точно речь наместника была надоедливым жужжанием мухи. — Завтра тебя здесь не будет, Ларош, или мой меч укажет тебе дорогу...

— Отец?

Мелодичный голос прервал угрозу Хьюго, и рыцарь немедленно обернулся. На лестнице, ведущей на второй этаж, положив одну руку на перила, скромно стояло прелестное создание в пурпурном платье. Бледная кожа едва ли не светилась в отблесках огня в камине, а взгляд, украдкой брошенный из-под длинных черных ресниц, пленял и околдовывал. Изабелла Ларош знала о своей красоте и умело ею пользовалась. Хьюго помнил ее еще десятилетней девчушкой, а теперь она выросла в очаровательную молодую женщину.

— Отец? — позвала она снова. — Что-то произошло? — затем, заметив Хьюго, девушка прижала ладонь к губам. — Лорд Хьюго! — закричала она, бросаясь к нему. Ее юбка развевалась, словно огонь. — О, это, должно быть, сон! Джейми говорил о вашем возвращении, но я никак не могла поверить в это, и вот теперь я вижу вас своими глазами...

Черные глаза сияли, словно ониксы, Изабелла улыбнулась Хьюго прелестной улыбкой, способной растопить любое сердце.

— Ох, милый кузен, как ты вырос! — она отбросила формальности и кинулась Хьюго на шею. — Как ты возмужал, как изменился! Девичья память хранила тебя еще мальчишкой, но теперь ты стал прекрасен! Отец, правда, Хьюго выглядит невероятно?

— Иди в кухню, Изабелла, — проворчал Ларош, — да проследи за тем, как миссис Лавор готовит ужин.

— Отец, вы ведь это не всерьез! — надула губки Изабелла. — Мы с кузеном Хьюго не виделись много лет, нам так много нужно друг другу рассказать, — она покачала головой. — Кузен Хьюго объездил полмира, я хочу услышать все о его путешествии! О сражениях, о Святой земле. Хьюго, милый кузен, ты видел пирамиды Египта? — она обратила сияющий взор на рыцаря. — Они и вправду так громадны, как пишут в книгах?

Мельком оглядев девушку, Хьюго отлично понял, почему Финнула и ее сестры так невзлюбили ее. Красивая и хитроумная, Изабелла Ларош была едва ли не опаснее собственного отца, а любая девушка, не знавшая всей правды, позавидовала бы ее внешности и жизни, которую она вела. Похоже, сегодня вечером Изабелла особенно постаралась перед

выходом, выбрав невероятной красоты платье и ожерелье, а пальцы и запястья увешав золотыми украшениями. Если она каждый день выглядела хоть вполовину так ярко, неудивительно, что ее образ жизни совершенно очаровал Меллану и толкнул на глупую просьбу.

— Вижу, мой отец не предложил гостю ни напитка, ни еды с пути, — нахмурилась Изабелла, беря Хьюго под руку и прижимаясь к нему упругой грудью. — Позвольте наполнить для вас чашу, милорд, — она скромно опустила глаза в пол, не выпуская его руки.

Шериф де Бриссак не удержался от смеха при этой сцене, за что был награжден неодобрительным взглядом Изабеллы.

— О, — слегка приподняла уголки губ она, — это вы. Я вас не заметила. Что вас развеселило?

— Ах, мадмуазель, — хмыкнул шериф, — если вести еще не дошли до вас, я не стану сообщать их теперь.

— Изабелла, — повысил голос Ларош, — иди же.

— Отец! — черноволосая красавица притопнула ногой. — Ты грубишь мне при госте!

— Мы с лордом Хьюго обсуждаем важные дела, которые тебя не касаются. Иди в кухню и проследи, чтобы миссис Лавор...

— Не нужно, месье, — остановил его Хьюго. — Сегодня вечером я буду ужинать на мельнице, так что вам нет нужды беспокоиться — и беспокоить миссис Лавор — хотя, если вам так будет угодно, шериф де Бриссак охотно разделит с вами трапезу. Он же поможет вам собрать все необходимые вещи.

— Ужин на мельнице? — воскликнула Изабелла с ужасом. — Но зачем вам идти на мельницу, милорд? Ужин в поместье будет во много раз лучше, нежели за столом у мельника...

— Вполне возможно, — рассмеялся шериф, — вполне возможно, мадмуазель. Вот только вам не удастся заменить лорду Хьюго ту компанию, какую ему составляют обитатели мельницы.

— О чем он говорит? — девушка просительно взглянула на рыцаря. — О чем идет речь, милорд?

Но Хьюго, не желая упоминать имя Финнулы перед этими людьми, лишь отступил в сторону, высвобождаясь из рук кузины.

— Вы слышали мой приказ, месье, — твердо сказал он Ларошу. — Не позже завтрашнего полудня.

Он с трудом удержался от того, чтобы добавить «Или вы пожалеете», но вложил в голос всю угрозу, на которую был способен.

— Но, милорд, умоляю...

Тяжелая ладонь опустилась на его плечо, и Реджинальд Ларош подпрыгнул от неожиданности. Шериф стоял за его спиной.

— Покажите мне свои записи и документы обо всех продажах, — вежливо, на настойчиво произнес он. — И постарайтесь не писать их на ходу, это делу не поможет.

— Но, — Ларош шагнул было в сторону Хьюго, который уже направился к дверям, — милорд, постойте...

Рыцарь не слышал его, он уже стоял на улице и успел закрыть за собой двери прежде, чем наместник произнес еще хоть слово. Знакомый запах хвои и свежеспеченного хлеба напоминали Хьюго о детстве, проведенном в замке. Лишь вдохнув этот аромат, он понял,

что и в самом деле вернулся домой. Даст бог, он разделит это чувство с Финнулой и их детьми.

Прошагав к конюшням, рыцарь вспомнил о слуге и с усмешкой подумал, что тот, наверное, сделал все, лишь бы увильнуть от работы. Его размеренные мысли прервал чей-то голос.

— Вы уезжаете?

Светловолосый мальчик возник рядом с ним неожиданно, Хьюго даже не слышал его приближающихся шагов. Теперь он разглядывал рыцаря, пылливо прожигая его орехового цвета глазами, на которые падали светлые, явно долго не стриженные, волосы.

— Ненадолго, — тихо отозвался Хьюго. — Я вернусь, когда ты уже ляжешь спать.

— Я ложусь спать, когда хочу, — сообщил мальчик, — так что я вас дождусь.

Мужчина приподнял бровь.

— Ну, как хочешь.

Он сделал еще несколько шагов в сторону конюшни и тут же понял, что мальчик шел следом за ним. Рыцарь обернулся, и мальчик остановился, сделав вид, что разглядывает что-то в небе.

— Так чей же ты будешь, юноша? — с любопытством спросил Хьюго.

— Что, сэр? — удивился тот. — Я?

— Да, ты. Ты помощник миссис Лавер? Или слуга Лароша?

— О, нет, нет, сэр, — помотал головой паренек. — Я ваш.

Хьюго разочарованно кивнул. Какая-то девушка забеременела, а затем оставила ребенка на попечении хозяина замка. Впрочем, не так уж это и страшно, Хьюго легко мог себе позволить воспитать мальчика, если тот не захочет уйти куда-то на вольные хлеба. Парнишка любознателен и непоседлив, вот только мыться определенно не любит, все щеки в грязи.

— Ну хорошо, — рыцарь потер подбородок. Он и сам брился в последний раз довольно давно, пора бы начать привыкать к этому ритуалу. — Тогда у меня будет для тебя задание.

Мальчик с энтузиазмом закивал.

— Какое, сэр?

— Приглядывай за шерифом де Бриссаком. Следи, чтобы он не упустил ничего важного из виду. Понимаешь ли, я велел месье Ларошу и его дочери убираться отсюда, и мне совершенно не хочется, чтобы они строили какие-то козни против меня.

— Я понял, сэр, — отозвался мальчик. — С шерифом ничего не произойдет. Он очень добр ко мне, шериф де Бриссак. Берет меня с собой на рыбалку, — радостно поделился он.

Хьюго лишь приподнял брови, но задавать вопросов не стал. Вместо этого он дал ему золотую монетку и молча проводил мальчика взглядом, когда тот убежал в замок.

— Хороший паренек, — сказал он самому себе — и направился на поиски своего нерадивого слуги.

Глава 12

Ужин на мельнице в этот вечер был более чем странным. Традиции предписывали Хьюго сидеть вдалеке и не разговаривать со своей невестой до свадьбы, и это обстоятельство бесконечно печалило рыцаря, ведь именно из-за Финнулы он пришел на мельницу.

Те же самые традиции обещали Хьюго, как благочестивому жениху, ряд унижений со стороны семьи невесты. Ее зятя придумывали розыгрыши на свадьбу, а ее сестры подтрунивали над ним и над тем, как Финнула ловко захомотала рыцаря. Все это, да еще и

разговор с Ларошем, подтачивали терпение Хьюго, и он уже готов был поднять свой меч на кого-нибудь, вот только дал себе слово закончить с насилием и сражениями. К тому же, с его стороны было бы не очень красиво устраивать драку за столом будущей семьи накануне свадьбы.

— Для жениха вы выглядите крайне суровым, милорд, — поддразнила его Патриция. Невозмутимо взглянув в серые глаза девушки, такие же серые, как у Финнулы, но не искрящиеся тем же теплом, Хьюго лишь слегка наклонил голову.

— Когда она станет моей, я позволю себе расслабиться. До тех пор мне стоит быть настороже.

Патриция лишь повела плечами.

— Думается мне, — хитро улыбнулась она, — вам следует сказать это ей, а не мне.

Хьюго посмотрел на невесту, сидевшую за противоположным концом стола и что-то говорящую брату. Она так пылко рассуждала, что ее щеки покраснелись, а волосы слегка растрепались. Судя по обрывкам разговоров, они с Робертом обсуждали охоту. Что должно было произойти с ним, Хьюго, если он решил жениться на женщине, обсуждающей стрелы и луки, а не детей и рецепты пирогов?

Впервые за весь вечер Хьюго улыбнулся, неожиданно довольный собой. Да, именно с такой женщиной он и провел бы всю свою жизнь, это было совершенно точно. Что интересного в детях и пирогах? Совершенно ничего.

Наблюдая за разговором Финнулы с братом, мужчина невольно позавидовал ей и ее семье. Пусть Роберт раздражал его, а глупость Мелланы не имела границ, семья Крейсов была счастлива и дружна, о такой семье он и мечтал всю жизнь. Если им с Финнулой удастся устроить свою жизнь так же, он умрет самым счастливым человеком на свете.

Ближе к полуночи, когда трапеза завершилась, а попытка Хьюго поцеловать невесту была прервана ее хихикающими сестрами, рыцарь пошел к стойлу, где его ждал верный конь. Направив Скиннера к поместью, Хьюго почесал затылок и слегка притормозил коня. Не стоило ему так много пить... Но, черт подери, завтра он будет навсегда избавлен от общества Ларошей в своем доме и будет женат на женщине, о которой можно только мечтать. Эти события стоило отпраздновать.

Когда он увидел среди деревьев чью-то тень, ему быстро стало ясно, что это не игра лунного света и не происки коварного выпитого эля. Каким-то образом Финнуле удалось выбраться из дома, и теперь она махала ему, стоя под раскидистым дубом.

Направив Скиннера в ее сторону, Хьюго протянул руку.

— Забирайся, — тихо сказал он, и Финнула с кошачьей грацией скользнула на седло перед ним. — Добрый вечер, — приветствовал он невесту, обвивая руками ее талию.

— Доброе утро, — насмешливо откликнулась она. — Сегодня мы припозднились.

— Разве ты не рискуешь, сбегая из дома, чтобы встретиться со мной? — поинтересовался Хьюго. На девушке по-прежнему было зеленое платье, вот только теперь, к сожалению, оно никуда не перекрутилось. — Сестры не рассердятся, если узнают, что ты сбежала?

— Не глупи, — оборвала его Финнула. В лунном свете Хьюго увидел, как на ее лицо набежала тень сомнения.

— Что-то не так? — мягко осведомился он. То, что ее настроение менялось несколько раз в день, его уже не удивляло, это было даже интересно.

— Я лишь... — Финнула обернулась, чтобы взглянуть на него. Ее серые глаза сияли. —

Я только хотела...

Хьюго улыбнулся, убирая прядь волос ей за ухо.

— И чего же ты хотела? Снова сказать мне, что не хочешь выходить за меня замуж?

Финнула поджала губы.

— Вдруг ты передумал.

— Вдруг я передумал жениться на той, с кем невозможно даже разговаривать о свадьбе? — Хьюго хмыкнул. — Боже, никогда не встречал девушки, так сильно не желающей брака. Мне казалось, все женщины лишь об этом и думают!

— Я много о чем думаю, — нахмурилась Финнула, — и ни одна из моих мыслей не касается свадьбы.

— Да, но многие вещи известны лишь замужним женщинам, — он поцеловал ее в щеку. — Тебе муж нужен, как ни одной другой девушке. Именно поэтому мне и удивительно то, что ты так долго оставалась невинна...

Финнула резко отстранилась.

— Что с того? — возмутилась она. — Ты хочешь сказать, что я должна была привлекать мужчин, как мед привлекает мух?

— Совершенно точно, — рассмеялся Хьюго. — К счастью, весь мед достался лишь одной мухе, и эта муха невообразимо счастлива, — он нежно провел рукой по ее волосам и поцеловал девушку в затылок. Финнула вывернулась из его объятий и слезла с лошади. Мужчина легонько шлепнул ее. — И не пытайся улизнуть до свадьбы.

Буркнув что-то неразборчивое, Финнула пошла прочь, но Хьюго не позволил ей уйти просто так. Догнав девушку на лошади, он пустил Скиннера шагом, держась рядом с ней.

— Что? — сердито спросила Финнула.

— Не забывай, Финн. Ты дала слово.

Она скорчила рожицу.

— Знаю, — вздохнула она. — Я никуда не денусь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хьюго рассмеялся и поскакал к поместью, а девушка свернула на тропинку, ведущую к мельнице. Маленькая ведьмочка! Боже правый, она умела его рассмешить. Ни одна женщина за всю его жизнь не вызывала у него подобных чувств.

Хорошее настроение не оставляло Хьюго до самого его въезда в поместье. Оказавшись во дворе, он увидел, что конюшни полны лошадей, а в Большом зале настоящее столпотворение, причем ни одного из людей, присутствующих там, он не узнавал. Все они сидели за большим столом, во главе которого восседал Джон де Бриссак. Он смеялся и говорил о чем-то, пил и похлопывал по плечу мрачного, как сама ночь, Реджинальда Лароша.

— А, вот и Его светлость, наконец-то! — закричал он, поднимаясь навстречу Хьюго. — Джентльмены, поднимите свои кубки! Лорд Хьюго Джоффри Фитцстивен, седьмой граф Стивенсгейта!

Все гости встали, шумно отодвигая стулья и глядя на Хьюго. Сам рыцарь уже был достаточно пьян, чтобы присоединиться еще и к этому празднеству.

— Де Бриссак, — сурово осведомился он, — что это за прием? Кто все эти люди?

Широко улыбаясь, шериф развел руками.

— Все это мои верные люди. Прошло много лет с тех пор, как винные погреба Стивенсгейта открывали свои двери...

Хьюго расхохотался, кто-то вручил ему чашу, полную вина. Что же, приветствовать людей — теперь его дело.

— Долгих лет Хьюго Фитцстивену! — провозгласил шериф. — За счастье в семейной жизни с Прекрасной Финн...

— За Прекрасную Финн!

Громогласный тост пронесся по всему поместью, а затем все гости выпили, исключая, конечно, Реджинальда Лароша, который не только не пил, но и казался подозрительно позеленевшим. Осушив свою чашу, Хьюго справился у шерифа о здоровье наместника.

— Он-то? — шериф оглянулся на Лароша. — У него все прекрасно, милорд, поверьте. Показал мне все свои документы и записи, которые не успел сжечь в камине перед вашим приходом.

Реджинальд Ларош бросил на Хьюго полный ненависти взгляд.

— Добро пожаловать домой, милорд, — прокаркал он. — Могу ли я просить вас о милости? Позвольте нам с дочерью остаться и помочь вам с делами поначалу, ведь здесь все так ново для вас...

Хьюго лишь махнул рукой.

— Убирайся, — сказал он, не желая слушать мольбы наместника. Ему хотелось спать, а не выслушивать громогласные тосты за его здоровье и просьбы никчемного предателя остаться в его доме.

В два часа ночи, когда Хьюго наконец добрался до своей спальни, глаза его готовы были закрыться и не открываться добрых полдня. Гости разошлись, Джон де Бриссак проводил последнего. Маленький Джейми все-таки уснул, не успев дожидаться Хьюго, и рыцарь прикрыл его своим плащом, чтобы паренек не замерз, свернувшись в кресле у камина. Теперь оставалось лишь решить, где ему самому можно лечь спать.

Хьюго помедлил у дверей своей спальни. Он не был в ней десять лет, да и теперь ему не пристало спать там, где он провел свое детство, ведь он стал хозяином поместья. Но спальня отца ни в коем случае не подходила ему, потому что Хьюго ни за что на свете не лег бы спать на кровати, где скончался его отец. Спальня брата напоминала о предательстве и вынужденном побеге, а потому рыцарь открыл дверь своей комнаты.

Комната осталась такой же, какой запомнилась ему десять лет назад, синий бархатный полог на кровати и волчья шкура на полу были теми же, какими он вспоминал их все это время. Комнату стоило бы проветрить. Хьюго распахнул деревянные ставни окон, в которых никогда не было стекол, и вдохнул холодный английский воздух, по которому так тосковал все это время. Через пару мгновений он направился к кровати и разделся, затем отвел в сторону полог, свисавший до самого пола.

Он уже собирался залезть в кровать и опустить тяжелую от вина голову на прохладную подушку, как в дверь постучали. Раздраженный, Хьюго нахмурился.

— Кто там?

Дверь слегка приоткрылась, на стену и пол упала дорожка света.

— Кто там? — повторил Хьюго, садясь на кровать и потирая лоб. Яркий свет от свечи неприятно резал глаза.

Тонкая рука появилась из-за тяжелой двери, неожиданный гость держал в руке подсвечник. Сперва Хьюго подумал, что его навестил призрак прекрасной девы, умершей много лет назад, но потом он сообразил, что призрак едва ли явился бы к нему с подсвечником.

— Лорд Хьюго, — Изабелла Ларош бросила на него томный взгляд из-под длинных темных ресниц, — я не думала, что вы уже легли спать. Я пришла поговорить с вами.

Хьюго усмехнулся.

— Поговорить? — на девушке был наряд, едва ли подходящий для разговоров, полупрозрачный шелк больше показывал, чем скрывал. Изабелла пришла не только ради обсуждения какого-то вопроса и оделась соответствующе.

— О, кузен Хьюго! — выдохнула она, подходя к его кровати. — Я боялась, что между нами произошло какое-то недопонимание...

— Определенно, — кивнул рыцарь, наблюдая за тем, как грудь девушки поднимается и опускается под легкой тканью. — Вы, судя по всему, сбились с пути и зашли в мою спальню вместо своей. Вам стоит поторопиться, чтобы не замерзнуть, ваше платье не слишком-то подходит для прогулок по замку в такое время суток.

Изабелла проигнорировала его предупреждение и поставила одно колено на его матрас, а рукой как бы невзначай коснулась груди.

— О, лорд Хьюго, — тихо промолвила она, — отец сказал, что вы велели ему покинуть замок к завтрашнему полудню...

— К сегодняшнему полудню, — сухо уточнил Хьюго.

— Но я никак не могу поверить, что это действительно так! Милорд, я прожила здесь половину своей жизни. Уверена, я могу сделать для вас что-то, что заставит вас передумать.

Последнюю фразу она произнесла, садясь на кровать и бросая на мужчину еще один томный взгляд. Хьюго, никогда прежде не видевший такой нахальной соблазнительницы, с трудом скрыл улыбку.

— Нет, мадмуазель, вы ничего не можете для меня сделать. Возвращайтесь поскорее к себе, мне нужно хорошенько отдохнуть.

— Если вы позволите мне такую смелость... — прошептала Изабелла, протянув руку к Хьюго и коснувшись его руки, — я могла бы сделать ваш отдых не только хорошим, но и приятным.

И снова Хьюго спрятал улыбку усилием воли.

— Вот как? И как же вы это сделаете?

Тонкий палец игриво коснулся его обнаженной груди.

— Думаю, мы оба знаем, как, кузен Хьюго, — Изабелла слегка улыбнулась. — Вам оказали достойный прием, но я еще не засвидетельствовала вам свое почтение и уважение...

С белоснежного плеча соскользнула легкая ткань, а рука девушки коснулась колена Хьюго. Мужчина с трудом удержался от того, чтобы не вздрогнуть от отвращения. Уж не отец ли подослал дочь к нему, чтобы убедить его оставить их в замке? Судя по рассказам Финнулы и ее сестер, Изабелла Ларош уже пленяла рыцарей ради выкупа. Ее отец не упустил бы возможность использовать красоту дочери в своих целях.

— Мадмуазель Ларош, — терпеливо произнес Хьюго, — вы знаете, почему мне так нужен хороший отдых?

Девушка покачала головой, темные волосы упали на лицо.

— Я завтра женюсь.

Рука мгновенно остановилась.

— Женитесь? — эхом повторила она, ее голос стал совершенно другим. — Но вы ведь только вернулись из...

— Да. Но одно не отменяет другого, и завтра я женюсь.

— Я вам не верю, — твердо сказала Изабелла, убирая руку. — Это совершенная ложь! На ком вы женитесь?

Хьюго улыбнулся.

— На Финнуле Крейс.

— На Финнуле! — вскричала Изабелла, соскакивая с кровати. Ее красивое лицо исказилось, словно девушка задыхалась. — На Финнуле Крейс! Вы в своем уме? Финнула Крейс была замужем за...

— За моим отцом, я знаю, — волна усталости вновь накрыла мужчину с головой, и он от всей души пожелал, чтобы Изабелла продолжила свою истерику где-нибудь в другом месте, желательно, подальше от него. — Доброй ночи, мадмуазель.

— На этой ведьме! — разорялась Изабелла. — На этой маленькой чертовке! Сперва лорд Джоффри, теперь вы. Я ничего не понимаю. Это колдовские чары!

— Едва ли, — холодно откликнулся Хьюго. — Теперь, если вы будете так любезны...

«Закройте за собой дверь», собирался он сказать, но Изабелла уже вылетела из его спальни, с грохотом захлопнув за собой дверь. Темнота и тишина наконец-то наполнили комнату, и Хьюго облегченно вздохнул, закрыв глаза.

Глава 13

Рассвет только-только окрасил край неба в розовый, а птицы только-только проснулись, когда Финнула тихонько спустилась вниз. Осторожно перешагнув через ужасно скрипящую нижнюю ступеньку лестницы, девушка проскользнула на кухню и отрезала ломоть хлеба от буханки, лежавшей на столе. Опустошив кружку забытого кем-то эля, она вытерла губы рукавом туники и уже собиралась бесшумно выйти на улицу, когда в кухне появился Роберт.

— Доброе утро, — весело поздоровался он, увидев сестру в тунике и штанах. — Идешь охотиться в день свадьбы? Что за глупости, Финн?

Девушка ответила ему полным недовольства взглядом. Почему он поднялся так рано? Судя по тому, сколько Роберт выпил вчера за ужином, ему бы сейчас лежать в кровати и стонать от головной боли.

Тем временем Роберт пристально разглядывал охотничью сумку, висевшую у бедра сестры.

— Мы же никуда не убегаем, Финн? — обманчиво мягко спросил он, направляясь к ней, но Финнула оказалась проворнее и отскочила в сторону, Теперь их с братом разделял стол.

— И что, если даже и так? — с вызовом спросила она. — Ты меня остановишь?

— Скорее всего, я попытаюсь, — Роберт подтянул к себе стул и сел на него, не сводя глаз с девушки. — О чем ты думаешь, милая моя? Убегать от лорда Хьюго! Мне казалось, он тебе нравится.

Финнула опустила глаза в пол.

— Это так, — признала она.

— Тогда зачем тебе сбегать? Он тебя чем-то обидел?

Девушка покачала головой.

— Изменил тебе?

Снова покачивание головой.

— Украл что-то?

Подумав, Финнула решила, что Хьюго все же украл у нее ее девственность, но старшему брату вовсе необязательно было об этом знать, поэтому она снова промолчала. К тому же, ее не то что бы обокрали в этом смысле. Она и сама набрасывалась на Хьюго так, что краснела

при одном лишь воспоминании об этом.

— Тогда в чем дело? — допытывался Роберт. — Он кажется мне неплохим человеком. Знаю, ты не хочешь выходить замуж за очередного Фитцстивена, но сын куда лучше отца, разве не так?

Финнула пожала плечами.

— Так зачем тебе убегать? Ты должна быть счастливее всех девушек в деревне. Ты заполучила богатого и красивого мужа, Меллана локти кусает от зависти.

Финнула подняла голову.

— В этом все и дело, Роберт. Он богат и красив. Он может выбрать любую женщину, какую только пожелает. Почему он выбрал меня?

— Почему он выбрал тебя? — переспросил брат. — Что значит «почему он выбрал тебя»?

— То и значит. Почему именно я? Я не богата. Не красива. У меня нет ничего такого, что понравилось бы мужчине вроде лорда Хьюго.

— Нет, у тебя определенно это есть, — возразил Роберт. — Иначе бы он не захотел на тебе жениться.

— Я не понимаю, почему он захотел жениться, — развела руками Финнула. — Он сказал, что «по-другому не сможет заполучить меня».

Роберт изогнул бровь.

— Ах вот оно что, — протянул он. — Ну, значит, он тебя любит.

— Любит? Ха! — Финнула плюхнулась на скамью, бросив охотничью сумку на пол. — Ничего подобного я от него не слышала. Любит! Он едва ли знает значение этого слова.

Брат улыбнулся.

— Ах вот оно что, — повторил он. — Теперь мне все ясно.

— Что? — Финнула притопнула ногой. — Что тебе ясно?

— Что ты хочешь всяких нежных глупостей, — Роберт откинулся на спинку стула и всласть потянулся. — Ты хочешь, чтобы он клялся тебе в вечной любви, плакал под окном и умолял тебя выйти, как чертов трубадур Мелланы, хочешь, чтобы он попевал твою красоту и пел песни о чувствах...

— Ради всего святого, Роберт, — процедила Финнула сквозь зубы, — я хочу вовсе не этого, и тебе это прекрасно известно. Мне хватило бы простого «Я люблю тебя, Финнула».

— Именно этого и хотят все женщины, — возразил брат с отвращением. — Романтика, нежности, поклонение... Единственный способ получить все это от лорда Хьюго — сыграть свою роль.

Финнула, которая теперь встала и мерила кухню шагами, остановилась.

— Какую еще роль?

— Роль прелестной девы, — Роберт неопределенно помахал в воздухе рукой. — Такой, знаешь, благородной, изысканной, с белой кожей и беспомощно дрожащими ресницами...

— Чего? — скривилась Финнула. — Что ты несешь? Что это за чушь про ресницы?

— Финнула, если ты хочешь, чтобы он воспевал твою красоту, ты должна быть красавицей... ну или хотя бы выглядеть девушкой, ради всего святого. Носиться по лесам в мужской одежде — твое любимое занятие, но не оно вдохновляет мужчин на восхищенные речи, — Роберт окинул ее оценивающим взглядом. — Почему бы тебе не сделать хоть что-нибудь с волосами и перестать стягивать их в ослиный хвост? Меллана все об этом знает...

— И вот, к чему это привело ее, — сухо заметила Финнула.

— Очаровательно. Финн, я не понимаю, почему ты так себя жалеешь. Ты заполучила мужчину. Может, он и не таков, каким тебе хотелось бы его видеть, но ты можешь его изменить. Во всяком случае, все женщины очень этого хотят.

Пальцами трогая косу, Финнула беспомощно смотрела на брата. Ей было странно слышать от него такие речи, но он был прав в том, что она никогда не старалась вести себя так, как все девушки в деревне. Они искали мужей, она же искала хорошую дичь в лесах.

— Вместо того, чтобы убегать, — Роберт бросил взгляд на ее сумку, оставленную в углу, — может, лучше останешься, чтобы побороться за то, чего тебе хочется?

Девушка лишь скрестила руки на груди и подозрительно прищурилась.

— Ты знал, что я попытаюсь сбежать утром, да? — поинтересовалась она. — Поэтому ты вскочил так рано. На мельнице тебе сегодня делать нечего, так?

— Лорд Хьюго предупредил меня, что ты можешь попытаться улизнуть, — кивнул Роберт, широко улыбаясь.

Финнула тяжело вздохнула.

— Что он тебе сказал?

— Он просто намекнул вчера вечером, — Роберт вытянул ноги, скрестил лодыжки и вновь потянулся. Только теперь Финнула заметила, что брат не выспался. Из-за нее.

— Замечательно, — сердито бросила она, — и это после того, как я дала ему слово!

— Твое слово очень многого стоит, — ехидно заметил брат. — Ты попыталась нарушить его через несколько часов.

На это у Финнула не было ответа. На какое-то время в кухне повисло молчание, затем девушка просительно взглянула на брата.

— Роберт?

— Да, Финн.

— Ты мне поможешь?

— С чем тебе помочь, Финн?

— Научи меня вести себя... Как девушка.

Роберт скорчил гримасу.

— Ты не можешь попросить об этом кого-нибудь другого? У тебя пять сестер, есть, из кого выбрать. Четверо из них уже счастливы в браке, они уж точно дадут тебе полезный совет.

— Но, — Финнула помолчала, — тебе я доверяю больше.

— Финнула, у меня голова вот-вот расколется надвое, — признался Роберт со вздохом, но, увидев молящие глаза сестры, сдался. — Ладно, будь по-твоему. Хотя я не представляю, чем могу тебе помочь...

Оказалось, что Роберт Крейс был весьма осведомлен в тех вопросах, что задала ему Финнула. Пообещав брату взамен несколько часов полной тишины и спокойствия, она расспросила его о своем внешнем виде. Прямые волосы или кудрявые? Забрать наверх или распустить по плечам? Чистые ли ногти у нее? Хорошо ли сидит на ней эта юбка? Не широко ли ей это платье? Цветы или ленты в волосах? Выяснилось, что по каждому поводу у Роберта имелось мнение, и, когда старшие сестры, зевая и потягиваясь, вышли в кухню, старший брат уже наблюдал за результатом своих трудов.

— Не знаю, с чего ты решила, будто ты не красива, — только и сказал он, когда Финнула, последовав всем его советам, наконец спустилась вниз в свадебном платье.

Скептически улыбнувшись, девушка лишь пожалала плечами.

— И правда, с чего бы. Красавица в нашей семье — Мел.

Роберт кашлянул. Головная боль еще не прошла, да и спать хотелось по-прежнему, но манипуляции младшей сестры над собственной внешностью его заинтересовали, и ему хотелось увидеть перевоплощение Финнулы из охотницы в благородную даму.

Ее подвенечный наряд был не новым, но надевала она его всего лишь однажды, примерно год назад. С тех пор простое белое платье пылилось в сундуке, но теперь вновь было надето — и выяснилось, что оно по-прежнему сидит безупречно. На лифе была незамысловатая вышивка, талию обхватывал серебристый пояс, единственное украшение платья. В распущенные по плечам огненного цвета волосы Финнула вплела несколько цветов, и теперь, по мнению Роберта, выглядела настоящим идеалом невесты. О такой каждый мужчина мог только мечтать. Он даже сперва не поверил своим глазам и попросил Финнулу поднять юбку до колен, чтобы убедиться, что она не надела свои ужасные штаны под прекрасное подвенечное платье.

— Ну, Финн, — промолвил он, — ты превзошла себя. Невесты красивее я в жизни не видел.

Сестры, столпившиеся у него за спиной, начали возражать, доказывая, что и они были красавицами на своих свадьбах, но брат лишь махнул рукой.

— Она заполучила самого богатого жениха, — рассмеялся он. — Потому она самая красивая. Если уши мне не врут, — он прислушался, — церковные колокола пробили час. За леди Финнулой вскоре придут.

И сестры вывели Финнулу во двор, где их уже ждали мужья. Люди выходили из домов и направлялись к церкви, все уже знали, что лорд Фитцстивен женится на Финнуле, и предвкушали веселые праздник и счастливый день. Много, много счастливых дней.

Глава 14

Громкий стук разбудил Хьюго чуть раньше полудня. Нет, это был не треск его головы, как ему подумалось поначалу, кто-то барабанил в двери. С трудом оторвав тяжелую голову от подушки, мужчина устало посмотрел на дверь. Не следовало ему вчера пить столько вина. И эля. И вообще мешать все это вместе.

— Войдите! — крикнул он и немедленно пожалел об этом, увидев, что посетитель не был ни симпатичен, ни нес ничего съестного.

Джейми, светловолосый мальчик, уверенно вошел в комнату и широко распахнул глаза при виде сонного лорда.

— Здравствуйте, — произнес он осторожно. — Шериф де Бриссак послал меня разбудить вас, сказал, что вы вряд ли швырнете чем-то в меня.

Хьюго устало прикрыл глаза.

— Джон был прав. И зачем ему нужно меня будить?

— Месье Ларош с дочерью уезжают, — весело сообщил мальчик. — Шериф думает, вы захотите сказать им что-нибудь на прощание.

Рыцарь застонал. Больше всего на свете ему не хотелось становиться участником такой же сцены, какая разыгралась в его спальне вчера. Но, будучи владельцем поместья, он нес некоторые обязательства, а потому, с головной болью или без, он должен был прийти и проститься с Ларошами навсегда.

С трудом выбравшись из кровати, Хьюго оделся и пригладил волосы. Мальчик внимательно наблюдал за ним. Поглядывая на него, рыцарь понял, что со вчерашнего дня в его облике мало что изменилось: Джейми едва ли был знаком с мылом. И, похоже, никаких

других дел у него не было, раз он остался глазеть на Хьюго.

— Так чей же ты будешь, юноша? — поинтересовался рыцарь, глядя на мальчика в отражение зеркала, перед которым брился.

— Я ведь уже сказал вам, я ваш, милорд, — откликнулся мальчик. Хьюго возвел глаза к небу.

— Но что ты делаешь в замке? — уточнил он. — Ты помогаешь миссис Ларош на кухне? Помогаете старому Вебстеру с лошадьми? Что?

— Все вместе, — мальчик пожал плечами. — Нет ничего, что меня не просили бы сделать. Только мадмуазель Ларош не просила помочь ей одеться.

— Хм, — неопределенно выдал Хьюго. — Это понятно.

Собравшись, он бросил последний взгляд в зеркало и, решив, что выглядит вполне сносно, направился к выходу. Джейми, разумеется, направился следом.

Во дворе уже стояла повозка, в которой сидели Реджинальд Ларош с дочерью. Вокруг стояли люди шерифа, созванные рано утром, и всем им, похоже, было ничуть не лучше, чем самому Хьюго. В ногах у наместника и его дочери стояли сундуки с вещами, и Хьюго невольно задумался, принадлежало ли их содержимое только Ларошам, или же ушлый кузен лорда Джоффри решил поживиться в замке хоть чем-нибудь напоследок. Но голова гудела слишком сильно, чтобы у рыцаря было желание задавать какие-то вопросы и проверять, не украли ли дорогие гости что-нибудь из его замка.

— Уже знаете, куда направитесь? — дружелюбно поинтересовался он. — Я буду ждать денег в течение года...

— Я помню, — проворчал бывший наместник, выглядевший так же плохо, как сам Хьюго чувствовал себя. Под глазами залегли черные круги, волосы давно не здоровались с расческой. — Я уже сказал шерифу.

Шериф кивнул, потирая глаза.

— Да, у него есть сестра в Лизбури. Она замужем за кузеном... За кем она замужем, Ларош?

Реджинальд Ларош злобно блеснул глазами на Хьюго.

— За кузеном любимой фрейлины королевы. Король узнает обо всем, лорд Хьюго. Будьте уверены.

— А, — Хьюго улыбнулся, — и, услышав об этом, он, несомненно, примет вашу сторону? Сомневаюсь, месье.

Шериф усмехнулся.

— В любом случае, если понадобится, мы вас найдем. Но этого не потребуется, не так ли, Ларош? Вы будете выплачивать деньги лорду Хьюго вовремя, иначе вас будет ждать тюрьма...

— Вы обо мне еще услышите, — оборвал его Ларош. — Попомните мои слова.

Изабелла подняла голову, и Хьюго увидел, как покраснели от слез ее глаза. Она была одета в самую старую свою одежду и походила на вчерашнюю красавицу не больше, чем Толстая Мауд.

— Вы о нас еще услышите, — повторила она, глядя на Хьюго. — Вы, ужасный, жестокий человек!

Хьюго приподнял бровь. Его не называли ни ужасным, ни жестоким с тех пор как... Ну, с тех пор, как он последний раз видел Финнулу. Уже привыкнув к подколкам, он лишь хлопнул в ладоши и отвесил девушке насмешливый поклон.

— Мадмуазель, — почтительно произнес он, — я желаю вам лишь самого лучшего.

Позвольте мне дать вам совет...

— Нет, — твердо сказала Изабелла.

— ...покиньте своего отца как можно скорее. Выйдите замуж за честного человека, если, конечно, найдется такой, и используйте свои таланты и красоту во благо, а не ради лжи.

Изабелла сжала губы так, будто собиралась плюнуть, и Хьюго отошел в сторону.

— Ха, — рассмеялся шериф де Бриссак. — А у нее тот еще характер!

— Изумительный, — согласился Хьюго, глядя на плевок, упавший точно туда, где он стоял мгновение назад.

Ларош подстегнул лошадей, и повозка отъехала со двора. Изабелла плакала, умоляя отца одуматься, но Реджинальд не слушал ее. Хьюго смотрел им вслед, а со стороны кухни раздались радостные возгласы. Обернувшись, рыцарь увидел миссис Лавер и старика Вебстера, стоящих у черного входа и улыбающихся.

— Хорошей поездки! — крикнула миссис Лавер.

— Не возвращайтесь! — прибавил Вебстер.

Брови Хьюго так и слились с волосами.

— Похоже, никто их тут не любил, — заметил он, обращаясь к шерифу и краем глаза замечая смеющихся слуг возле пекарни.

— Все пакостили им по мере возможностей, — пожал плечами шериф. — Для меня загадка, почему они продержались здесь так долго.

— Пора бы всем воздать должное, — решил Хьюго и направился к старому конюху и пожилой кухарке. Он поблагодарил их за верную службу и протянул по пригоршне золотых монет. Миссис Лавер приняла деньги с достоинством, а вот старик Вебстер заулыбался и едва ли не пустился в пляс.

— Я сразу понял, что теперь все будет иначе, милорд, — он потряс руку Хьюго. — С той самой минуты, как услышал вчера ваш голос. Еще вашему слуге я говорил, что вы не потерпите этих французов в своем доме, как ваш отец. Храни вас господь, милорд!

— Мне еще не раз понадобится ваше благословение, — тепло улыбнулся рыцарь. — Сегодня я приведу сюда свою невесту и прошу вас помочь ей освоиться здесь, чтобы она чувствовала себя, как дома.

— Невесту! — воскликнула миссис Лавер, всплескивая руками. — Какой счастливый день, милорд! Мне пора приниматься за работу, раз уж нас всех ждет большая свадьба. Могу я попросить своих племянников помочь мне, милорд?

— Разумеется, миссис Лавер, — кивнул Хьюго, — все, что угодно. Кроме этого, прошу вас проветрить все помещения, чтобы возможно было дышать полной грудью. Если кто и может справиться с пылью в этом доме, то только вы. И с паутиной. И с мышами...

— И с пустыми бочонками из-под вина, — добавил шериф.

Миссис Лавер вновь всплеснула руками, а затем побежала созывать всех своих помощников, чтобы поскорее взяться за работу. Старый Вебстер ушел чистить конюшни, а Хьюго вдруг понял, что еще один не менее важный обитатель замка куда-то запропастился. Но, стоило ему об этом подумать, как неподалеку мелькнули светлые растрепанные волосы и чумазые щеки.

— Где пропадает мой верный слуга этим прекрасным утром? — поинтересовался Хьюго у мальчика.

— Спит в ванной, — последовал незамедлительный ответ. — Он вчера выпил не меньше половины бочонка, теперь до него не докричаться.

Нахмурившись, Хьюго погладил мальчика по голове. К ним подошел шериф.

— Мы с моими людьми проводим вас до церкви, милорд, — сказал он, зевая, — а затем некоторые поедут домой. Мы спали чуть больше часа, едва держимся на ногах, уж простите.

— Возвращайтесь к вечеру, — рассмеялся Хьюго. — В погребках еще осталось вино, которое мы непременно выпьем за здоровье моей жены.

— Куда же без этого, милорд, — усмехнулся шериф.

И вскоре Хьюго уже ехал в церковь в сопровождении шерифа и его верных людей, похмелье потихоньку отступало, а способность мыслить ясно потихоньку возвращалась. Когда он увидел свою невесту, ждущую его у входа в церковь и похожую на ангела, он подумал было, что это видение, и он до сих пор спит. Но все происходящее было явью, и клятва, данная Хьюго самому себе в том, что он сделает эту девушку своей, исполнялась.

Несмотря на ангельский облик, в глазах невесты по-прежнему мерцал бунтарский огонек, Хьюго разочаровался бы, не увидев его. Встретив знакомую полуулыбку, он понял, что перед ним та самая девушка, что взяла его в плен в роцце святого Элиаса, и, пусть она сегодня в прелестном белом платье, она все та же Финнула, в которую он влюбился, потеряв голову, точно мальчишка. Неудивительно будет, если выяснится, что под длинной юбкой на ней охотничьи штаны... Хьюго понял, что в трудном дождется момента, когда они останутся одни, и он сможет это проверить.

Когда священник объявил их мужем и женой, церковь была наполнена людьми до отказа, Хьюго никогда не видел, чтобы так много людей пришли на чье-то венчание. Не всем хватило места, и кто-то стоял почти у самого алтаря, вблизи разглядывая молодую пару. Хьюго поцеловал невесту, и церковь наполнилась радостным криком.

После этого граф и его молодая жена были осыпаны тысячей поздравлений и пожеланий, и Хьюго пригласил всех, кто только хочет, прийти в поместье и разделить с ними этот праздник. Разумеется, отказавшихся не нашлось. Толпа медленно просачивалась к дверям и направлялась к поместью. Последними из церкви вышли молодые.

— О чем ты думал, приглашая всю деревню в поместье? — укоризненно покачала головой Финнула, садясь в седло перед ним. — Миссис Лавер не ждет их...

— Так уж вышло, любовь моя, что ждет, — Хьюго обнял жену за талию, и девушка покраснела так, словно они прежде даже не целовались. Мужчина не удержался от улыбки, предвкушая интереснейшую первую брачную ночь. — А если ты убедишь Меллану подарить нам бочонок-другой эля, нас полюбят еще больше...

Финнула лишь тяжело вздохнула при упоминании имени сестры. Приглашение Хьюго заставило людей на время забыть о Роберте Крейсе и его семье — но это было лишь временным явлением, ведь на свадьбу Финнулы и Хьюго пришли все ее родственники, включая зятьев. Пришел и Джек Мэллори, но никакого благодушия по отношению к нему у других жителей деревни не наблюдалось. Сплетни разлетались чересчур быстро, и трубадур был встречен шепотками, смешками, тычками в спину и присвистами. Когда он приблизился к семье Крейсов и поднял голову, оторвав взгляд от каменного пола, всеобщему взору предстал огромный синяк под его глазом.

— Убийца! — вскричала Меллана, кидаясь к Джеку и бросая свирепые взгляды на Роберта. — Что ты наделал! Его прекрасное лицо! Ох, Джек, твой глаз!

Роберт лишь скрестил руки на груди. В присутствии шерифа он хотел, но не мог

позволить себе наподдать возлюбленному сестры еще разок.

— Он жив, — сухо заметил он, с мрачным удовлетворением разглядывая творение своих кулаков. — Пока что, во всяком случае. Придет ко мне на мельницу — уж там-то пожалеет о том, что родился.

— Какой же ты жестокий! — простонала Меллана, обнимая Джека и трагически роняя голову ему на плечо. Это была прекрасная картина, если судить со стороны, многие девушки лишь мечтательно вздохнули, грезя о том, чтобы тоже познать истинную любовь, пусть и полную трудностей и преград.

— Правильно ли я понял, что в скором времени семью Крейсов ждет еще одна свадьба? — поинтересовался отец Эдвард, подходя к столпившимся вокруг Джека и Мелланы.

— Лучше бы так оно и было, — угрожающе пророкотал Роберт. — Жених скоро созреет, я более чем уверен.

Священник вздохнул и осенил Джека крестным знаменем, после чего направился к алтарю — и церемония началась.

Когда гости покинули церковь, никто уже не обращал внимания на Джека и не насмехался над ним, поэтому Финнула слегка успокоилась. Они ехали в замок, и деревенские детишки кричали им вслед слова приветствия и поздравления, Хьюго улыбался и приветливо махал рукой, пока в какой-то момент вдруг не заметил не отстающую от них странную тень. Остановив лошадь, он увидел, что за ними бежит жуткого вида собака, огромнее которой ему еще не доводилось видеть.

— Что это такое? — воскликнул он в недоумении. Деревенские детишки тоже видели это чудовище — но ни капли его не боялись?

Финнула обернулась.

— Это собака, — буднично пожала она плечами.

— Я вижу, что это собака. Почему она за нами бежит?

— Это мой охотничий пес, Толстый Луи, — спокойно сообщила Финнула, — и он бежит за нами в поместье. Сестры никогда его не любили и выгоняли спать на птичий двор, но я надеялась, что ты, как человек широких взглядов, поймешь меня. Он очень любит спать со мной.

— Черта с два он будет спать с нами! Я не стану делить постель с этим чудовищем, — Хьюго окинул собаку неприязненным взглядом. — Кстати, где он был, когда ты брала меня в плен?

— От него не было бы толку, — пояснила Финнула. — Он умеет только брать след, идет на запах. Я редко прибегаю к его помощи, разве что не знаю, на кого охочусь.

— Почему он идет за нами сейчас? — простонал Хьюго. — Почему нельзя было отправить его вместе со всеми твоими вещами утром?

— Он пойдет следом только за мной, — легко сказала девушка. — Никто другой не сможет его привести.

Закатив глаза, Хьюго промолчал. Он еще отомстит сегодня вечером — если, конечно, миссис Лавер удалось хорошенько проветрить спальню.

Оказавшись в замке, Хьюго понял, что ему не следовало беспокоиться. Миссис Лавер превосходно справилась со всеми обязанностями: поместье сияло чистотой, а столы в Большом зале были уставлены вкуснейшими яствами. Даже Финнула, которая мрачнела с каждым шагом к дверям, улыбнулась, увидев всех своих старых друзей, собравшихся на ее

празднике. Возгласы «Леди Финнула!» и «За Прекрасную Финн!» слышались отовсюду, люди поднимали свои кружки и поздравляли молодых.

Мэттью Фэйрчайлд поспешил к Хьюго и Финнуле, протянул им кружки. Рыцарь с благодарностью осушил до дна свою. Наконец-то ему стало спокойно, с души как будто упал огромный камень. Молодые заняли места, почтительно оставленные для них во главе стола.

К немалому удивлению Хьюго, его жена повеселела, отвечала звонким смехом на шутки и даже не попыталась метнуть нож в того храбреца, что ненароком упомянул о том, как почти ровно год назад она, Финнула, сидела на этом же самом месте возле лорда Джоффри. Вся ее семья сидела неподалеку, включая несчастного Джека Мэллори, и девушка приветливо улыбнулась будущему зятю. Поняв, что никто больше не станет бить его, Джек приободрился и принялся за еду.

Празднество и танцы продолжались до поздней ночи, и лишь после полуночи сестры повели Финнулу в спальню, хихикая и пересмеиваясь. Хьюго же — несмотря на его рост и титул — подхватила на руки дюжина крепких парней и понесла к выходу, как того требовал старинный обычай. Во дворе Хьюго откупился от «похитителей», и они понесли его в опочивальню, а не в чащу леса, как было заведено.

Закрыв за собой дверь, рыцарь увидел Финнулу, сидевшую на кровати в ночной рубашке, напоминавшей вчерашнее одеяние Изабеллы Ларош. Сестры кружились вокруг нее, вынимая из огненно-рыжих волос вплетенные в них цветы. Заметив лорда, девушки тихонько покинули комнату, а за дверью немедленно начались перешептывания.

Хьюго обвел взглядом комнату. Миссис Лавер превзошла себя, и теперь единственным нарушением безупречного порядка был жуткого вида пес, улегшийся у камина и, похоже, чувствовавший себя, как дома. Рыцарь решил не обращать на него внимания. Слишком уж большими были зубы этой собачки, и Хьюго не горел желанием быть покусанным в собственную первую брачную ночь.

— Не так уж плохо все и было, верно? — весело спросил он у притихшей Финнулы.

Девушка пожал плечами.

— Ну, во всяком случае, — мужчина наклонил голову, — это было не смертельно, ведь так? — никогда еще ему не встречалась такая упрямая женщина. Он женился на ней, и все, что получил в ответ — пожатие плечами!

В ответ на это Финнула лишь закатила глаза. Затем, оглядевшись, спросила уже совершенно другим голосом, в котором слышалось любопытство:

— Значит, здесь ты и спал в детстве?

Хьюго кивнул, снимая сапоги.

— Да. И здесь чертовски холодно зимой. Думаю, спальня брата куда лучше, но я не проверял это на деле.

— Одна из спален должна достаться Джейми, — вдруг сказала Финнула, пробегая гребнем по волосам.

— Джейми? — Хьюго в недоумении стянул с себя тунику. — Этому парнишке? Что он такого сделал, чтобы заслужить спальню Фитцстивена?

Рука Финнулы с гребнем остановилась, девушка взглянула на мужа.

— Прекрасно! — прищурилась она. — Как мне это нравится! Значит, и наши дети — если, конечно, они будут, в чем я сильно сомневаюсь — тоже не заслужат собственных спален?

— О чем ты говоришь? — спросил Хьюго, снимая штаны. Бросив взгляд вниз, он с

гордостью подумал, что в рождении наследников ему сомневаться не придется.

Финнула отложила гребень, в упор глядя на мужа. Едва ли ее серьезный взгляд был вызван его более чем привлекательным телосложением, и Хьюго нахмурился. Что должно было произойти, чтобы Финнула оттягивала момент, когда они лягут в одну постель, как муж и жена?

— Хьюго, — тихо проговорила она, и он вдруг понял, что это был первый раз, когда она назвала его по имени. — Ты не знаешь, кто такой Джейми?

— Нет, — мужчина сел на кровать, раздраженно запустив пальцы в волосы. Почему жена обращается с мужем, как с незнакомцем, да еще и в их первую брачную ночь?

— Хьюго, — Финнула прикусила губу, — Джейми — твой сын.

Глава 15

— Мой... кто?

Голос Хьюго, эхом отразившийся от каменных стен, заставил Финнулу вздрогнуть. Никогда еще она не видела его таким рассерженным.

— Кто? — повторил мужчина, требуя ответа. Он сделал несколько шагов в ее сторону, но тут Толстый Луи с неожиданной прытью взвился с места и встал у него на пути, тихо, но угрожающе рыча. — Ради всего святого, Финнула, — воскликнул он, — отзови его!

— Назад, Толстый Луи, — спокойно сказала Финнула, и собака покорно села на пол, но глаз с Хьюго не свела. И рычать не перестала.

— Что же, теперь мне понятно, как тебе удалось так долго хранить свою невинность, любовь моя, — сухо отметил Хьюго, — несмотря на мужские штаны.

— Он думал, что ты хотел меня ударить, — девушка почесала пса за ухом. Хьюго скривился.

— Ударить тебя? Нет. Если кто и заслуживает взбучки, так это тот, кто скрывал от меня то, что у меня есть сын. Почему ты ничего не сказала? Приберегала это в качестве свадебного подарка?

— Я не могла поверить, что ты не увидел, как вы похожи. Он твоя точная копия!

— Под этой грязью сложно сказать, — проворчал Хьюго, меряя комнату шагами. — И что же, ему сейчас десять лет.

— Да.

Неожиданно Хьюго остановился, нахмурившись.

— Кто его мать?

Финнула изогнула одну бровь, совсем забыв о том, что Робер советовал ей вести себя с мужем ласково.

— Ты так быстро забываешь своих любовниц? — поинтересовалась она. — Хотела бы я знать, через сколько ты забудешь меня, — это едва ли были слова, подходящие для первой брачной ночи, но Финнула ничего не могла с собой поделать. Как мог этот мужчина забыть женщину, с которой провел ночь, так легко? Она, Финнула, не сумела бы забыть его и за сотню жизней.

— Любовниц? — переспросил Хьюго. — Мне было пятнадцать! О каких любовницах идет речь? И я бы не посмел забыть тебя. Ты слишком хорошо вооружена.

Финнула лишь молча смотрела на него. Очень странного мужчину она назвала своим мужем в церкви несколько часов назад. Очень странного. И она до сих пор не понимала, почему он решил жениться на ней. Разве что для того, чтобы избежать скандала.

— Ладно, скажи мне, — покачал головой Хьюго, — кто эта женщина, якобы родившая

от меня ребенка?

— В том и дело, что не «якобы», — нахмурилась девушка, скользнув под одеяло и не сводя с мужа взгляда. Наверное, если бы между ее ногами была такая же огромная... шпукovina, она бы тоже не заботилась о том, со сколькими женщинами спала. — Твой отец признал Джейми своим внуком, — произнесла она спокойно. — Но это лишь потому, что Мэгги умерла при родах, и ребенок был бы вынужден остаться круглым сиротой.

— Мэгги, — медленно повторил Хьюго. — Так ее звали Мэгги?

— Да, Мэгги, — раздраженно подтвердила Финнула, злясь на непонимание на лице мужа. — Я не знаю всей истории, мне тогда было семь лет, но вы, кажется, провели ночь в амбаре молочника...

— Амбар молочника... — задумчиво проговорил мужчина. Тут в его глазах вспыхнула искра узнавания. — Не Мэгги! Не дочь молочника!

Финнула кивнула.

— Да, Мэгги. Дочь молочника. Теперь ты начинаешь вспоминать?

Эти новости подкосили Хьюго, и он опустил на кровать. Взлохматив руками волосы, он спрятал лицо в ладонях.

— Мэгги, — пробормотал он. — Мэгги, дочь молочника. Ах, милая Мэгги...

Финнула никак не предполагала, что проведет первую брачную ночь, обсуждая прошлых любовниц мужа, но ее предыдущая брачная ночь была еще хуже, так что, пожалуй, ей стоило бы быть благодарной за то, что все не стало еще хуже. Толстый Луи подошел к кровати и сел рядом, и девушка рассеянно погладила его по громадной голове. Пес сонно положил голову на край кровати.

— Мэгги, — пробормотал ее муж вновь, словно Мэгги находилась здесь, возле них.

— Да, — нетерпеливо буркнула она. — А теперь хватит, пожалуйста, бубнить. Я устала и хочу спать.

Хьюго обернулся и бросил на нее испытующий взгляд. Изо всех сил Финнула попыталась сохранить лицо — но муж уже заметил ее настроение и насмешливо улыбался.

— Ревнуешь, любовь моя? — он шутливо ткнул пальцем ее плечо.

— Разумеется, нет, — фыркнула девушка, сбрасывая его руку. — Слишком уж вы о себе высокого мнения, милорд.

— Вы так считаете?

В его улыбке было что-то такое, что было очень трудно проигнорировать, но все же Финнула упрямо отвернулась от него, уставившись в каменную стену.

— Нет никакой нужды так на меня смотреть, — сообщила она ему с прохладцей. — И, раз уж здесь так холодно, как ты говоришь, надень что-нибудь...

— Значит, теперь ты стала очень правильной? — Хьюго потянулся и лег возле нее. — Такая благочестивая леди, да еще и в первую брачную ночь...

Финнула пожала плечами.

— Я ведь говорила тебе, что ты пожалеешь об этом браке.

— О, да, я уже начал, — хмыкнул Хьюго. — А еще я жалею о том, что мы надеваем одежду, ложась в постель. Как это устарело! Должен сказать, мне куда больше нравился твой наряд в ту ночь в трактире...

— Эта ночь, — Финнула резко выпрямилась и посмотрела ему в глаза, — была ужасной ошибкой...

— Разумеется. Очень большой.

— ...и еще не поздно все переиграть, — продолжала девушка, точно не слышала его.

— Переиграть? — Хьюго рассмеялся. — И как же ты предлагаешь это сделать? Если память меня не подводит, отец Эдвард назвал нас мужем и женой...

— Но брак еще не действителен в полной мере, — заметила Финнула, — и его еще можно аннулировать.

Мужчина задумчиво окинул ее взглядом.

— Вот как, — в его голосе больше не было ни тени веселья.

Финнула настороженно наблюдала за ним. Как любой нормальный мужчина он должен был быть счастлив, ведь она сама предложила ему избавиться от этого нелепого брака. Он уже говорил однажды, что ни одному мужчине не захочется терпеть строптивую жену, а она теперь дает ему шанс избавиться от такой строптивицы. Почему же он недоволен ее словами?

И вдруг, точно она ни слова ему не сказала, Хьюго потянулся вперед и вынул из ее волос последний цветок, незамеченный сестрами. Финнула глазами следила за каждым его движением, но каким-то образом все равно не сумела уловить тот момент, когда он опрокинул ее на спину и, упершись руками в жесткий матрас, навис над ней.

— И тогда ты будешь свободна от нашего брака и счастлива, потому что презираешь и ненавидишь меня? — спокойно поинтересовался он, точно они сидели за столом в трактире. — Я правильно тебя понял.

Боже правый! Этот мужчина был невыносим.

— Нет, неправильно, — дыхание Финнулы почему-то сбилось. — Я... ты мне нравишься.

— Нравлюсь? — он с любопытством прищурился на нее. — Правда? Тогда что это за спешка, почему ты так хочешь перечеркнуть все, на что ушло так много усилий — и денег? — когда Финнула прикрыла глаза, не зная, что ответить, Хьюго наклонился к ней. — Это из-за мальчика? — тихо спросил он.

— Нет! — воскликнула девушка.

— Из-за его матери? — Хьюго ласково убрал прядь волос с ее лба. — Ты даже не представляешь, как я сожалею о том, что случилось. Мэгги была милой... Но она была куда старше меня, наверное, старше на добрых пять лет, и она совершенно точно знала, что делает. В отличие от меня... Я не забуду ее, теперь мне очень жаль, что меня тогда не было рядом с ней, чтобы позаботиться и о сыне, и о его матери... Но ты помнишь, что моя семья хотела отправить меня в монастырь, и я в любом случае оказался бы вдалеке.

Он внимательно смотрел в глаза Финнулы, ожидая ответа.

— Хорошо, — вздохнула она, ее голос был почему-то хриплым. — Но тебе все равно, сколько женщин побывало в твоей постели...

— Раньше так и было, — Хьюго убрал с ее лба еще одну кудряшку. — И я благодарен судьбе за то, что ни одно мое амурное приключение не закончилось плохо, за исключением случая с Мэгги. Но теперь у меня есть жена, и я ни за что не изменю ей, я дал клятву в церкви перед священников, перед богом и перед собой.

Финнула хмыкнула в ответ на это и отвела глаза. Сложно было сохранять скептический настрой, когда он вот так смотрел на нее.

— Жена, которая не приумножит твои богатства? — уточнила она. — Жена, которая не умеет ни сеять, ни готовить? В самом деле, милорд, вы слишком много времени провели за пределами родной Англии и потеряли способность мыслить здраво. Такая жена совершенно

бесполезна...

— Бесплезна? — он провел кончиками пальцев по ее шее, и Финнула прикрыла глаза. Открыв их вновь, она встретилась взглядом с глазами Хьюго. — Думаю, крестьяне, пришедшие в церковь — прямое доказательство обратного. И дело не только в луке и стрелах, Финнула. Я могу придумать много других вещей, в которых ты очень полезна...

С этими словами он опустил голову и легонько поцеловал ее грудь через тонкую ткань сорочки. Финнула оттолкнула собаку и приподняла подол сорочки, которая, как назло, закрутилась вокруг ее ног самым неудобным образом. Заметив это, Хьюго положил руку ей на бедро и медленно повел ее по шелковистой коже. Финнула вздрогнула и попыталась отодвинуться от него, но он опустился на нее так, что побег оказался невозможен.

— Нет, мадам, — тихо проговорил он, слегка прищурившись и глядя ей в глаза, — я бы сказал, что вы чрезвычайно полезны во многих делах, где лук не нужен...

Финнула не собиралась обнимать его, но почему-то ее руки сами собой обвились вокруг его шеи, а ноги обхватили его бедра. Черт возьми, она хотела быть с ним! Пожалуй, если они останутся женаты...

И тут его губы коснулись ее, и все мысли до единой вылетели из ее головы. Финнула закрыла глаза, по всему ее телу разлилось тепло, когда сперва один, а затем второй палец Хьюго оказался внутри нее. Непроизвольно с ее губ сорвался стон наслаждения.

— Подожди, любовь моя, — прошептал он, целуя ее в шею, — еще рано.

Его пальцы выскользнули из нее, и его руки оказались на воротах ее сорочки. Девушка распахнула глаза в тот самый момент, когда услышала треск рвущейся ткани.

— Хьюго! Ты сошел с ума? — вскричала она.

Теперь, когда его взору предстала ее грудь, вздымавшаяся при каждом вдохе, Хьюго удовлетворенно улыбнулся.

— Нет. Это урок для тебя, любовь моя, — он усмехнулся. — Не надевай ничего, когда ложишься в постель, или все твои наряды, даже самые прелестные, ждет одна и та же участь.

Покачав головой, Финнула решила для себя, что вышла замуж за варвара, и уже собиралась сообщить ему об этом, как вдруг его губы накрыли ее, и желание возмущаться улетучилось.

Когда возбуждение достигло своего пика, стоны стали громче и волна возбуждения накрыла молодоженов, они устало упали на кровать и какое-то время не шевелились. Губы Хьюго касались шеи Финнулы, а ее пальцы не выпускали его волос. Отвлек их странный звук, доносившийся из-за дверей.

— Что за... — проворчал мужчина, поднимаясь.

Да, это были голоса их гостей, стоявших, похоже, на улице, под стенами поместья, и ждавших сочных подробностей, о которых потом могли бы рассказать друзьям и знакомым. Поняв это, Финнула испуганно закусила губу.

— Хьюго, — прошептала она, — они, должно быть, тебя слышали!

— Меня? — весело уточнил муж. — Кричал не я...

— Я не кричала, — Финнула чуть нахмурилась, затем помолчала. — Или кричала?

Довольный, Хьюго встал, натянул штаны и прошагал к распахнутому настежь окну.

— Что ты делаешь? — забеспокоилась Финнула, натягивая на себя одеяло, словно боясь, что стоявшие внизу люди могут каким-то образом ее увидеть.

— Отправляю их восвояси, — проворчал Хьюго. — Не потерплю никаких слушателей в собственную брачную ночь, — он высунулся из окна и бросил на землю пригоршню золотых

монет. — Возьмите и убирайтесь! — крикнул он.

Финнула захихикала. Обернувшийся к ней Хьюго сперва был весьма хмур, но затем и на его лице появилась улыбка. Он быстро вылез из штанов и вернулся в постель, чтобы обнять смеющуюся жену. Она положила голову ему на плечо, и тихонько улыбнулась, когда запал веселья прошел. Наверное, им будет неплохо вместе.

Глава 16

На следующее утро Хьюго открыл глаза, сквозь сон почувствовав, что его жена вылезает из постели, прилагая при этом все усилия к тому, чтобы не разбудить его. Очевидно, она задумала что-то, чему он был бы не рад... Хьюго потянулся за ней и поймал ее руку, затем притянул к себе. Финнула не сопротивлялась, и он решил, что, что бы она там ни собиралась сделать, это подождет еще пару часов. А он пока что сможет еще поспать...

Второй раз мужчина проснулся около полудня, когда Финнулы уже и след простыл. Но она ушла не очень-то далеко, ее звонкий голос раздавался во дворе, где девушка раздавала какие-то указания, быстро вжившись в роль хозяйки поместья. Хьюго понятия не имел, что там происходило, да и не горел желанием знать. Но все-таки он поднялся, от души потянулся и, плеснув себе в лицо холодной водой — кто бы мог подумать, что наличие молодой жены будет отнимать столько сил? — и подошел к окну. Ему в лицо немедленно ударил яркий солнечный свет, а привыкнув к нему, мужчина разглядел синюю вышину неба, изумрудную зелень деревьев и пламя копны волос Финнулы.

Сперва он подумал, что представшая его взору картина была лишь игрой воображения, но вскоре Хьюго понял, что глаза его не обманывают. Его жена стояла в компании огромного пса, а слуги суетились вокруг, перенося во двор вещи из спальни его отца. Под стенами замка уже стояла широкая кровать, рядом валялся полог с нее же, неподалеку стоял столик с зеркалом и даже старая ваза.

— Очень хорошо, Питер, — кивнула Финнула слуге, вытаскивавшему из замка любимый стул лорда Джоффри. — Поставь возле кровати.

— Да, миледи, — Питер бросил стул на землю рядом с кроватью, и треск старого дерева заставил Хьюго поморщиться. — Вынести тот шкаф, что стоит у окна?

— Разумеется, — отозвалась Финнула. — Все, Питер. Я хочу, чтобы оттуда было вынесено все.

— Да, миледи, — послушно поклонился Питер и бросился исполнять ее приказ с таким рвением, какого Хьюго никогда не видел. Покачав головой, Хьюго побарабанил пальцами по подоконнику и, чуть перегнувшись вниз, позвал:

— Леди Финнула?

Тут к ней подошел старый Вебстер, в его руках был мятый гобелен.

— Вот, миледи. Куда его теперь?

— Брось здесь, — улыбнулась Финнула и, прикрыв глаза рукой от солнца, обернулась. — Доброе утро, милорд!

— Доброе утро, миледи, — Хьюго скрестил руки на груди. — Славный сегодня денек, не так ли?

— Не то слово, — согласилась Финнула. — Вы хорошо спали?

— Как камень, мадам. Очень крепко. Так крепко, что даже не слышал, как вы велели вынести из дома все подчистую.

— Не все, милорд, — мимо Финнулы прошла служанка с ворохом старой отцовской одежды в руках. — Лишь вещи из спальни лорда Джоффри.

Хьюго кивнул.

— Вижу. И, осмелюсь спросить, мадам, что вы собираетесь сделать со всем этим? —

Хьюго обвел взглядом с каждой минутой все больше растущую гору вещей.

Финнула отвела со лба несколько выбившихся из косы прядей.

— Сжечь, милорд, — отозвалась она.

Едва ли Хьюго был удивлен. Он знал, как презирала и ненавидела Финнула его отца, так что с ее стороны это был еще достаточно великодушный ход. Но его неприятно поразило то, что такое решение, касающееся его наследства, она приняла в одиночку.

— Вот оно что, — мужчина не сумел сдержать недовольства, которое так и звенело в его голосе. — Пожалуй, леди Финнула, я спущусь к вам, чтобы обсудить с вами этот... Хм, костер.

Отвернувшись от окна, Хьюго немедленно услышал смешок Финнулы:

— Могу ли я предложить вам, милорд, — ехидно произнесла она, — сперва одеться, а лишь затем спуститься?

Окинув себя взглядом, Хьюго лишь хмыкнул. Он разговаривал с женой — да и со всеми слугами — будучи в чем мать родила. Оставалось надеяться, что это не привлекло особого внимания... Но восхищенный вздох миссис Лавер убедил его в обратном. Хьюго тяжело вздохнул. Не так он собирался начать первый день жизни в качестве семьянина.

Побрившись и одевшись за несколько минут, пригладив волосы и бросив последний быстрый взгляд на свое отражение, Хьюго поспешил вниз, где потихоньку были выставлены практически все вещи из спальни отца. Проходя по Большому залу, он заметил, что столы были убраны, остался лишь один, за которым они с Финнулой будут трапезничать. На улице стояла хорошая погода, и огонь в камине не разводили, а все цветы, принесенные на вчерашнюю свадьбу, теперь украшали собою камин.

Хьюго так спешил выйти во двор, что, шагая по леснице, не заметил, как едва ли не налетел на чью-то щуплую фигурку, несшую в руках гору подушек.

— Эй! — возмутилась гора подушек. — Смотри, куда идешь!

С любопытством приподняв одну из подушек, Хьюго обнаружил за ними лохматого Джейми. Мальчик исподлобья смотрел на него.

— То, что я маленький, не значит, что меня можно не замечать, — буркнул он, а затем добавил, — милорд.

Хьюго лишь мысленно обругал себя за то, что раньше не замечал сходства между собой и мальчиком, похожим на него, как две капли воды. Пусть он не помнил его мать, но знакомые с детства черты мог не узнать только слепой.

— Прости, Джейми, — искренне извинился он. — Я задумался и не видел, куда иду.

— Ничего страшного, — великодушно махнул рукой Джейми. — Извините, сэр, леди Финн приказала вынести все на улице...

— Погоди, Джейми, — Хьюго положил руку на худенькое плечо. — Думаю, нам с тобой нужно прояснить кое-что.

Мальчик выжидающе смотрел на него. Хьюго сел на ступеньку, чтобы их лица были на одном уровне.

— Когда вчера я спросил тебя, — медленно заговорил мужчина, — о том, чей ты, ты сказал...

— Ваш, милорд.

— Да. Ты так мне и ответил, но что ты имел в виду? Что ты мой вассал...

— Ага, — не дал ему договорить Джейми, — как миссис Лавер.

— Хорошо, Джейми, — рыцарь потер подбородок. — Вот только я хотел спросить...

Джейми, ты знаешь, кто твой отец?

— Думаю, да, — кивнул мальчик. — Вы.

Расслабившись, Хьюго кивнул.

— Верно. Я. Меня не было дома десять лет, а тебе приходилось нелегко...

Джейми нетерпеливо пожал плечами.

— Леди Финн рассердится, если я не принесу подушки.

— Подожди минутку. Я пойду вместе с тобой и все объясню, э-э-э, леди Финн. Джейми, я хотел сказать, что, если что-то тебе будет нужно, то ты...

— Мне нужно принести подушки! — воскликнул Джейми.

— Ну хорошо, — видя, что нет смысла продолжать эту беседу сейчас, Хьюго поднялся и, взяв подушки, улыбнулся. — Давай-ка я подсоблю тебе с ними.

Лицо Джейми просветлело.

— Ой, спасибо, милорд! Вы возьмите это, а я побегу наверх и принесу все остальные. Леди Финн будет довольна!

Глядя, как мальчик бежит по лестнице, перескакивая через ступеньку, Хьюго покачал головой. Так или иначе, ему необходимо было дать Джейми понять, что он не слуга в этом доме. Но и объявлять мальчика наследником он не хотел. Ребенок, безусловно, вырастет и получит достойное образование. А для начала неплохо бы убедить его помыться. Или, может быть, с этим справится Финнула.

Проходя мимо кухни, Хьюго с наслаждением вдохнул аппетитнейшие запахи. Но, строго сказал он себе, сначала нужно закончить с делами, и лишь потом думать о завтраке.

Когда он нашел Финнулу, она как раз беседовала о чем-то с недавно нанятым помощником Вебстера. Подошедший Хьюго как раз услышал обрывок их разговора о том, что все вещи из спальни лорда Джоффри должны быть вывезены в поле и там сожжены дотла. Хьюго кашлянул и, когда не последовало никакой реакции, легонько постучал по плечу жены. Помощник Вебстера заметил его первым.

— Его Светлость хочет что-то сказать, — испуганно сообщил Финнуле парнишка, и только тогда она, наконец, обернулась. Заметив в его руках подушки, девушка просияла.

— О, замечательно! Положите их сюда, милорд.

Хьюго бросил подушки на кровать и приобнял жену за талию.

— Финнула, — произнес он сквозь зубы, — нам нужно поговорить.

— Не сейчас, — Финнула попыталась вывернуться из его объятий. — Я занята.

— Да, я вижу, что ты очень занята, любовь моя, — кисло усмехнулся Хьюго. — Я бы даже сказал, ты с головой ушла в свое занятие.

Он не выпускал ее из объятий, и девушка сдалась. Теперь она серьезно смотрела на него своими серыми глазами, в которых читалось упрямство.

— Ты сам сказал тогда, на мельнице, что поместье Стивенстейт станет моим, и я смогу делать в нем, что захочу, — заявила она.

— Да, но сжигать все, что осталось от моего отца? — Хьюго строго взглянул на нее. — Ты не собиралась хотя бы обсудить это со мной, спросить, что я обо всем этом думаю?

— Спросить, что ты обо всем этом думаешь? — переспросила Финнула. Она притопнула ногой, как делала всегда, когда была раздражена, и ткнула острым ногтем Хьюго в грудь. — Твой отец был жалким обезумевшим стариком, — на каждом слове она

продолжала тыкать Хьюго в грудь, — который позволил этой сволочи по имени Реджинальд Ларош разворовать все его состояние. Твой отец заставлял людей голодать и не заботился о них последние несколько лет, хотя клялся защищать тех, над кем имеет власть. И, в довершение всего этого, он заставил меня выйти за него замуж, умер и оставил меня подозреваемой в его убийстве! — выпалив все это, Финнула перевела дыхание, а затем сердито вздернула подбородок. — И теперь ты возмущаешься и что-то говоришь о своих чувствах!

Хьюго даже отступил на шаг. Его злость отступила, оставив вместо себя лишь недоумение. И правда, какое ему было дело до кучи старой мебели? Но он все равно не мог позволить Финнуле вести себя так, словно лордом в поместье была она, а не он.

— А сжигание всех его вещей исправит сделанные им ошибки? — вкрадчиво поинтересовался он.

Финнула поджала губы.

— Сжигание всех его вещей осчастливит меня, — сообщила она. А затем взглянула на старого Вебстера и хитро улыбнулась. — И его слуг это тоже осчастливит. Мне неприятно тебе это говорить, но между ними и лордом Джоффри не было ни особой привязанности, ни какого-то тепла. Если позволить им бросить что-то в огонь, это будет символом того, что люди все простили и забыли. И это поможет тебе утвердиться на месте твоего отца так же, как помогло изгнание Лароша.

— Значит, вот, что ты думаешь, — Хьюго не удержался от смеха. — Неужели тебя волнует, примут ли они меня?

Финнула лишь задрала нос.

— Конечно же, нет. Это лишь сделает мою роль хозяйки поместья несколько легче...

Но, взглянув на мужа, девушка прикусила язычок и положила ладонь на его плечо. Финнула редко касалась его по своему собственному желанию, и Хьюго немало удивился этому ее жесту. Что заставило Финнулу вдруг стать спокойнее и мягче по отношению к нему? Едва ли не впервые за все время она смотрела на него с симпатией.

— Прости, что так говорила о твоём отце, Хьюго. Я знаю, что в конце жизни он был... Болен. Но и до этого он был ужасен...

Мужчина только пожал плечами.

— Я и сам говорил тебе об этом, помнишь?

— О, да, — Финнула покачала головой, — тот рассказ о том, как родители хотели отправить тебя в монастырь... — она коротко рассмеялась, но в ее смехе не было и тени веселья. Ее рука покинула его плечо. — Как же глупо с моей стороны было не понять сразу, кто ты. Это ведь знаменитая история.

Хьюго не поверил своим ушам. Так она сожалела о Хьюдже Фитцуилльяме? Боже правый, да эта девушка предпочла бы выйти замуж за него! Она предпочла бы стать женой неизвестного рыцаря, нежели женой лорда Стивенстейта! Теперь Хьюго чуть ли не ненавидел выдуманного мужчину. Черт подери, пусть он обладал ее телом, но сердце ее принадлежало рыцарю, которого сам же Хьюго и придумал!

— Устраивай свой костер, — бросил он. — Можешь даже кинуть туда мой стул, если тебя это порадует. Мне все равно.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, а Финнула даже не окликнула его и не попыталась остановить. Он прекрасно понимал, что ведет себя глупо, как будто он ничуть не старше Джейми, но ему трудно было смириться с тем, что его жена, такая страстная в

постели — и в лесу, чего уж там — может быть с ним так холодна во все остальное время. Почему она ведет себя так же и теперь, когда он стал ее мужем?

Хьюго вернулся в замок и пошел в кухню, чтобы справиться о завтраке. Пока он ел, к нему присоединился и Толстый Луи, который, судя по всему, решил больше не ненавидеть мужа своей хозяйки, и теперь счастливо грыз раздобытую где-то кость, расположившись на полу. Спустя какое-то время в Большой зал зашел Питер и объявил, что Джон де Бриссак приехал и ждет лорда Хьюго, чтобы перекинуться с ним парой слов. Доев, Хьюго поднялся и последовал за слугой, который немедленно воспользовался возможностью пожаловаться.

— Я уехал из Лондона не за тем, чтобы таскать мебель, — проныл Питер, вытирая пот с покрасневшего лица. — И я поехал за вами не для того, чтобы заниматься тем, что делают слуги. Когда начнутся настоящие тренировки, милорд? Как я стану рыцарем, если у меня нет даже меча?

Хьюго, чье терпение было на исходе, сурово оборвал его:

— У тебя есть мягкая кровать, где ты спишь, не так ли?

— Да, милорд.

— Ты не ел трижды в день, не носил хорошей одежды и не ездил на собственной лошади в Лондоне, не так ли?

— Нет, милорд.

— Все это гораздо важнее меча.

— Но я думал, вы берете меня с собой, чтобы научить сражаться, — Питер упорно следовал за Хьюго. — Я думал, вы научите меня так же искусно играть с мечом, как это делаете вы...

Хьюго хмыкнул.

— Сражения — это не игры с мечом. К тому же, далеко не всегда именно меч является оружием противника.

— Прошу прощения, милорд?

— Противник может стрелять глазами и очаровывать своей фигурой...

— Милорд? — Питер явно был сбит с толку. — Вы говорите... Вы говорите о женщинах, милорд?

Хьюго развел руками.

— Иди уже, парень. Я займусь тобой в другой день, а пока что твоя помощь нужна хозяйке.

Питер что-то пробормотал себе под нос и, ссутулившись, побрел обратно. Хьюго же приветливо махнул рукой шерифу.

Джон де Бриссак спрыгнул с коня.

— Добрый день, милорд! Не хотел вас отвлекать от дел, попросил вашего слугу узнать, примете ли вы с супругой гостя.

Прислонившись к стене замка, рыцарь подставил лицо солнечным лучам.

— Как видно, да. Во всяком случае, я, — он не удержался от мрачной усмешки. — Леди Финнула — едва ли.

— А, — шериф понимающе улыбнулся. — Она слишком скромна, чтобы показываться на глаза кому-либо после прошлой ночи? Так всегда бывает с красавицами-невестами...

— Не то что бы, шериф, — фыркнул Хьюго. — Скромность — не самая сильная сторона моей жены. Сейчас она очень занята, раздает приказы о том, чтобы все вещи из спальни моего отца были вынесены, затем вывезены в поле и сожжены в полночь.

— Правда? — в голосе шерифа звучало уважение. — Умница девочка! — увидев лицо Хьюго, Джон де Бриссак кашлянул. — Я хотел сказать...

— Нет, нет, Джон, — Хьюго устало махнул рукой, показывая, что не примет никаких извинений. — Я уже понял, что ты одобряешь ее идею. Меня слишком долго здесь не было, я не понимаю, что к чему. Так ты тоже считаешь это мудрым планом?

— Это наилучший способ дать всем понять, что вы будете совершенно другим лордом и ничем не будете похожи на своего отца, — задумчиво изрек шериф.

— А вино и жаркое их поросенка на вчерашнем пиру не дали людям этого понять? — шутливо осведомился Хьюго.

— Ох, ну хорошо, — покачал головой шериф, — это было превосходно, но огонь... — тут он цокнул языком. — Это как символ избавления от старого, милорд. Начало новой жизни и новых порядков.

Хьюго почесал затылок.

— Думаю, я понял, о чем ты. Это будет сравнимо с изгнанием Лароша, так?

— Именно! — Джон де Бриссак хлопнул в ладоши. Окинув взглядом хмурого Хьюго, он присвистнул. — Милорд, по вам и не скажешь, что вы вчера женились. Надеюсь, этот мрачный вид — следствие головной боли, а не размолвки с молодой женой...

Лорд с любопытством взглянул на шерифа.

— Как ты угадал?

Теперь настала очередь шерифа фыркнуть.

— Вы забываете, милорд, что именно я пытался запретить Финнуле охотиться на ваших землях. Как будто человек может приказать ветру перестать дуть! О, да, мы с вашей леди Финнулой много раз говорили об этом...

— Со мной она едва ли разговаривает с тех пор, как узнала, кто я на самом деле, — вдруг вырвалось у Хьюго. — Скажи, Джон, — он отошел от стены и с надеждой взглянул на шерифа, — что делать мужчине, который только что вернулся из крестового похода и узнал, что у него есть десятилетний сын от женщины, которую он едва помнит, а его жена говорит лишь, что он ей «очень нравится», да и только?

Джон де Бриссак мягко улыбнулся.

— Вы спрашиваете мнение бездетного холостяка без клочка земли за душой, милорд?

Хьюго повесил голову.

— Мне больше некого спрашивать.

Шериф похлопал его по плечу.

— Будьте добры.

— Прощу прощения? — не понял Хьюго.

— Будьте добры, — повторил шериф. — Добры к мальчику. Добры к слугам. И добры к жене. Все образуется, поверьте. Все встанет на круги своя, — он дружески подмигнул Хьюго. — Я всех их хорошо знаю, нет здесь такого человека, которому бы вы рано или поздно не стали бы дороги.

Договаривая последнюю фразу, шериф вдруг поднял голову и прислушался. Хьюго только было собирался спросить, что его встревожило, как вдруг Джон де Бриссак переменялся в лице и, выкрикнув предупреждение об опасности, схватил Хьюго за плечо и толкнул его за землю, а сверху упал сам. Весил шериф немало, и удар о землю для не ожидавшего ничего подобного Хьюго был очень сильным...

...но все же не таким же сильным, как удар о землю огромного камня, который слетел с

крыши и упал на то самое место, где всего лишь мгновение назад стоял Хьюго.

Джон де Бриссак с ужасом взглянул на глыбу, глубоко ушедшую в землю и разбрызгавшую вокруг грязь. Мужчины посмотрели наверх, словно ожидая продолжения страшного каменного града, но его не последовало. Шериф встал, потирая ногу, а Хьюго сел, не сводя глаз с крыши замка.

— Что за дьявол?..

Шериф посмотрел на камень, затем на крышу и, наконец, на Хьюго.

— Едва ли он упал ни с того, ни с сего, милорд. Кто-то толкнул...

— Толкнул? Черта с два, — проворчал Хьюго, поднимаясь на ноги. — Эти башни вот-вот рассыплются, а раз уж Финнула задумала устроить здесь перемены, можно снести и их. Безопаснее будет жить.

— Нет, милорд, — покачал головой шериф. — Думаю, дело не в башнях. Я слышал чьи-то шаги, прежде чем свалился камень. Кто-то толкнул его, я в этом не сомневаюсь, — шериф де Бриссак взглянул Хьюго в глаза. — Милорд, кто-то пытается вас убить.

Глава 17

— Не смейся меня.

Хьюго поднялся, потирая ушибленный во время падения бок. Интересно, подумал он, Финнула чувствовала себя так же, когда на нее налетел Питер? Но на этот раз все было иначе, и шериф закрыл его своим телом, спасая от летящего на громадной скорости камня. Если бы не Джон, Хьюго теперь был бы... Его теперь бы не было в живых. Однако предположение о запланированном убийстве все равно казалось смешным.

— Кому это могло понадобиться? — Хьюго рассмеялся. — Это Лароша все ненавидели, но ведь я — не он.

— Видимо, не все, — шериф смотрел вверх, словно пытаясь разглядеть фигуру предполагаемого убийцы. — Этот камень упал не просто так, кому-то нужно было сначала раскачать его, а затем толкнуть вниз. Идемте. Этот человек, разумеется, уже сбежал, но, возможно, на крыше остались какие-то следы, я уверен.

Теперь, когда шок от произошедшего прошел, Хьюго скептически покачал головой.

— Неудивительно, что ты шериф, Джон. Ты видишь преступления везде, даже там, где их нет!

Шериф ничего не ответил. Он молча обогнул замок и направился к старой лестнице, ведущей в башню. Хьюго, возведя глаза к небу, последовал за ним. Вот только его скептицизм поулег, когда он увидел, что деревянная дверь висит на одной петле, словно преступник в спешке выбежал из башни, снося все на своем пути.

— На эти башни редко, кто поднимается, не так ли? — спросил шериф, изучая покосившуюся дверь и грязные следы на ступеньках.

— Так, — подтвердил хозяин. — Там небезопасно. Лестница старая, ступеньки не ремонтировались еще со времен моего деда. Мы с братом играли там, когда были еще детьми... — тут неожиданная мысль пришла ему в голову, и Хьюго замолчал. Ведь, когда он вернулся в Стивенсгейт, на крыше замка сидел Джейми?

Словно прочитав мысли Хьюго, шериф взглянул на него.

— Это не мальчик. У него не хватило бы сил толкнуть вниз такой камень, он весит столько же, сколько и я, если не меньше, — он с усмешкой похлопал себя по животу. — Нет, мальчик, может, и играет здесь временами, но на этот раз на крыше был не он. Видите эти следы? Человек перепрыгивал через ступени, спеша покинуть башню. Идемте. Поднимемся

наверх, посмотрим, что там.

Узкая деревянная лестница была еще опаснее, чем помнилось Хьюго. Где-то отсутствовали целые доски, где-то доски прогнили, и наступать на них было бы большой ошибкой. Страшно скрипя под шагами Джона и Хьюго, ступеньки грозили треснуть под весом мужчин. Кого-то более легкого они выдержали бы без особых трудностей...

— Так, — грозно сказал шериф, когда они поднялись. Он деловито подошел к каменному бортику, украшавшему крышу, и сразу же указал на пустое место между двумя камнями. — Видите? Кто-то расшатывал его, надеясь столкнуть, и ему это удалось.

Хьюго проследил за его взглядом. Два камня, между которыми находился упавший, были словно отодвинуты в стороны, немного, но достаточно, чтобы третий камень можно было сбросить вниз. Но раздвинуть тяжелые глыбы было не так-то просто, руками этого не сделаешь. Разве что злоумышленник использовал кочергу... В любом случае, было очевидно, что камень не мог упасть от ветра или дождя, кто-то ему в этом помог. Кто-то специально подготовил все заранее, чтобы в нужный момент столкнуть его вниз.

— Лорд Хьюго!

Хьюго посмотрел вниз. Там, где несколько минут назад стоял он, теперь находился Питер. Слуга с ужасом смотрел на стоявших на крыше мужчин.

— Лорд Хьюго, что вы там делаете? Это же очень опасно! Месье Ларош сказал мне, еще когда я только приехал...

— Ларош, — пробормотал Хьюго, бросая взгляд на шерифа. — Я совсем забыл о месье Лароше.

Джон де Бриссак кивнул.

— Думаю, мне стоит съездить в Лизбури, проведать, как там у него дела. Возможно, с ним в дороге что-то случилось...

Хьюго рассмеялся.

— Что-то, что заставило его повернуть назад и залезть на крышу поместья, чтобы прикончить ненавистного врага?

— Лорд Хьюго, — снова позвал Питер, — леди Финнула там, с вами? Я не могу ее найти, мне надо спросить, что делать с туалетными принадлежностями лорда Джоффри!

Шериф пошел к лестнице, Хьюго последовал за ним.

— Ты был на заднем дворе? — спросил он через плечо. — Там я видел ее в последний раз.

— Но там ее нет...

Мужчина пожал плечами. Спустившись вниз, он обнаружил слугу, таращившегося на упавший камень, с раскрытым ртом.

— Милорд! — запричитал он. — Милорд, кто-то пытался вас убить! Кто-то покушался на вашу жизнь, милорд!

— Помолчи, мальчик, — слегка раздраженно велел ему шериф. — Никто не пытался убить лорда, всем прекрасно известно, что эти башни развалятся не сегодня — завтра.

Хьюго слегка улыбнулся.

— Все верно, шериф. Питер, ты все принимаешь слишком близко к сердцу. Иди, скажи старому Вебстеру, что дверь в башню вот-вот рухнет с петель, пусть пришлет кого-нибудь починить ее. В башнях опасно, нельзя больше позволять Джейми играть там, не дай бог, свернет себе шею.

— Вам бы о своей шее беспокоиться, милорд, — воскликнул Питер, — а вы

переживаете о мальчика! Если вам интересно, что я думаю, то вот же: только глупец посчитает, что камень упал сам...

— Ты назвал меня глупцом? — приподнял бровь Хьюго. Питер немедленно стушевался.

— Нет, милорд.

— Тогда иди к Вебстеру! — мужчина махнул рукой. — А еще лучше — раздобудь где-нибудь молоток и пару гвоздей и займись дверью сам. Нет нужны беспокоить пожилого человека, когда ты еще молод и полон сил, — он хлопнул слугу по плечу.

— Но я помогаю леди Финнуле с вещами, — пробормотал Питер.

Хьюго был не в настроении потакать тонкой душевной организации слуги, и рявкнул:

— Иди и займись делом! Не хочу ни видеть, ни слышать тебя, пока дверь не будет починена!

Питер побледнел и поспешил прочь. Шериф еще смеялся в кулак над внезапным раздражением Хьюго, когда возле них появилась Финнула. В руках у нее был ворох одежды.

— Что здесь за крики? — поинтересовалась она. — Я даже свои мысли едва слышу.

Хьюго закатил глаза.

— Это все мой дурачок-слуга. Ничего дельного сделать не может, зато как любит болтать!

Финнула скорчила рожицу. Она тоже не питала особой любви к парнишке, чуть было не сломавшему ей ребро.

— Все ясно. Питер, — затем, взглянув на шерифа, она улыбнулась. — Доброе утро, шериф. Вы хорошо выглядите, я даже удивлена. Особенно после того, как вы кричали вчера под нашими окнами после полуночи.

Впервые за все время их знакомства с Хьюго шериф покраснел.

— Признаюсь, вчера я немного перебрал, вино текло рикой, — он развел руками, точно извиняясь. — Очень щедрый пир, Ваша светлости...

— Хм, — неопределенно отозвалась Финнула.

Желая направить разговор в другое русло, шериф кашлянул.

— Гм, Ваша светлость... Быть может, вы видели человека, поднимавшегося на башню? Он мог...

Теперь уже тему разговора решил сменить Хьюго.

— Ты еще не обедала, любовь моя? — он приобнял жену за талию. — Брось эти тряпки, — продолжал он, игнорируя ее удивление, — и пойдем в Большой зал, вместе пообедаем. Мы ведь собирались поехать на мельницу и навестить твою сестру, у нее ведь тоже сегодня праздник, она вышла замуж...

Хьюго не сказал ни слова лжи: Меллана и правда сегодня обвенчалась с Джеком в очень тихой обстановке рано утром, не приглашая даже свою семью в церковь. Роберт не хотел, чтобы об этой истории стало известно больше, чем люди уже знали, а потому церемония проводилась при закрытых дверях.

К облегчению Хьюго, Финнула улыбнулась, все распри были позабыты.

— О, конечно! Я еще не перекинулась ни словом с новым зятем, не было ни единой возможности...

— И, конечно, нужно будет принести им подарки, — предложил Хьюго, все дальше уводя Финнулу от упавшего камня. — Только тебе обязательно нужно будет одеться подобающе, нельзя наносить визиты в кожаных штанах, — он осуждающе посмотрел на жену. — Ты теперь жена лорда, тебе пристало носить красивые платья...

Финнула закатила глаза, но ничего не сказала. Направив ее к замку и пообещав тотчас же присоединиться к ней, Хьюго вернулся к шерифу, который с улыбкой наблюдал за разыгравшейся перед ним сценой. Несмотря на то, что Финнула не могла их слышать, он все же понизил голос.

— Джон, моя жена ничего не должна знать о произошедшем. Ни к чему беспокоить ее всякими глупостями.

Шериф сурово нахмурился.

— Я понимаю вас, милорд, но вам стоит посмотреть правде в глаза: кто-то позаботился о том, чтобы вы не задержались на этом свете. И я очень советую вам быть осторожнее, потому что не преуспев в этот раз, преступник может предпринять еще одну попытку.

— Осторожнее! — воскликнул Хьюго. — Я-то думал, что весь страх останется на войне. Это мой дом! Неужели мне теперь бояться и опасаться всего даже в собственной постели?

Шериф де Бриссак улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Вместо этого настороженный взгляд на мгновение метнулся в том направлении, куда ушла Финнула.

— Надеюсь, в собственной постели вам не придется ничего бояться, милорд. Вы ведь говорили это не в прямом смысле?

Хьюго, заметивший его взгляд, покачал головой.

— Нет. Разумеется, нет. Это всего лишь фигура речи.

Но, сказав это, он поймал себя на том, что и сам смотрит в ту сторону, куда ушла жена, и гадает — действительно ли эта фраза вырвалась у него случайно?

Глава 18

Финнула никогда в жизни не одобрила отношений своей сестры Джеком Мэллори. Молодая пара постаралась сделать свое венчание незаметным и держать все подробности своей жизни в секрете, причем мысль эта принадлежала отнюдь не Меллане. Девушка любила поговорить и не упустила бы возможности рассказать обо всем подругам — а значит, это Джек хотел держать все в тайне. Возможно, его намерения были не так уж и благородны...

Одно уже это обстоятельство заставляло Финнулу сурово сдвигать брови при одном лишь упоминании имени Джека. Она не скрывала своего презрения к нему, хоть правила приличия и предписывали ей относиться к зятю доброжелательно. И все же, несмотря на это, Финнула не могла не сравнивать Джека с собственным мужем. Глядя на щуплого зятя, девушка лишь с удивлением гадала, что такого прельщающего нашла в нем Меллана, в этом желторотом глупце, не смыслящем в жизни ровным счетом ничего и до безобразия любящего безделушки и роскошь.

О! В этом он мог превзойти саму Меллану! Голодая неделями, он копил деньги на пряжки для сапог и бархатный камзол, гордо выставлял напоказ расшитый камнями пояс, а на худом пальце у него даже красовалось кольцо. При мыслях об этом Финнула невольно кривилась. Что за мужчина станет так одеваться, будь он хоть трижды менестрелем? Хьюго, богатый лорд, мог позволить себе одежду, во много крат превосходящую нищую роскошь Джековой, но все же не стремился украшать себя, точно барышня на выданье.

Впрочем, Финнула все же очень старательно сдерживала свою неприязнь к мужу сестры. По дороге к мельнице Хьюго вполголоса убеждал ее вести себя прилично, и Финнула, не желая расстроить его еще больше, чем уже расстроила утром, послушно кивнула. Ей до сих пор было стыдно за утренние приготовления к костру, о котором она ничего не сказала Хьюго. Финнула привыкла вести себя, как пожелает, и делать то, что

заблагорассудится, и теперь ей было нелегко привыкнуть к тому, что отныне придется оглядываться на другого человека, считаясь и с его желаниями тоже.

И все же она очень-очень хотела треснуть Джека Мэллори по голове чем-нибудь увесистым. Спальня, в которой еще вчера Финнула обитала вместе с сестрой, теперь превратилась в семейное гнездышко Мелланы, и Джек Мэллори настоял на том, чтобы выкинуть все засушенные лепестки роз, которые Финнула развесила в тканевых мешочках по углам комнаты для лучшего запаха. Мол, он, Джек, весь изошелся в диком чихании от этого запаха. Кроме того, вчерашний трубадур явно не был в восторге от того, что теперь стал работником на мельнице, и то отлынивал от работы, то постоянно бубнил что-то себе под нос, понося Роберта на чем свет стоит. Разумеется, он делал это исключительно в отсутствие Роберта, чтобы тот не слышал ни слова и не видел его лентяйства.

Финнула терпеливо улыбалась весь ужин, пересмеивалась с Патрицией и спокойно отвечала на ее подколки о собственной брачной ночи. Лавандового цвета платье смотрелось на ней прелестно, Хьюго сказал ей, что она в нем ослепительна, и Финнула то и дело ловила его восхищенные взгляды, словно в подтверждение его слов. Неужели он и в самом деле считает ее красивой? Девушка до сих пор не понимала, как любой мужчина мог бы предпочесть ее, когда совсем рядом сидела такая красавица, как Меллана.

Вот только Джеку Мэллори присутствие молодой жены явно не мешало, и он пьяно улыбался Финнуле поверх своей кружки с элем с настораживающим постоянством. Финнула старалась не замечать его липкого взгляда и следовать совету Роберта, ведя себя женственно. Глупое очарованное лицо Джека Мэллори ей совершенно не было нужно, она хотела, чтобы Хьюго увидел в ней что-то большее, чем просто объект фантазий и желания. Нет, разумеется, такое же слепое обожание на его лице смотрелось бы ужасно, но что-то, помимо огня страсти очень бы порадовало ее...

Финнула тихонько вздохнула. Теперь, углубившись в грустные раздумья, она вспомнила и о кожаных штанах, от которых теперь была вынуждена отказываться большую часть времени. Как же она тосковала по ним... Подол глупого платья то и дело приходилось поднимать, и все равно он уже был запачкан грязью. А лук! Проклятый ястреб снова вернулся и теперь сидел на крыше курятника, угрожая расправой курам Мелланы, а у нее, Финнулы, не было с собой ни лука, ни колчана.

Во всяком случае, успокаивала она себя, от ястреба будет избавиться проще, чем от Джека Мэллори. Нужно будет наведаться сюда с луком через пару дней. Закончив с едой, Финнула встала из-за стола и вышла во двор, внимательно изучая ястреба на крыше курятника и готовясь, в случае чего, отогнать его от беззащитных кур.

Девушка еще стояла во дворе, когда Питер, уверенно проскакав на лошади к мельнице, точно его приглашали, спрыгнул и огляделся по сторонам. Финнула прищурилась, мысленно удивившись такой наглости, но понадеялась, что он направится в дом. К сожалению, слуга Хьюго заметил ее и направился напрямиком в ее сторону, широко улыбаясь.

— Миледи, — кивнул он. — Прекрасный день сегодня, не так ли?

Финнула пожалала плечами. Она была не в настроении для светских бесед, и Питер, немедленно уловив это, спросил ее о каких-то вещах из спальни лорда Джоффри. Девушка ответила на вопрос, давая понять, что не намерена пускаться в долгие обсуждения. Питера это не остановило, и он продолжил расспрашивать ее то об одном, то о другом. В конце концов Финнула подозрительно взглянула на него, словно спрашивая, не задумал ли он чего.

Когда она села на деревянную скамью возле дома, Питер опустил рядом. Финнула

бросила на него косой взгляд, но парень никуда не ушел. Вместо этого он понизил голос и произнес что-то едва слышно. Из его слов до Финнулы донеслось лишь «Лароши».

— Лароши? — переспросила девушка удивленно. — Ты... Ты говоришь о Реджинальде Лароше и его дочери, Изабелле?

Питер энергично закивал.

— Мне думается, — скорбно сказал он, — что Его светлость был с ними слишком жесток...

Финнула уставилась на парня, который, к слову, был старше ее самой на год или два, и изумленно покачала головой.

— Слишком жесток! Как мне это нравится! Полагаю, это Изабелла пришла к тебе с жалобами?

Питер был удивлен, но довольно успешно напустил на себя безразличие.

— Нет. Ну, а если и так, то что с того? Она — леди, привыкшая к достойному уровню жизни, и вдруг ее вышвыривают из дома, где она жила много лет, теперь ей придется скитаться...

Фарканье Финнулы прервало его вдохновенную речь.

— Придется скитаться, — повторила она. — Изабелла Ларош достаточно умна, чтобы получить все, чего пожелает. Не тревожьтесь за Изабеллу, сэр. Она — как кошка, всегда приземляется на лапы.

Взглянув на недоверчивое лицо Питера, Финнула приподняла бровь. Что за глупости? Значит, парнишка подкуплен Изабеллой? Или почему бы еще ему приходиться к ней вот так и начинать вслух рассуждать о несчастной Изабелле? Нет, она ничего не могла — да и не хотела — делать для Изабеллы.

Вот только Питер, кажется, был уверен, что она не только может, но и должна помочь.

— Не могли бы вы замолвить словечко перед лордом Хьюго? — спросил он с надеждой.

— Словечко? — Финнула пожалела, что не осталась внутри. Даже Джек Мэллори составил бы ей компанию получше. — Какое еще словечко?

— Словечко за Ларошей. Ваши добрые речи тронут сердце лорда Хьюго, миледи, — взмолился Питер. — Я понимаю, что Его светлость сердится на кузена своего батюшки, но вы могли бы помочь ему увидеть, как он ошибается, возлагая вину на невинных...

Финнула нахмурилась.

— Этому тебя научила Изабелла?

— Да, — в голосе Питера зазвенели с трудом сдерживаемые слезы. Видно, отъезд девушки стал для него ударом. — Если бы вы только слышали ее рассказ обо всем, что сделал ее отец для вассалов лорда Хьюго...

— Ты забыл, Питер, — холодно произнесла Финнула, — что я была в числе его вассалов. И я не припомню ничего хорошего, что якобы сделал для нас месье Ларош за последние годы. Зато он обвинил меня в преступлении, которого я не совершала, и была бы повешена, если бы шериф де Бриссак не вступился бы за меня.

Это заставило Питера замолчать, он смотрел на Финнулу, его кадык нервно дернулся, а глаза наполнились слезами. Несмотря на свое раздражение, девушке стало стыдно за резкость, с которой она отчитала паренька. В конце концов, Питер был всего лишь влюбленным мальчишкой, которого ловко использовала для своих интриг Изабелла. Возможно, и взрослый мужчина не сумел бы противостоять ее чарам, что уж говорить о юнце.

— Питер, — как можно мягче произнесла Финнула, касаясь его руки. — Я не посмею говорить с лордом Хьюго о Ларошах. Одно лишь упоминание о них — и его лицо темнеет от гнева...

— Но он прислушается к вам, миледи! — воскликнул Питер. — Он обожает вас, это очевидно...

Финнула отдернула руку.

— Что ты сказал? — выдохнула она. — Ты говоришь какую-то бессмыслицу.

— Нет, миледи! Любой дурак увидит, как лорд Хьюго вас любит! Его глаза, когда он видит вас, становятся цвета солнца...

Финнула покачала головой.

— Довольно. Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Знаю, — заверил ее Питер, но выражение ее лица пресекло его дальнейшие попытки убедить ее. Он поднялся со скамьи. — Как вам будет угодно, миледи.

Финнула жарко покраснела. Как этот мальчишка посмел... Как ему только в голову пришло в лицо бросить ей такую наглую ложь? И как она позволила себе поверить ему?! Лорд Хьюго — и обожает ее? Лорд Хьюго — и влюблен? Нет, он едва ли знал, что это за чувство, и едва ли хоть раз в жизни испытывал его. Он никогда не говорил ей ни слова любви или нежности, если не считать тех моментов страсти, когда они оба теряли способность мыслить здраво.

Тем временем слуга извинился и поблагодарил ее за уделенное ему время, а затем спросил, не может ли он просить одну из ее сестер о кружке эля? День выдался жаркий, а ему предстоит еще возвращение в поместье... Финнула махнула рукой в сторону входа, и Питер удалился, оставив ее одну. Спустя несколько минут девушка и сама направилась в дом, не желая, чтобы кто-нибудь еще пришел к ней и завел долгий разговор.

Внутри, в окружении всей семьи, Джек Мэллори пел какую-то (слишком сопливаю, по мнению Финнулы) балладу о любви. Четверо сестер — за исключением Камиллы, которая уехала домой вместе с мужем — и невеста Роберта, Розамунда, с обожанием смотрели на трубадура, наслаждаясь музыкой. Даже Патриция, обычно такая равнодушная к музыке и песням, шикнула на Финнулу, когда та нарушила спокойствие, хлопнув дверью.

Прокравшись на цыпочках на кухню, Финнула обнаружила своего мужа и Роберта, которые, очевидно, спасались там от сладкозвучных песен Джека Мэллори. Питера нигде не было видно, что несколько не удивило Финнулу. Возможно, услышав голос своего хозяина, парень кинулся в противоположном направлении сломя голову.

— Вот и ты, — улыбнулся Хьюго, увидев жену, и подвинулся на скамье, уступая ей место. — Неалые усилия ты приложила сегодня.

Опустившись на скамью, девушка вопросительно взглянула на мужа.

— О чем это ты?

— Мы оба были впечатлены тем, как ты сдерживалась и превзошла саму себя в уравновешенности, — пояснил Роберт. — Хоть тебе и хотелось пристукнуть мальчишку. Видно, этот брак хорошо на тебя влияет, — усмехнулся он.

Сперва Финнула вытаращилась на них, думая, что они говорят о Питере, но затем поняла, что речь шла о Джеке Мэллори. Девушка пожала плечами. Ни один из этих юных мужчин не внушал ей доверия, но с присутствием обоих она должна была мириться ради сестры и мужа, так что выбирать не приходилось.

Когда в соседней комнате голос Джека стих, а затем вновь запел с новым энтузиазмом,

и Хьюго с Финнулой поднялись, Роберт тут же вскочил сам, сказав, что лучше проводит сестру с мужем, чем услышит еще одну из Джековых баллад.

Шагая рядом с Финнулой и Хьюго к лошадям, Роберт рассказал о домике, который строит для Мелланы с Джеком, чтобы как можно скорее выселить сладкую парочку, а в особенности вечно ноющего зятя. Ему помогали мужья остальных сестер Финнулы, так что строительство шло полным ходом.

Помогая Финнуле залезть в седло — платье до пола пусть и было красивым, для поездок верхом все же никак не подходило — Хьюго мягко улыбнулся. Ему повезло, что злость Роберта теперь была направлена на несчастного трубадура, а не на него, Хьюго, который украл из семейного гнезда Крейсов самую необычайную жемчужину.

Тем временем его жемчужина залихватски свистнула, и последовавший за ними на мельницу Толстый Луи пулей примчался к хозяйке. Финнула рассмеялась, свесившись с лошади и почесав собаку за ухом.

Когда они отъехали от мельницы, девушка лукаво взглянула на мужа.

— У меня для тебя есть сюрприз, — сообщила она, хитро улыбаясь.

Прекрасно зная, что у жены не было денег, а значит, ничего купить для него она не могла, Хьюго решил, что таинственный сюрприз носил, скорее, романтический характер. В конце концов, она провела половину дня со своими сестрами и могла воспользоваться какими-то их советами об искусстве любви... Хьюго хмыкнул с усмешкой и прищпорил Скиннера.

Но, к его немалому удивлению, конь, вместо того, чтобы побежать рысцой, вдруг громко заржал и понесся вперед с такой скоростью, что Хьюго чуть было не выпустил поводья. Будучи опытным наездником, мужчина сумел утихомирить скакуна, но не до конца, Скиннер по-прежнему беспокойно дергал ушами и бежал какими-то странными рывками.

Не прошло и пяти минут, как конь вновь рванул с места, и на этот раз уже не внимал попыткам Хьюго утихомирить его. Мужчина, крепко сжав поводья и прижавшись к лошади, не понимал, что произошло с обычно тихим и послушным Скиннером. Толстый Луи несся за лошадью и гавкал, а сзади донесся крик Финнулы:

— Хьюго, прыгай! Прыгай!

Хьюго повернул лошадь обратно к мельнице, около которой стояла вся семья Финнулы, напуганная ее криком. Пролетев мимо жены, чье лицо побелело от страха за него, рыцарь сжал зубы. Нет, он не выставит себя дураком, неспособным управлять собственным конем. Он не спрыгнет на землю перед семьей жены, не позволит себе опозориться перед ними...

Но тут закричал уже Роберт.

— Прыгайте, милорд! Конь хочет вас сбросить!

Скиннер, судя по всему, решил подтвердить его слова, взбрыкнув задними ногами так, что Хьюго чуть было не вылетел на землю через голову скакуна. И тогда, признавая поражение, Хьюго соскользнул с седла и скатился на траву. Обезумевший конь понесся дальше, но уже через несколько прыжков успокоился и перешел на бег, а затем и вовсе остановился, тряся головой. Хьюго поднялся на ноги, не сводя глаз с коня, которого Роберт схватил под уздцы и повел в стойло.

— Хьюго! — Финнула бросилась к мужу. — Хьюго, как ты?

Удивленный испугом, явственно звучащим в голосе девушки, Хьюго слегка улыбнулся.

— Неплохо, — он подмигнул ей. — Чтобы убить меня, Скиннеру будет мало одного буйного характера.

Лицо Финнулы было бледным, точно полотно.

— Что с ним такое? Он будто сошел с ума!

Они подошли к конюшне, где Розамунда слезно умоляла Роберта отойти от ужасного чудовища, чуть было не сбросившего лорда на землю.

— Я не понимаю, что стряслось, милорд, — крикнул мельник, завидев Хьюго. — Ничего не нахожу, разве что он и впрямь обезумел.

— Это невозможно, — не согласился Хьюго, — только не Скиннер. Более разумного животного я в жизни не встречал.

— Что же тогда? — глаза Финнулы беспокойно металась между лицами Роберта и Хьюго. — Что так его встревожило?

Хьюго прижал жену к себе.

— Роберт, взгляни, все ли в порядке с седлом, — попросил он.

Мельник снял седло, чтобы осмотреть его, и выражение его лица изменилось.

— Боже правый! — выдохнул он, указывая на спину Скиннера. — Взгляните!

Хьюго шагнул вперед, не давая Финнуле возможности увидеть то, о чем говорил Роберт. Его лицо потемнело.

— Шип.

Девушка протолкнулась к лошади.

— Шип, — подтвердил Роберт, вытаскивая из спины коня шип чертополоха. — Он был под седлом и впивался в кожу Скиннера, когда вы ехали верхом...

Финнула ахнула.

— Но как он оказался под седлом? Когда мы ехали сюда, вдоль дороги не было ни единого куста чертополоха...

— Кто-то подложил его!

Этот возглас заставил всех собравшихся обернуться. К конюшне шагал Питер.

— Кто-то специально подложил его, я уверен, — воскликнул слуга. — Как утром, милорд, все, как с тем камнем. Кто-то покушается на вашу жизнь, милорд!

Финнула непонимающе посмотрела на мужа.

— С каким камнем? О чем он говорит?

Хьюго ей не ответил, но его взгляд, направленный на слугу, говорил о многом. Парню не следовало открывать рот.

— Камень свалился утром с крыши и лишь по счастливой случайности не ранил лорда Хьюго, — пояснил Питер. — Если бы не шериф, лорда Хьюго уже не было бы с нами...

— Молчать, треклятый болтун! — рявкнул Хьюго, и Розамунда вздрогнула. Мужчина схватил слугу за ухо. — Не смей трепать языком о том, чего не знаешь!

— Хьюго! — возмутилась Финнула, отрывая руку мужа от уха слуги. Питер отскочил в сторону. — Что ты делаешь? Я хочу услышать все, что он собирался сказать!

— Он ничего не собирался сказать, — прорычал Хьюго. — Ему просто хочется впечатлить девушек.

— Да перестань же ты! — притопнула девушка ногой. — О чем ты думаешь? Почему ты ничего мне не сказал?! Кто-то хочет тебя убить? Он это хотел нам сказать?

Хьюго тяжело вздохнул и взял руку жены в свои ладони.

— Никто не пытается убить меня, Финнула, — сказал он спокойно, глядя ей в глаза. — Не беспокойся. Я собираюсь жить долго и сделать тебя даже счастливее, чем ты могла бы быть, если бы вышла замуж за сэра Хьюджа.

Когда молодая пара, оправившись от ужасного приключения, уехала в поместье, на прощание крепко обняв каждого члена семьи Крейсов (за исключением Джека Мэллори, затянувшего очередную балладу), Питер устало сел на скамью возле дома, где до этого сидел возле Финнулы. Он потирал лоб, крепко о чем-то задумавшись. Розамунда опустилась на скамью возле него, вид опечаленного чем-то слуги лорда Хьюго был ей невыносим.

— Ох, сэр, — ласково промолвила она, кладя худенькую ладонь на его плечо, — могу ли я чем-то вам помочь?

— Не стоит вам обо мне беспокоиться, мадам, — храбро сказал Питер, — есть и другие причины для тревог.

Розамунда непонимающе наклонила голову.

— Прошу прощения?

— Мой лорд в опасности, не я. И он так упрям, что не хочет признавать этого!

Розамунда закусила нижнюю губу.

— Сэр, о чем вы говорите?

— Вы ведь знаете, что кто-то покушается на жизнь лорда Хьюго, верно?

— Хотите сказать... — Розамунда испуганно распахнула глаза. — Хотите сказать, тот шип под седлом был...

— Кто-то подсунил чертополох, а сегодня утром кто-то сбросил огромный камень с крыши прямо на лорда! — сообщил Питер. — Кто-то пытается убить его.

— Но зачем кому-то его убивать? — недоумевала девушка. — Такой благородный человек не может иметь врагов...

— Да, но, боюсь, его врагом может оказаться тот, кого лорд Хьюго даже не подозревает, — удрученно повесил голову Питер. Розамунда, пристально вглядываясь в его лицо, вдруг с шумом вдохнула, точно что-то поняла. Ее рука упала с его плеча и взлетела к ее губам.

— О, нет, — задохнулась она. — Нет, разумеется, нет!

— Боюсь, это так, — промолвил Питер убито. — Видит бог, хотел бы я, чтобы все было иначе, но у нее есть и мотив, и возможность...

— Нет, я не верю, что это она! Все говорили, что это была она, когда лорд Джоффри... — Розамунда осеклась, встретившись с Питером взглядом. — Нет! Вы полагаете... Вы правда считаете, что она убила лорда Джоффри, а теперь хочет прикончить и его сына.

— Хотелось бы мне, чтобы это было не так, — мрачно произнес Питер, — но я всерьез переживаю...

— Но почему? — вскричала Розамунда, не дослушав его. — Зачем ей убивать его?

— Мадам Розамунда, она не такая, как другие женщины, — задумчиво сказал Питер, и морщина прорезала его лоб, когда он сдвинул брови. — Я видел ее, приставляющую нож к горлу лорда Хьюго, она связывала его, точно поросенка...

— Но убить мужа!

— Финнула Крейс — не из обыкновенных женщин, от нее нельзя ожидать обыкновенного поведения, — слуга покачал головой. — Нет, мадам Розамунда, я бы назвал Финнулу Крейс опасной женщиной, очень опасной.

Розамунда с трудом сглотнула вставший в горле комок.

— Оа лучший стрелок во всем Шропшире, это правда...

— ...и она не хотела выходить замуж, потому что это помешает ей охотиться...

— ...и я видела ее, выходящую в одиночестве из дома. Она могла подложить чертополох под седло после ужина!

— Я нигде не мог найти ее утром, когда с крыши упал камень!

— О! — Розамунда прижала ладони к губам. — О, это ужасно!

— Но что мы можем сделать? — Питер опустил голову. — Шериф ни за что не арестует ее, он примет ее сторону в любом случае. А я... Я боюсь за жизнь своего лорда, мадам, — он обхватил голову руками.

— Да, — тихо согласилась Розамунда, — мне известно, что шериф защищает Финнулу. Он слишком очарован ею.

— Тогда все потеряно, — обреченно изрек Питер. Но Розамунда, которая почти целый год убеждала отца позволить ей выйти за Роберта, не собиралась сдаваться так легко.

— Нет, — твердо сказала она. — Не все потеряно. Предоставьте это мне, сэр.

— Вам? — Питер изумленно взглянул на нее. — Но вы ведь... Вы ведь хрупкая девушка, мадам. Как вы сможете ее остановить?

— Подождите, — прищурилась Розамунда. — Подождите, и вы все сами увидите.

И Питер кивнул, давая слово так и поступить.

Глава 19

Обещанный Финнулой сюрприз оказался не таким, какого ожидал Хьюго. Во всяком случае, не совсем таким.

Когда пара вернулась в поместье, их встретила миссис Лавер, которая с хитрой улыбкой сообщила им, что все в порядке. Хьюго, будучи не в настроении для тайн и загадок, нахмурился и, заявив, что его жена пока что будет предоставлена сама себе, отправился принимать ванную, чувствуя себя запачканным не только снаружи, но и изнутри. Он не ответил ни на один вопрос Финнулы о словах Питера по дороге, и теперь удалился в крайне мрачном настроении.

Поднявшись в свою спальню и распахнув дверь, Хьюго замер. Пусто. За дверями его встретили лишь голые стены и полное отсутствие какой бы то ни было мебели. Что, теперь и его вещи тоже стали частью костра, так желаемого Финнулой?

Спустившись вниз, мужчина немедленно направился в кухню, где миссис Лавер наводила порядок. При его появлении слуги почтительно склонили головы.

— Где, — прорычал он, — все мои вещи?

— Полагаю, что там же, где и ваша жена, милорд, — учтиво отозвалась экономка.

— И где моя жена? — сердито осведомился Хьюго.

— В спальне лорда, где и пристало быть благородной леди.

Хьюго скривился. Если ему не дадут внятный ответ сию же секунду, его, наверное, хватит удар... К счастью, миссис Лавер, похоже, прочитала эту мысль на его лице, и мягко улыбнулась.

— Леди Финнула велела перенести все ваши вещи в спальню вашего отца, милорд. Очень великодушный поступок с ее стороны, полагаю, если учесть то, что произошло в последний раз, когда она была там. Но она решила, что вам будет это приятно...

Мужчина развернулся и пошел прочь прежде, чем миссис Лавер успела закончить. Он дошел до спальни отца, в которую не входил с тех пор, как покинул Стивенсгейт десять лет назад, и, чуть помедлив, толкнул дверь.

Его кровать стояла там же, где раньше была кровать его отца, напротив камина и ряда огромных окон над ним. Его шкаф стоял на месте шкафа отца, книжные полки висели на

стенах, а медвежья шкура лежала у огня, на ней уютно устроился Толстый Луи. Услышав шаги, пес поднял голову, но затем вновь опустил ее на огромные лапы, увидев, что в комнату вошел Хьюго. Финнула переодевалась, снимая лавандовое платье. Оглядевшись, Хьюго с облегчением понял, что кожаных штанов поблизости не наблюдается.

— Это ты шумел там, внизу? — поинтересовалась она, снимая платье через голову. Сорочка, надетая под ним, слегка перекрутилась и приподнялась, обнажая стройные ноги. — Не очень-то приятно слышать упоминания о себе, сделанные таким тоном, — рассмеялась девушка.

— Я подумал... — Хьюго помолчал, наблюдая за тем, как она вынимает из сундука и расправляет желтое платье. Шарф с изумрудом, данный ей им, по-прежнему был на шее девушки, камень поблескивал у нее на груди. — Я подумал, что ты и мои вещи отправила в костер.

— Да? — Финнула разгладила глубокую складку на платье. — Я сказала, что ты поступил глупо, женившись на мне, но не говорила, что я глупа. Зачем мне сжигать твои вещи? Это лорда Джоффри я ненавидела.

Хьюго подошел к ней.

— И ты вынесла из его комнаты все, чтобы освободить место для меня?

— Ты сказал, что в твоей спальне холодно зимой. И она слишком мала для тебя одного, не говоря уж обо мне. Вот я и подумала, что будет лучше перебраться сюда, — Финнула подняла платье, чтобы надеть его, но Хьюго остановил ее. Девушка вопросительно взглянула на него.

— Милорд? Вам не нравится это платье?

Хьюго оценивающе оглядел платье.

— Нравится, даже очень, но ничто не сравнится с его отсутствием.

Он ловко обхватил жену за талию и притянул к себе. Финнула насмешливо приподняла бровь.

— Ты ведь собирался принять ванную, — напомнила она.

— Нет ни единой причины, по которой я должен делать это в одиночестве, — он широко улыбнулся. — У вас будут какие-то возражения, миледи?

Финнула расхохоталась.

— Ни единого возражения, милорд.

Глава 20

Если на свадьбу Хьюго и Финнулы собралась не вся деревня, то в поле, поглазеть на костер, пришли абсолютно все. Во всяком случае, Хьюго именно так и казалось. Он был поражен числом людей, желавших увидеть, как вещи его отца превратятся в пепел, и был смущен тем, что его отца невзлюбила практически вся деревня. В поле этой ночью вышел каждый, начиная отцом Розамунды, главой деревни, и заканчивая Толстой Мауд, местной проституткой, которая поприветствовала Хьюго игривой улыбкой, несмотря на свои почтенные года.

Кто-то немедленно начал жаловаться, что огонь уничтожит все поле, и тогда овцам будет нечего есть. Хьюго щедро заплатил недовольному. После вечера, проведенного с Финнулой, ему не хотелось ссориться и препираться с кем-то. Да, его жена была обладательницей не самого легкого на свете характера, но, как ни странно, именно она оказалась той женщиной, какую Хьюго искал, но никак не мог найти все эти годы.

После свадьбы в погребах поместья осталась еще не одна бочка эля, и Финнула

приказала вывезти оставшиеся бочонки в поле, чтобы угостить тех, кто придет посмотреть на костер. Это был разумный ход, пришедшие люди, получив кружку эля, веселели на глазах, стряхивая с себя остатки сна — время все же было позднее.

— Очень достойный ход, милорд, — похвалил шериф, делая большой глоток из своей кружки и с наслаждением зажмуриваясь. — Леди Финнула была права в том, что костер из вещей вашего отца согреет не только руки, но и сердца.

Хьюго нехотя улыбнулся. Он вынужден был признать, что план Финнулы все же имел свои достоинства.

— Я слышал, на вашу жизнь покушались вновь, — буднично произнес между тем шериф. Лорд нахмурился.

— Бабские сплетни, — проворчал он. — Чертополох попал под седло, едва ли это такая уж угроза для жизни.

— Не могу с вами согласиться. Многие достойные мужчины погибали, упав с лошади.

— Ну, я не упал.

— Кому-то этого хотелось, — шериф де Бриссак понизил голос, взгляд его посерьезнел. — Я опасаюсь за вашу жизнь, милорд. Кто-то добивается вашей гибели и не успокоится, пока не достигнет своей цели.

— Хватит об этом, — оборвал его Хьюго, увидев, что к ним шагает Финнула. — Не хочу тревожить Финнулу понапрасну.

Шериф внимательно посмотрел на девушку, которая остановилась, чтобы переговорить с кем-то из слуг.

— Боюсь, милорд, я слышал, что ее имя связывают с этими жестокими проделками, — чуть нахмурился он.

— Тот, кто подозревает ее, может отправляться к дьяволу, — заверил его Хьюго. Его рука как бы невзначай легла на рукоятку меча на поясе. — А я прослежу, чтобы его путешествие непременно состоялось.

— Это не решит проблему, милорд, — укоризненно покачал головой шериф. — Винить нужно не сплетников, а того, кто пытается вас убить.

— А я говорю тебе: нет такого человека. Теперь же замолчи, хватит об этом.

Финнула подошла к ним, как только Хьюго закончил говорить. В руках у нее был кубок, который она грациозно протянула Хьюго. Мужчина с улыбкой принял его, вскользь подумав о том, как же женственна и благородна стала теперь его жена. Возможно, ему стоит благодарить ее сестер за это чудесное превращение.

— Шериф, ваша кружка опустела, — заметила Финнула. — Позвольте мне наполнить ее вновь.

Удивленно взглянув на девушку, шериф протянул ей свою кружку, и Финнула наполнила его из стоявшего неподалеку бочонка с таким довольным выражением лица, точно пределом всех ее мечтаний было услужливое обращение с гостями.

— Возьмите, — она протянула кружку шерифу, после чего обратилась к Хьюго. — Милорд, отчего у вас такой кислый вид? Неужели эль вам больше не по душе? — в ее глазах заплясали дьяволята, и Хьюго с усмешкой понял, что никакие советы, данные сестрами, не изменят Финнулу. Пусть на ней и было роскошное красное платье, под прелестным нарядом по-прежнему скрывалась бунтарка и своенравная девчонка, в которую он влюбился, словно глупый юнец.

— Эль мне всегда по душе, — отозвался он. — Так же, как и компания, которую вы,

миледи, можете мне составить, — с этими словами он обнял ее за талию, привлекая к себе, а затем осушил кубок. — Добрые люди Стивенсгейта! — воскликнул он, поднимая пустой кубок. — Вчера вы были гостями на моей свадьбе... — его слова потонули в аплодисментах. Финнула покраснела и улыбнулась. Хьюго не удержался от улыбки, глядя на ее порозовевшие щеки. — Сегодня я пригласил вас для того, чтобы вы все стали участниками еще одного исторического для Стивенсгейта события. С сегодняшнего дня полноправным лордом и хозяином Стивенсгейта становлюсь я, полагая конец правлению моего отца и его наместника, Реджинальда Лароша.

Грохот аплодисментов оглушил его на мгновение, и Хьюго снова поднял руку, призывая к молчанию.

— И, в качестве графа Стивенсгейта, я выношу свое первое распоряжение. Все, что омрачало вашу жизнь до этого дня, отныне будет забыто!

Краем глаза он заметил, что Финнула смотрит на него с неподдельным восхищением, и это придало ему еще больше сил. Он наклонился к жене, с чувством поцеловав ее, а затем вновь обратился к народу.

— И я прошу вас присоединиться ко мне и разделить со мной этот миг! — торжественно провозгласил Хьюго. — Меня очень печалит то, что мой отец не был человеком, сын которого мог бы гордиться им, — он нашел глазами Джейми в толпе, — и я даю слово, что приложу все усилия, чтобы мои сыновья, как и вы все, смогли гордиться мною.

Когда толпа одобрительно закричала, Хьюго повернулся к жене. Он махнул рукой Питеру, стоявшему неподалеку, и тот поднес им факел. Взяв факел из руки слуги, лорд протянул его жене.

— Миледи, — с поклоном произнес он, — эту честь я предоставляю вам.

Финнула застенчиво улыбнулась. Она все никак не могла поверить в то, что теперь настали новые времена, а впереди ждали большие перемены. Приняв факел, она прошептала:

— Благодарю вас.

Толпа, затаив дыхание, наблюдала, как хрупкая девушка, высоко подняв факел, подходит к горе вещей покойного лорда.

Всего лишь одна искра — и ближайшее к Финнуле деревянное кресло загорелось, а затем огонь перекинулся дальше, и вскоре посреди поляны полыхал невиданной высоты костер. Финнула заворожено наблюдала за танцем языков пламени, она даже забыла о безопасности, и Хьюго пришлось вежливо отвести ее в сторону, подальше от опасного жара.

Не только Финнулу заворожил причудливый танец огня, уничтожавшего вещи лорда Джоффри, а вместе с ними и прошлое. Собравшиеся на поле люди больше не шумели, все, как один, смотрели на огонь и, кажется, даже дышали осторожно, словно боясь погасить бушующее пламя. Хьюго никогда в жизни не подумал бы, что в такой толпе возможна тишина.

Вскоре тишина была нарушена, когда Джейми вдруг приблизился к костру и бросил в него кожаный ремень, а затем радостно воскликнул:

— Вот так! — пламя немедленно принялось за ремень, а мальчик просиял. — Никогда больше!..

Люди вокруг заулыбались. Шериф де Бриссак наклонился к недоумевающему Хьюго, заметив его вопрошительный взгляд.

— Это ремень, которым ваш отец порол мальчика за провинности.

Тем временем люди, вдохновившись поступком Джейми, стали подходить к костру и бросать в огонь собственные напоминания об ушедшем прошлом. Хьюго наблюдал, как съеживается и тлеет чья-то рубашка, как раскаляется докрасна железная цепь, как пламя пожирает деревянную лопату. Уничтожая то, что напоминало о тяжелых временах, люди будто становились свободнее, отходили от костра с улыбками. По коже мужчины пробегали мурашки при мысли о том, насколько же нелегко приходилось людям в его отсутствие, и мысленно он дал себе клятву ни в чем не повторять ошибок отца и заботиться о людях, которые волей судьбы оказались под его ответственностью.

Вдруг в толпу раздались возгласы и свист, и Хьюго, подняв голову, увидел, что кто-то швырнул в огонь тряпичную куклу размером со взрослого человека. Приглядевшись к голове куклы, он немедленно узнал знакомые усики — эта кукла представляла собой карикатуру на Реджинальда Лароша. Пестрые тряпки, служившие кукле одеждой, весело вспыхнули, а стоявшие вокруг люди хлопали друг друга по плечам и поднимали кружки эля за «упокой» куклы.

Хьюго повернулся к жене.

— Им стало лучше, как ты думаешь? — его голос звучал неуверенно, Хьюго чувствовал, что теперь не имеет права на ошибку.

Финнула бросила на него короткий взгляд.

— Да, полагаю, лучше.

Хьюго показалось, что за ее словами таится легкая грусть, и решил развеселить жену, поддразнив ее.

— Тогда как ты отнесешься к тому, чтобы отправить в огонь еще одно напоминание о минувшем?

Девушка с любопытством подняла на него глаза.

— Какое напоминание?

Тогда мужчина потянулся к своей охотничьей сумке и вынул из нее вещь, на которую Финнула немедленно вытаращилась, а затем вскричала:

— Ни за что на свете!

Рассмеявшись, Хьюго поднял повыше ее кожаные штаны, чтобы она не могла дотянуться до них.

— Ну как же так, — подмигнул он. — Это ведь тоже символ того, что кануло в Лету. Ты теперь жена лорда, пора принять правду такой, как она есть.

— И в чем же мне ездить на охоту? — возмутилась Финнула, пытаясь вырвать у него штаны. — Что мне надевать во время поездок на лошади?

— Ты будешь носить то, что пристало носить жене лорда, — твердо сказал Хьюго.

Финнула была так сердита, что ее глаза, похоже, вот-вот начали бы метать молнии. Щеки покраснелись, девушка нетерпеливо сдула со лба прядь непокорных волос. Именно такой Финнулу запомнил Хьюго со дня их встречи, в этой, настоящей, Финнуле не было ни тени благородства и хороших манер. Именно такую девушку он полюбил с первого взгляда.

— Да как ты смеешь?! — злилась она. — Как ты посмел взять мою вещь? Я ношу их, потому что в них удобно ездить верхом и охотиться! Почему мужчины могут носить то, что пожелают, — воскликнула Финнула гневно, — а женщины должны закрывать себя вплоть до кончиков пальцев?

На это у ее мужа не нашлось ответа, и он начал было сомневаться в том, что его идея была так уж хороша. Вот только он не мог позволить себе сдаться.

— Нет. Я привез с собой из Египта достаточно шелков, чтобы облачить в них самую королеву. Ты можешь нанять любых швей и потребовать столько юбок и платьев, сколько пожелаешь, но никаких больше штанов.

— Плевать мне на твои шелка! Зачем мне одежда королевы? Я хочу лишь то, что принадлежит мне. Отдай сейчас же!

Мужчина в последний раз покачал головой и, прежде чем успел передумать, бросил кожаные в огонь. Финнула вскрикнула, увидев, как ее любимая вещь падает в неумолимое пламя, а затем ее лицо приобрело выражение такой ярости, какой Хьюго и не помнил.

— О! — выдохнула она. — Ах ты... Ты... — девушка на мгновение потеряла дар речи, не в силах подобрать нужное слово. Она наступала на Хьюго, а он, несмотря на свой огромный рост, вдруг понял, что потихоньку отступает назад. — Ты... Сволочь!

С этими словами она круто развернулась на каблуках и бросилась прочь. Джон де Бриссак, ставший свидетелем их размолвки, тяжело вздохнул.

— Милорд, — покачал он головой, — вы смелее меня. Немногие осмеливались выводить Прекрасную Финн из себя. Разве что Лароши... Да вы.

Хьюго хмыкнул. Он вовсе не чувствовал того счастья, которое, как он думал, принесет ему сжигание злополучных штанов.

— Она не так грозна, как вы думаете, — сказал он, едва ли веря собственным словам. — Я видел и котят, которые были опаснее, чем она...

Мужчина не договорил, отвлеченный знакомым резким звуком. Он вскинул голову инстинктивно, наученный многими годами битв.

Он увидел наконечник раньше, чем тот достиг своей цели, раньше, чем шериф де Бриссак издал предупреждающий возглас. Стрела молниеносно прорезала воздух, и Хьюго поднял руку, чтобы защититься, но было слишком поздно — наконечник уже вонзился в грудь, и мужчина не сумел устоять на ногах, опрокинувшись на землю.

— Милорд!

Шериф де Бриссак кинулся к нему, следом подбежало с полдюжины крестьян, стоявших неподалеку. Хьюго поморгал, глядя на расплывающиеся встревоженные лица, и подумал о том, как иронично вышло: он, проведя десять лет в боях на Святой земле, был сражен стрелой именно тогда, когда уже рассчитывал оставить войну позади. Он открыл было рот, чтобы заговорить, но шериф жестом приказал ему молчать.

— Милорд, вам нельзя говорить, — он приподнял голову Хьюго и подложил под нее свою шляпу. Затем обернулся. — Вы, там! Бегите за леди Финнулой. А вы — за отцом Эдвардом, живо!

Хьюго ухмыльнулся, но улыбка вышла кривой.

— Отец Эдвард? — прохрипел он. Стрела причиняла ему больше боли, чем он предполагал, и Хьюго сжал кулаки, стараясь держаться с достоинством. — Ранение не такое уж и тяжелое, шериф...

— Я велел вам молчать, — перебил его шериф. — Где леди Финнула?

— Наверное, где-то неподалеку, — предположил крестьянин, стоявший поблизости.

— Тогда беги за ней и ты, ради всего святого!

— А вы уверены, что искать ее нужно не вам, сэр? — крестьянин не сдвинулся с места, теперь он указывал на стрелу. — Взгляните на цвет оперения!

Хьюго посмотрел на шерифа — и побледнел.

— Что такое, Джон? — он попытался подняться, желая увидеть, отчего лицо шерифа

вдруг превратилось в каменную маску. — Что? Что с оперением?

— Найдите целителя, — отрывисто приказал шериф. Хьюго схватил Джона за тунику и притянул к себе.

— Говори, — хрипло прорычал он. — Говори, что ты увидел!

— Оперение, — прошептал шериф. — Оно пурпурное.

— И?

— Стрелы леди Финнулы всегда выкрашены в пурпурный, милорд.

Хьюго чуть было не расхохотался.

— Ты шутишь! Она бы ни за что... Не можешь же ты всерьез полагать, что Финнула...

— Ничего такого я не думаю. Прошу вас, милорд, лежите спокойно. Вы теряете кровь...

Мужчина уже понял, что его ранение оказалось серьезным. Перед глазами все потихоньку расплывалось, он уже не мог видеть то, что находилось сбоку от него, четким оставалось лишь то, что было прямо перед ним. Чувствуя, что силы вот-вот покинут его, лорд сделал глубокий вдох. Он должен был предупредить.

— Не позволяй им, — пальцы Хьюго мертвой хваткой вцепились в тунику шерифа, — не позволяй никому добраться до нее.

— Ни за что, милорд, — кивнул Джон. — Не волнуйтесь о ней, ей ничего не угрожает.

— Но люди подумают...

— Я знаю, что они подумают. Предоставьте это мне. Это все моя вина. Я так и не нашел времени съездить в Лизбури, чтобы справиться о Лароше, — шериф говорил короткими, точно рублеными, фразами. — Я обо всем позабочусь. Вам нужно отдохнуть, милорд...

Едва ли таких слов ждал мужчина, но силы стремительно покидали его, он не мог поднять и руки, не то что встать и начать возмущаться.

— Хьюго!

Истошный крик, полный ужаса, мог показаться неузнаваемым, но Хьюго сразу различил в нем знакомые нотки. Последнее, что он увидел, прежде чем его веки налились свинцом и опустились — Финнула, падающая на колени возле него. Ее лицо, на котором страх поставил свою печать, причудливо менялось в бликах огня, но было по-прежнему прекрасно. Мужчина вспомнил их первую встречу. Теперь Финнула была так же красива...

— Хьюго! Нет, о, нет! Хьюго!

Он разомкнул было губы, чтобы сказать что-то, но его язык примерз к небу, а глаза неумолимо закрывались. А затем все исчезло.

Глава 21

Когда Финнула увидела, как глаза мужа закрылись, а голова бессильно мотнулась назад, внутри нее словно что-то оборвалось.

— Нет! — закричала она не своим голосом, пытаясь встряхнуть мужа. — Нет, Хьюго, прошу тебя!

— Моя дорогая, — рука шерифа опустилась на ее плечо, — моя дорогая, вы ничего не можете сделать. Предоставьте это целителю...

Финнула дернулась в сторону, пытаясь вырваться от шерифа, но тут сквозь толпу протолкнулся Роберт, и, увидев лежавшего на земле со стрелой в груди Хьюго, он немедленно схватил сестру за руку и поднял на ноги. Тут подбежали и крестьяне, за которыми спешил целитель, и Финнуле оставалось лишь беспомощно наблюдать за тем, как седовласый старик изучает рану, опустившись на колени возле лорда.

— Стрела вошла глубоко, — старый Грегор тяжело вздохнул, и эта пауза показалась

Финнуле вечностью. — Но сердце не задето.

— Он выживет? — тихо спросил шериф. Финнула упала на грудь брата, рыдая. Роберт прижал сестру к себе.

— Одному лишь богу известно, — откликнулся Грегор, и девушка забилась в рыданиях еще сильнее.

— Что произошло? — всхлипывала она, пока целитель с крестьянами укладывали раненого Хьюго в повозку, чтобы отвезти в замок. — Кто мог сотворить это с ним?

— Едва ли мы получим ответ сегодня, миледи, — сурово заметил шериф. — Сейчас важно доставить его в замок и не тревожить, чтобы...

— Сейчас важно найти преступника! — раздался чей-то голос, и Финнула, оглянувшись, увидела Питера. Он стоял неподалеку, а все собравшиеся смотрели на него во все глаза, точно не ожидая от слуги такой уверенности.

— Да, — дрожащим голосом согласилась Финнула, — Питер прав. Мы должны найти того...

— Мне кажется, это более чем очевидно, — грубо перебил ее Питер. Финнула вздрогнула от неожиданности. Руки Роберта, лежавшие на ее плечах, напряглись.

— Что ты сказал, парень? — рассерженно прогремел он. — Как ты смеешь...

— Да, я смею, — крикнул Питер. — Я смею обвинять твою драгоценную сестренку в попытке убийств лорда Хьюго!

Роберт отпустил Финнулу и ринулся было к Питеру, но шериф де Бриссак бросился между ними, предотвращая, возможно, еще одну попытку убийства. Но, даже когда шериф встал между мужчинами, из толпы раздался возглас:

— Он говорит правду!

Финнула слабо вскрикнула. К ним подошел Майлз Хиллъярд, мэр деревни. В отблесках огня его глаза, казалось, полыхали дьявольским огнем.

— Да! — крикнул он так чтобы слышали все. — Правду! Моя дочь рассказала мне о том, что произошло не далее, чем сегодня днем. На жизнь лорда Хьюго покушались дважды, и оба раза у Финнулы Крейс была потрясающая возможность...

— Это безумие! — оборвал его Роберт. В его голосе слышались раскаты грома. — Вы не знаете, о чем говорите. Моя сестра ни за что не попыталась бы убить своего мужа...

— Правда? — вкрадчиво уточнил мэр. — А что же тогда стряслось с лордом Джоффри? Разве не она вышла за него замуж, и разве не он умер при загадочных обстоятельствах в ту же ночь?

— Так и было, — презрительно бросил кто-то. К Финнуле подошли Патриция, Кристина и Меллана. — Он умер. Но не потому, что его убила наша Финн.

— Никто вообще не сумел доказать, что лорд Джоффри был убит, — бушевал Роберт.

— И никто не доказал, что лорд Джоффри умер... — Меллана взглянула на брата в поисках поддержки. — Как это говорится?

— Насильственной смертью, — подсказал брат. — И это совершенно иное дело! Зачем Финнуле убивать лорда Хьюго? Взгляните на нее, старый вы дуралей, она любит его, это сразу видно!

То ли Майлз Хиллъярд был не в восторге от того, что будущий зять назвал его старым дураком, то ли просто был сыт происходящим по горло, в любом случае он отмахнулся от Роберта Крейса и его сестер, точно от назойливых мух.

— Шериф де Бриссак, — провозгласил он, — я требую, чтобы вы арестовали эту

девушку, как подозреваемую в убийстве...

Толпа издала возглас ужаса, затем послышались крики протеста, но Финнула не обращала на них никакого внимания. Она так и стояла, прижав ладони ко рту и не сводя глаз с мужа, вокруг которого хлопотал целитель. Если он умрет... Если Хьюго умрет...

Мэттью Фэйрчайлд растолкал людей и встал плечом к плечу с Робертом.

— Послушайте-ка! Вы не арестуете леди Финн! Любому идиоту ясно — стрелу выпустила не она!

— Любому идиоту, говоришь? — мэр скрестил руки на груди. Он никогда не принимал критику благосклонно, не говоря уж об оскорблениях, пусть даже и косвенных. — Ну что же, тогда будь так добр пояснить, о чем речь, раз уж я, как вышло, оказался идиотом.

— С радостью, — Мэттью махнул рукой в сторону тела Хьюго, повозка с которым уже отъезжала к замку. — Если бы леди Финнула желала его смерти, она бы не стреляла в него своими стрелами, которые знакомы всякому. Это ведь прямое доказательство вины!

Питер высунулся из-за плеча мэра и коротко хохотнул.

— Она и хотела, чтобы все так считали.

— Финнула — добрейшей души человек, — отчеканила Патриция. — Она скорее руку себе отрежет, чем нападет на человека.

— Добрейшей души! — передразнил Питер. — Да я угодил в ее ловушку и болтался, привязанный к дереву вверх ногами! Чудом спасся!

— Ты же знаешь, что она сделала это, чтобы поймать лорда Хьюго, — Меллана погрозила ему пальцем. — Как бы она взяла его в плен, если бы ты мешался под ногами?

— Меллана, — нахмурилась Патриция, — ты не помогаешь

— И она бы ни за что не стала этого делать, — продолжала Меллана, не обращая внимания на предупреждающий тон Патриции, — если бы не моя просьба. Финнула — самая верная и любящая сестра на свете.

— Любящая, говоришь? — фыркнул Питер. — Так-то твоя любящая сестра обожает своего мужа, что оскорбила его незадолго до того, как в него полетела стрела. Да она назвала его сволочью!

В толпе раздалось бормотание. Все слышали, как Финнула выругалась на кого-то, но причина не была известна никому. Сама же девушка даже не пошевелилась, чтобы хоть как-то защитить свою честь. Ей не было дела до того, что происходит вокруг. Все, о чем она могла думать — Хьюго. Если Хьюго погибнет...

— Я могу доказать, что стреляла не Финнула, — тем временем упрямо крикнула Меллана.

Шериф де Бриссак, с беспокойством наблюдавший за спорщиками, кивнул.

— Продолжай.

— Если бы Финнула хотела убить своего мужа, — произнесла Меллана, — она бы не промахнулась.

Мэр холодно рассмеялся.

— Вы слепы, мадам? Она не промахнулась! Она ранила его!

Тут Патриция поняла, что Меллана имела в виду, и вскричала:

— Она не попала в сердце, как вы не понимаете! Финнула — лучший стрелок во всем Шропшире. Она ни за что бы не промахнулась, да еще и с такого расстояния.

— Чушь! — Хиллъярд хлопнул в ладоши. — Это безумие! Шериф де Бриссак, вы арестуете девчонку, или мне придется сделать это самому?

Джон де Бриссак сделал глубокий вдох и посмотрел на Финнулу. Она опустила руки, до этого прижатые ко рту, и стояла, точно статуя. Глядя на блики догоравшего костра, девушка могла думать лишь о том, что, если Хьюго умрет... Если Хьюго умрет...

Тогда и она умрет вместе с ним. И не потому, что ее повесят за его убийство.

— Я должна пойти к нему, — пробормотала она, внезапно двигаясь с места и порываясь пойти следом за давно уехавшей повозкой.

— Нет, Финнула, — шериф остановил ее, взяв под руку. — Пусть о нем позаботится Грегор. Ты ничего не можешь сделать...

Девушка покачала головой, глядя на шерифа невидящим взглядом.

— Вы не понимаете. Я должна пойти к нему. Я его жена.

— Нет, Финнула, — шериф набросил на плечи Финнулы плащ Хьюго, оставшийся в его руках. Девушка не шелохнулась.

— Я должна идти, — повторила она бесцветным голосом, а затем шагнула в сторону тропинки. Тут перед ней вырос Питер.

— Стой, где стоишь, убийца! — воскликнул он. — Шериф, вы не можете отпустить эту женщину! Она сбежит и спрячется в лесу, это ее второй дом, всем это известно...

Финнула отшатнулась от слуги и упала прямо в объятия шерифа.

— Леди Финнула никуда не пойдет, парень, — в его голосе зазвенел металл. — Твои домыслы...

— Домыслы! — возмущенно перебил шерифа мэр. — Джон, о каких домыслах ты толкуешь? Эта девчонка всегда была не в себе, абсолютно каждый может подтвердить это. Что за женщина станет одеваться так вызывающе? Что за женщина шатается по лесам, отстреливая дичь, принадлежащую графу?

— Вы охотно ели дичь, отстреленную моей сестрой, мэр, — напомнила ему Патриция как бы невзначай.

Роберт выпрямился во весь рост, грозно нависая над мэром.

— Я не допущу этого, — прорычал он. — Кто-то выстрелил в лорда Хьюго, но это была не моя сестра. Может быть, вам стоит попытаться приложить свой острый ум к поискам настоящего убийцы?

— В этом нет нужды, — заверил его мэр. — Очевидно, что виновна эта маленькая дрянь. Ее следовало повесить еще год назад, когда она расправилась с лордом Джоффри...

В толпе вновь послышались шепотки и бормотания.

— Ничего подобного, — не согласился Роберт. — Кто-нибудь видел мою сестру с луком этим вечером? Кто-нибудь может с полной уверенностью сказать, что именно моя сестра стреляла в лорда Хьюго?

Разговоры разом стихли, но Питер ни капли не смутился. Он с вызовом вздернул подбородок:

— А может ли кто-нибудь вообще назвать человека, который пришел бы сюда с луком?

Роберт скрестил руки на груди.

— Моя сестра не брала с собой ни лука, ни стрел. Но двери поместья Стивенсгейт не заперты, значит, кто угодно мог пробраться туда и стащить ее стрелы.

— Кто угодно, это верно, — согласился Питер. — Вот только кому, кроме нее, это нужно?

— Это бессмысленный спор, — перебил мужчин мэр Хиллъярд. Он указал на Финнулу, которая стояла, глядя в сторону замка и, кажется, даже не прислушиваясь к разговорам

вокруг нее. — Она преступница! И ее должно ждать правосудие. Если лорд Хьюго скончается, она будет осуждена за его убийство. Если выживет — то за попытку убийства. Так или иначе, она будет повешена...

Шериф де Бриссак выступил вперед, как бы невзначай касаясь рукоятки меча, тем самым повторяя жест Хьюго.

— Довольно, мэр. Я отведу леди Финнулу к себе...

— Она будет в вашем доме? — изумился мэр. — Зачем? Ее следует бросить в тюрьму, как и любого другого преступника.

— Она — жена лорда Стивенстейта, — повысил голос шериф. — Тюрьма — не место для леди.

— Не место для женщины, убивающей собственных мужей? — мэр аж покраснел от злости. — Шериф, вы меня разочаровываете. Вы тоже угодили под чары этой ведьмы! Финнула Крейс — исчадие ада, она молится дьяволу...

Шериф де Бриссак устало поднял руку.

— Вы забываетесь, мэр.

Патриция бесстрашно прошагала к мэру и, остановившись перед ним, взглянула ему в глаза.

— Я прекрасно понимаю вашу позицию, сэр, — холодно сообщила она. — Ваша дочь помолвлена с моим братом, чем вы недовольны. Вы, разумеется, предпочли бы найти для Розамунды более выгодную партию, чем сын мельника, и теперь пытаетесь очернить его семью, чтобы найти повод помешать этому браку.

Мэр недобро сощурился на нее.

— Что вы сказали, мадам?

— Вы хотите, чтобы я повторила? Что же, с радостью скажу вновь, только чуть громче, что вы так охотно обвиняете во всем Финнулу лишь потому, что не хотите видеть Роберта своим зятем.

Разгневанный мэр начал было отвечать на это утверждение нецензурной бранью, но шериф оборвал его, не дав договорить.

— Страж порядка, назначенный королем, здесь я, — напомнил он присутствующим. — Мэр Хилльярд, устанавливать законы в графстве — не ваша прерогатива, вы им подчиняетесь. А я говорю, что леди Финнула не окажется в тюрьме, потому что вина ее не доказана.

Мэр, кажется, собирался оспорить это решение, но предусмотрительно закрыл рот, увидев, что зятя Роберта и с полдюжины людей лорда Хьюго угрожающе поигрывают мышцами. Люди любили Финнулу и не допустили бы ее казни или заключения под стражу. Она помогла им пережить голодную зиму, и теперь они готовы были отстаивать честь своей леди Финн. Мэр понимал это, как бы сильно ему не хотелось закрыть глаза на этот факт.

— Майлз, — окликнул мэра муж Патриции, — чтобы духу твоего в моем пабе не было.

Мэр начал было что-то бормотать в ответ, но договорить ему снова не дали.

— Леди Финн никогда в жизни не будет сидеть в тюрьме, — крикнул кто-то из фермеров. Толпа ответила согласным выкриком.

— Хорошо! — рявкнул мэр, швыряя свою шляпу на землю. — Да будет так! Если лорд Хьюго умрет, а она сбежит, это будет вашей виной, а не моей!

Финнула, придерживая на плечах плащ шерифа, наблюдала за спором, в котором решалась ее судьба, с таким безразличием, точно речь шла не о ней, а о какой-то другой

женщине. Все ее мысли были в поместье Стивенсгейт, где лежал Хьюго. Что с ним будет? Выживет ли он? Кто выстрелил в него? Мысли роились в ее голове, не давая девушке покоя.

Когда Патриция обернулась, Финнула едва ли обратила внимания на то, что слова сестры касались ее.

— Финнула, да что с тобой такое? Где твой характер? Они обвиняют тебя во всех смертных грехах, а ты стоишь, словно изваяние! Скажи, что ты никого не убивала. Скажи им!

Впервые в жизни Финнула, которая никогда не лезла за словом в карман, ничего ей не ответила. Ее взгляд был прикован к замку, где в окнах спальни лорда загорелся свет. Она вглядывалась в освещенные пламенем камина квадратики, но не видела никаких движений. Неужели Хьюго остался совсем один? Неужели рядом с ним никого нет?

К девушке подошел шериф и тихо сообщил, что ей придется поехать с ним. Финнула безучастно кивнула, не сводя глаз с окон спальни Хьюго.

— О, Финнула! — зарыдала Меллана, прижимая руки к груди. — Прости меня за то, что тебя снова арестовали! Это все моя вина! Если бы я не попросила тебя взять его в плен ради выкупа...

— Меллана, — строго процедила Патриция, — закрой рот.

Бринн, молчавшая все это время, подошла к Финнуле и положила руку на ее плечо.

— Финнула, милая, скажи мне, что я могу для тебя сделать. Конечно, я буду приглядывать за лордом Хьюго, но что еще? Может, я могу принести тебе что-то, пока ты будешь в доме у шерифа?

Финнула по-прежнему молчала. Шериф подвел свою лошадь и терпеливо дождался окончания всех прощаний. Сестры и их мужья подходили к ней и что-то говорили, но все слова пролетали мимо ушей девушки, которая смотрела лишь на замок, словно желая поддержать Хьюго хотя бы так.

— Это так просто не пройдет, — проворчал Роберт, исподлобья глядя на улыбающегося до ушей Питера, который поздравлял мэра с победой над хрупкой бледной девушкой.

— Не тревожьтесь, Роберт, — понизив голос, ответил ему шериф, — правда выйдет наружу. А вашей сестре сейчас лучше остаться у меня. Боюсь, что тот, кто хотел смерти лорда Хьюго, не успокоится, пока не достигнет своей цели, а после этого может приняться и за леди Финнулу. В моем доме ей будет безопаснее, нежели в поместье.

Роберт кивнул.

— Меня не отпускает страх за лорда Хьюго. Я думал, его отца сжил со свету Реджинальд Ларош, но теперь мне думается, что враг прячется за личиной друга.

— Я прикажу выставить охрану у комнаты лорда Хьюго, — заверил его шериф. — Никто не помешает целителю заботиться о раненом, разве что наш убийца — призрак, способный проходить сквозь стены...

Когда шериф с Финнулой уже сидели на лошади, мэр самодовольно ухмыльнулся.

— Джон, вы забыли веревку, — насмешливо окликнул он. — Преступник не должен иметь возможности сбежать или напасть на вас, не так ли?

— Рядом со мной нет преступников, — коротко откликнулся шериф, — они пока что радуются свободе. Пока что, — затем он коснулся плеча Финнулы. — Прямо как в прошлый раз, верно?

Девушка слегка улыбнулась на эту шутку, но улыбка ее увяла, когда мэр прокашлялся.

— Шериф, вам не кажется, что руки заключенных нужно связывать? Ваша подопечная

может прятать нож в рукаве своего прелестного платья, вам стоило бы не сажать ее перед собой, а привязать к лошадиному хвосту и заставить идти следом...

— Отец! — вмешалась вдруг Розамунда, до сих пор бывшая безмолвной свидетельницей происходящего. — Зачем такая жестокость?

— Жестокость? Эта девка — убийца! Она хладнокровно воткнет нож и в доброе сердце шерифа! Она уже заслужила казнь за убийство, какая ей разница, скольких людей еще убивать?

— Отец!

— Дитя мое, я не понимаю тебя. Ты умоляла меня арестовать ее, — мэр покачал головой, — а теперь защищаешь ее?

— Отец! — Розамунда вот-вот готова была расплакаться, но, к несчастью, Роберт прислушивался к их разговору очень внимательно.

— Нет-нет, не перебивай отца, Розамунда, — почти ласково проговорил он. — Я хотел бы услышать то, что собирался сказать наш достопочтимый мэр.

— Ха, — мэр расправил плечи, довольный тем, что его наконец-то пожелали выслушать. — Когда сегодня моя Розамунда вернулась с мельницы с совершенно дикой историей о падающих с крыши камнях и шипах под седлами, я едва ли понимал, чему верить. Но, должен сказать, и теперешним поворотом событий я озадачен не меньше, а потому согласен со своей дочерью в том, что Финнула Крейс — преступница, имевшая и желание расправиться с лордом Хьюго, и возможности для этого

— Вот оно что, — понимающе кивнул Роберт, не сводя пристального взгляда с Розамунды. — Мадам, я могу сказать вам теперь лишь одно. Судя по вашей выходке, вы мечтаете о разрыве нашей помолвки...

— Что? — задыхнулась Розамунда. — Роберт, нет!

— Я освобождаю вас от данного тобою слова, — продолжал Роберт, — и желаю вам долгих лет жизни и счастья, — сказав это, он отвернулся. — Очевидно, я недостаточно хорош для вас и не могу дать того, чего вам хочется, — бросил он через плечо и направился по дороге, ведущей к поместью.

Розамунда бросилась на шею мэра.

— Отец! — сквозь слезы вскрикнула она. — Что я натворила!

— Тише, дитя мое, — погладил ее по голове мэр, — ты избавила себя от многих неприятностей в жизни. Он и вполтину не был хорош для тебя. Шериф! — крикнул он, обращаясь к Джону де Бриссаку, слышавшему всю перепалку. — Почему руки преступница до сих пор не связаны? Я настаиваю на...

Но шериф был не в настроении вступать в перепалки и прервал разговор, пришпорив коня. Теперь, когда его присутствие больше не было необходимо, он не собирался продолжать бессмысленные препирательства.

— Вернитесь сейчас же! — рассерженно прогремел мэр. — Я требую, чтобы вы развернули лошадь!

На его слова не последовало никакой реакции.

Глава 22

Когда мужчина, назвавший себя его отцом, упал, пораженный стрелой, Джейми убежал и спрятался, зная, что в произошедшем виноват он.

Это была его вина, потому что он знал об опасности. Он видел, как кто-то столкнул камень с крыши. Он знал, что кто-то пытался убить лорда Хьюго. Он должен был сказать обо

всем шерифу, который был так добр, что брал его с собой на рыбалку. Он должен был хотя бы предупредить обо всем хотя бы леди Финнулу, которая никогда не ругала его за то, что он такой чумазый, и иногда учила его стрелять из лука. Он должен был рассказать своему отцу о том, что знал.

Но он никому ничего не сказал, вместо этого спрятавшись в замке, словно маленький ребенок, под столом, уставленным пустыми пивными кружками. Когда он вылез, ни шерифа, ни леди Финнулы поблизости не было, и ему не с кем было поговорить. Чем он лучше плутоватого кота, который стягивает со стола мясо, стоит хозяевам отвернуться? Он ничего не сделал, чтобы уберечь отца от ранения.

А теперь его отец лежал на огромной кровати в спальне лорда Джоффри, и целитель хлопотал над ним, пытаясь вернуть к жизни. Прибежав в замок, Джейми краем уха подслушал разговоры слуг. Целитель сказал, что лорд Хьюго выживет, и мальчик, преисполнившись надежды, взялся за меч, оставленный кем-то из рыцарей в большом зале.

С трудом удерживая в руках оружие, Джейми направился к спальне лорда. Теперь он будет охранять отца и не даст злоумышленнику добраться до лорда Хьюго. Конечно, у него не хватило бы сил, чтобы размахнуться и как следует ударить кого-то мечом, но ткнуть им противника Джейми вполне мог бы. Или ударить по ногам. Он обезвредит преступника, а как только леди Финн или шериф вернутся — расскажет все и им.

Никто не заметил Джейми, идущего к комнате, где лежал Хьюго. Мальчика вообще редко замечали, если он сам того не хотел. Этим искусством он овладел в совершенстве еще несколько лет назад, когда ему приходилось прятаться от лорда Джоффри. Это был единственный способ не быть оттасканным за уши просто так, и Джейми научился растворяться в воздухе при одном лишь звуке шагов старого лорда. А его бледного лица никто не замечал, потому что оно всегда было покрыто грязью.

Когда лорд Джоффри умер, Джейми не прекратил прятаться — вместо этого он начал скрываться от месье Лароша и его дочери. Нет, наместник никогда не бил его, но это лишь потому, что ему не под силу было поймать Джейми. А вот с мадмуазель Ларош была совершенно другая история. Ловкая и быстрая, она хватала Джейми, ее ногти впивались в его плечо, и она охаживала его по спине своим гребнем. Однажды леди Финн поймала ее за этим занятием и пригрозила проткнуть гребнем саму Изабеллу. С тех пор дочь наместника никогда не била Джейми на улице, от нее ему доставалось только в замке, где леди Финн ничего не видела.

В ожидании шерифа мальчик мерил шагами площадку перед дверями в спальню. Теперь, когда он знал, что лорд Хьюго не умрет, ему уже было не так страшно. С того дня, как вернулся лорд Хьюго, Джейми ни разу не били. Никто даже не угрожал ему тем, что он будет побит. Он не хотел, чтобы лорд Хьюго умер — и поэтому ему было ужасно стыдно за себя и за свое молчание.

Но он все расскажет! Он обо всем расскажет шерифу и леди Финн, когда они вернутся в замок, и все будет хорошо.

Из спальни доносились шаги целителя и вопросы миссис Лавер: «О! Разве это нужно ему сейчас, Грегор? А что, если сделать вот так, Грегор?». В ответ целитель только ворчал себе под нос, что от женщин никакого толку. Поразмыслив, Джейми молча согласился с ним, ведь и в его жизни большинство неприятностей происходили из-за женщин. Ну, за некоторым исключением.

Когда на лестнице послышались шаги, Джейми отступил поглубже в темноту и

вцепился в рукоятку меча. Он очень надеялся, что это будут шериф или леди Финн, но, как оказалось, он ошибся. Это был Питер, слуга лорда Хьюго, который раньше жил в Лондоне. Питер был очень высокого мнения о себе. Он не бил Джейми, но мальчик считал, что это лишь потому, что Питер считал себя выше всего этого. Сам Джейми не был впечатлен ни бархатной туникой Питера, ни его лондонским акцентом. Слуга лорда Хьюго нравился бы Джейми куда больше, если бы в первые дни своего появления в замке жаловался меньше.

Питер уверенно прошагал к двери и, не замечая Джейми, потянулся, чтобы открыть ее.

Мальчик, твердо решивший не дать никому потревожить лорда Хьюго, сжал меч покрепче, занес над головой и...

...и выронил его с оглушительным звоном. Взмокшие ладошки не удержали холодную сталь, и Питер вздрогнул при звуке падающего меча.

— Какого черта ты тут делаешь? — возмутился он, увидев мальчика. — Ты что, собирался напасть на меня?

Джейми храбро посмотрел ему в глаза.

— Тебе нельзя в комнату отца.

— Отца? — фыркнул Питер. — Забавно! Лорд Хьюго — твой отец?

Услышав шум, миссис Лавер выскочила в коридор. Взглянув на стоявших у дверей Питера и Джейми, экономка нахмурилась.

— Что это еще такое? Что вы тут делаете? — тут она заметила меч, лежавший на полу возле Джейми. — Что за игры вы тут затеяли, когда лорд Хьюго на волоске от смерти? Джейми, дай сюда... — она потянулась за мечом, и Джейми покорно протянул ей оружие. — Мне стыдно за вас! Ты, Питер, должен вести себя мудрее. Подавай пример младшим! А теперь идите отсюда и не мешайте Грегору.

С этими словами она скрылась в спальне, тихо, но плотно прикрыв за собой дверь.

— Ну и зачем ты взял меч? — осведомился Питер, прислонившись к стене и глядя на Джейми снизу вверх. — Ты думал, я хочу навредить лорду Хьюго?

Джейми упрямо сжал губы, всем видом показывая, что говорить не станет.

— Ладно, — пожал плечами Питер. — Я мог бы заставить тебя заговорить, если бы захотел, я ведь старше и умнее тебя.

Джейми ничего не ответил. Он хотел бы что-нибудь наврать... Вот только врал он плохо, а потому решил молчать до конца.

— Так что там насчет того, что лорд Хьюго — твой отец? — ласково улыбнулся Питер. Но Джейми было не так просто провести, мадмуазель Изабелла тоже очень мило улыбалась — а затем била его гребнем. — Он назвал тебя своим сыном? — требовательно повторил Питер и рассмеялся, когда мальчик ничего не ответил. — Едва ли ему очень понравился бастард, бегающий по замку без дела и покрытый слоями грязи, из-под которой одни лишь глазенки блестят...

Это задело Джейми, и он, позабыв о своем намерении, вскинул голову.

— Да, — бросил он. — Да, лорд Хьюго назвал меня своим сыном.

— Правда? — заулыбался Питер. — Значит, если он умрет, ты станешь наследником?

Джейми не понял, о чем говорил этот самоуверенный парень, а потому решил, что пора убегать, пока его не побили.

— Ну? Мальчик, отвечай же. Лорд Хьюго сказал что-нибудь о наследстве? — допытывался Питер. — Нет... Нет, — пробормотал он себе под нос, — у него будут законные наследники от этой рыжей ведьмы. Ты ему не нужен. Но нам нельзя упускать

шансов...

И Джейми бросился прочь. Он не знал, что заставило его убежать, но в голосе слуги лорда Хьюго было что-то такое, от чего волосы на затылке мальчика вставали дыбом.

Смеясь, Питер погнался за ним.

Глава 23

Лишь когда они оказались достаточно далеко, и мэр больше не мог их слышать, жена лорда Стивенсгейта разрыдалась, спрятав лицо в ладони. Желая успокоить девушку, шериф неловко похлопал ее по плечу. Этот жест напомнил Финнуле о том, как шериф обычно успокаивал свою лошадь, Винни, хлопая ее точно так же по загривку. Если бы ей не было так горько, он бы непременно рассмеялся.

— Ну, ну, — пробормотал шериф. — Все не так уж и плохо. Нельзя так расстраиваться из-за слов мэра Хиллъярда. В конце концов, лорд Хьюго жив...

— Надолго ли? — всхлипнула Финнула.

— Только богу известно, — вздохнул шериф, — но он ведь молод и полон сил. Он проживет долго и счастливую жизнь, если только вы не сведете его в могилу раньше.

Неловкая попытка пошутить вызвала у Финнулу лишь еще больший приступ рыданий. Она вспомнила о том, что случилось, когда муж бросил в огонь ее штаны.

— О! — простонала она. — Я так его ругала!

— Вы едва ли делали это специально, миледи, — смущенно произнес шериф, которому стало стыдно за глупую шутку. — Убийце это было лишь на руку, но вы были расстроены... Вы были так сердиты, что со стороны могло показаться, будто вы хотите убить его голыми руками.

— Я очень разозлилась, — согласилась Финнула, затем встревоженно обернулась к шерифу. — Вы ведь не думаете, что это была я? Убить мужа из-за каких-то штанов! Ни за что на свете!

— Ничего подобного я не думаю, — шериф слабо улыбнулся. — Но, боюсь, тот, кто действительно покушался на жизнь лорда Хьюго, выбрал очень подходящий момент.

— Представить не могу, кто бы это мог быть, — Финнула потерянно смотрела на дорогу. Ей стало чуть легче, она выпрямилась в седле. — Кто может ненавидеть Хьюго настолько, чтобы желать его смерти? — вслух размышляла она. — Он лишь несколько дней назад вернулся в Стивенсгейт...

— Полагаю, я знаю человека, который мог стоять за этим, — произнес шериф де Бриссак задумчиво, — вот только странно, что он сам не объявился, чтобы обвинить во всем вас, как уже сделал это однажды.

— Вы имеете в виду Реджинальда Лароша? — Финнула покачала головой. — Зачем ему убивать Хьюго? Из-за того, что он выгнал его из замка?

— Этого вполне достаточно.

— Но чего еще он ожидал от Хьюго? Месье Ларош обманывал лорда Джоффри и воровал деньги, возможно, даже убил его...

— Именно. А лорд Хьюго пригрозил ему расправой за это.

— Это не причина, чтобы убивать человека!

— Люди убивают друг друга и по более глупым причинам, — сумрачно откликнулся шериф.

— Но...

— Вполне возможно, что месье Ларош надеялся стать хозяином поместья после смерти

Хьюго...

— Этого не может быть, — перебила Финнула, — ведь Джейми...

— Лорд Хьюго назвал его своим наследником? Думаю, нет. Ларош имеет право претендовать на титул...

Финнула охнула.

— Но это ведь преступление!

— И самый привычный Ларошу способ добиться своего. Его друзья покрывают его...

— Правда? — снова перебила шерифа девушка. Ей было сложно даже представить, что у такого человека, как Ларош, могут быть какие-то друзья, особенно, богатые и влиятельные, но, с другой стороны, к богатству и влиятельности он и сам стремился.

— Да. Его сестра, к которой он поехал, замужем за кузеном любимой фрейлины королевы.

Финнула лишь фыркнула.

— Все не так просто, миледи, — нахмурился шериф. — Такие связи имеют больше значения, чем кажется на первый взгляд, и король будет благосклонен...

— Любый король, который отдаст предпочтение Ларошу, а не Хьюго — просто идиот, — отрезала девушка. Шериф усмехнулся.

— Ах, моя дорогая. Вам нужно следить за словами, если вы хотите стать достойной женой для лорда.

Финнула поджала губы. Что, теперь ей всегда будут напоминать о том, какая она никчемная жена? Это совершенно нечестно! Вот, пожалуйста, мало того, что ее хотят обвинить в убийстве мужа, так теперь еще и говорят, что она — плохая жена для Хьюго. Раньше она боялась лишь того, что шериф арестует ее за охоту, а теперь ей всерьез грозили виселица и позор, причем последнее еще и падет на ее семью...

— Вы должны остановить Лароша, Джон, — прошептала она, чуть дыша. — Он не успокоится, пока не получит желаемого, он уже убил однажды... Хьюго в опасности! Если бы вы только отпустили меня! О, я поймала бы Лароша в сило...

— В опасности не только лорд Хьюго, моя дорогая, — серьезно произнес шериф. — Именно поэтому я и везу вас к себе. Вас обвиняют в убийстве, несмотря на то, что никаких свидетелей этому не было. Если люди узнают, что вы бегаєте по лесам, вам несдобровать, никто не поверит ни единому слову о силках и Лароше.

— Но...

— Довольно! Я лично отыщу месье Лароша — уверен, я справлюсь без твоей помощи. Финнула — и тогда мы прольем свет на произошедшее.

— А сегодня... — девушка вновь всхлипнула, — а сегодня вы вернетесь в замок и проверите, как там Хьюго, да? Вдруг он... Он же не...

— Разумеется, моя дорогая, — шериф погладил ее по плечу. — Я не отойду от его постели.

Финнула, слегка расслабившись, вдруг поняла, как сильно устала. Долгий день, начавшийся рано утром и еще не закончившийся поздно ночью, длился, казалось целую вечность. Девушка глубоко вздохнула. Несмотря на все безумие происходящего, ночь оставалась прежней — тихой, спокойной, знакомые звуки идущей своим чередом жизни лесных обитателей, все это успокаивало и дарило ощущение чего-то надежного...

Вдруг девушку отвлек незнакомый звук. Это не был ни треск сучка, ни кваканье лягушки, ни шаги Винни, ни покашливание шерифа... Финнула испуганно обернулась и

оставилась в темноту. Ничего. По спине ее пробежали мурашки.

— Что такое? — вежливо спросил шериф.

— Я не знаю, — выдохнула Финнула, — но я чувствую, что за нами кто-то следит. Мне показалось, я слышала дыхание...

Шериф пришпорил лошадь.

— Кто здесь? — крикнул он, хватаясь за рукоятку меча. — Выйди, или молись богу!

Они оказались на залитой лунным светом поляне, где шериф остановил Винни и огляделся. Тяжелое дыхание по-прежнему оглушало Финнулу. Неужели Реджинальд Ларош преследует их, готовясь расправиться с теми, кто хочет обвинить его в совершенном преступлении?

Дыхание стало чуть громче, и Финнула не удержалась от вскрика, когда на поляну из чащи вылетел...

Нет, ни Реджинальд Ларош и ни призрак, о котором дети рассказывают страшилки, а ее собственный пес.

— Толстый Луи! — от облегчения Финнула чуть было не расплакалась снова, а затем ее охватил смех. — Ох, Толстый Луи!

Собака, тяжело дыша, подбежала к хозяйке, услышав свое имя. Шериф де Бриссак хмыкнул.

— У вас очень верные соратники, миледи, — с улыбкой заметил он, убирая руку с рукоятки меча. — Помнится, этот пес провожал нас, когда я увозил вас из поместья в прошлый раз.

Финнула улыбнулась, вспомнив об этом.

— А ваша матушка заперла его на кухне, где он съел все масло, — свесившись с лошади, она погладила собаку. — Хороший мальчик! Шериф, можно, он останется со мной?

Она умоляюще взглянула на мужчину, и тот философски пожал плечами. Обычно преступникам не позволялось брать с собой в тюрьму животных. Но ведь Финнула не была преступницей, да и ехали они не в тюрьму, а к его матери. Что же до мадам Клариссы де Бриссак, она будет недовольна в любом случае.

Глава 24

Когда лорд Хьюго сумел открыть глаза, солнце уже было высоко, заливая окрестности ярким светом и согревая спальню. С трудом повернув голову, которая, казалось, была налита свинцом, Хьюго увидел огонь, разведенный в камине. Вот, почему в комнате так жарко... Да еще кто-то решил накрыть его волчьей шкурой, и теперь Хьюго чувствовал себя так, будто его варили на медленном огне. В горле пересохло, точно он наелся песка. Даже самое худшее похмелье не шло ни в какое сравнение с тем, как отвратно он чувствовал себя теперь. Кое-как попытавшись выпростать руку из-под шкуры и оттолкнуть ее, но сил на это было недостаточно.

— Вы пришли в себя!

Этот голос нельзя было спутать ни с одним другим. Хьюго чуть поморщился от громкого звука.

— Де Бриссак, — пробормотал он, снова закрывая глаза. — Убери с меня эти проклятые шкуры.

— С радостью, милорд, с радостью.

Хьюго с облегчением вздохнул, когда тяжелые шкуры поднялись и дали ему возможность вздохнуть полной грудью. Затем он приоткрыл один глаз и, настороженно

покосившись на шерифа, поинтересовался:

— Где моя жена? — раздражения в его голосе оказалось больше, чем он предполагал. — Почему я просыпаюсь возле тебя, а не возле нее?

— Вы не помните, милорд? — нет, Джон де Бриссак определенно говорил слишком громко. От каждого произнесенного им слова голова Хьюго буквально раскалывалась. — Да, ну что же... — шериф потер лоб. — Вы, должно быть, потеряли счет времени. Неудивительно, вы лежали без сознания почти два дня, милорд. Мы за вас очень волновались, милорд, я и миссис Лавер...

Хьюго перебил его, сквозь сжатые зубы проговорив:

— Где. Моя. Жена?

— Она в безопасности, милорд, в полной безопасности. Не беспокойтесь за нее. Конечно, моя матушка нашла для нее много дел по хозяйству, и леди Финнула едва ли в восторге от этого...

Хьюго открыл и второй глаз и мрачно уставился на шерифа.

— Ваша матушка? — переспросил он, прерывая путаное объяснение шерифа. — Почему моя жена сидит с вашей матерью, а не здесь, со мной?

— Потому что она арестована, если можно так выразиться.

— Арестована? — не поверил своим ушам Хьюго. Забыв о боли и тяжести во всем теле, он сел на кровати. — Ты сказал «арестована»? За что, черт подери?

— За попытку убить вас, — кротко отозвался шериф, протягивая Хьюго чашу с водой. — Не хотите пить, милорд?

С поразительной быстротой Хьюго потянулся вперед и вышиб из руки шерифа чашу. Вода расплескалась по полу, а медная чаша со звонким стуком покатила в сторону.

— Довольно! — рявкнул мужчина. — Хватит играть со мной в игры! Говори, что произошло, и не вздумай меня обманывать. Финнула арестована?

Слегка испуганный, Джон де Бриссак нагнулся за чашей.

— Да.

— Если ты отправишь ее в тюрьму, — взвился Хьюго, — клянусь богом, я убью тебя!..

— Нет, милорд, — терпеливо возразил шериф, отойдя, впрочем, на безопасное расстояние. — Ваша жена сейчас у меня дома, за ней приглядывает моя мать, только и всего...

— Но ты арестовал ее? — гневно спросил лорд. — Черт тебя подери, Джон, ведь ты знаешь, что не она хотела меня застрелить!

— Знаю, милорд, — наполнив чашу вновь, шериф опять протянул ее лорду. — Ее обвиняю не я, а мэр, и, в связи со сложившимися обстоятельствами, я решил, что будет мудрее забрать Финнулу подальше от людей, желающих отправить ее под суд. К тому же, тот, кто пытался убить вас, может попытаться расправиться и с ней.

Хьюго, приняв чашу, лишь пожал плечами.

— Мэр будет повешен.

— Милорд, — укоризненно покачал головой шериф, — нельзя казнить человека за желание быть справедливым.

— Правда? — приподнял бровь Хьюго, затем с наслаждением сделал пару глотков прохладной воды. — Если его справедливость приводит к аресту моей жены, думаю, очень даже можно.

— Тогда мне придется арестовать и вас, милорд, — вздохнул шериф. — И вам уже

никак не избежать тюрьмы и местных крыс.

Хьюго сделал еще пару глотков, затем вернул чашу шерифу и откинулся обратно на подушки. Он ни за что бы не подумал, что такие простые действия вроде попытки сесть могут так его измотать.

— А если я прикажу тебе, ты отпустишь ее?

— Нет, милорд, — повторил шериф, заботливо подтыкая одеяло на постели лорда. — Для леди Финнулы пока будет лучше оставаться там, где она сейчас.

Сумрачно взглянув на Джона, лорд нахмурился.

— Ты ведь не все мне рассказал. Договаривай.

Шериф де Бриссак вздохнул.

— Мы — я и ваша супруга — полагаем, что за попыткой убийства стоял никто иной, как Реджинальд Ларош...

— Разумеется, — проворчал Хьюго, — о нем нам и следовало подумать в первую очередь. Он ведь еще тогда сказал, что я еще о нем услышу.

— Возможно, он решил привести ту угрозу в исполнение. Мне думается, он хотел убить вас, а затем обвинить вашу жену в преступлении.

— Я убью его, — спокойно пообещал Хьюго. Шериф озабоченно покачал головой.

— Все не так просто, милорд. Сперва вам надо его найти, а он, судя по всему, решил исчезнуть с лица земли.

Хьюго саркастически усмехнулся.

— Что? Неужели он не сдержал обещания и не остался у сестры в Лизбури? — он притворно заохал. — Как же так, шериф, разве вы не провели его, как собирались?

Джон скривился.

— Я сгупил, думая, что он уйдет с миром т нас. Его сестра из Лизбури сказала, что ни сам Ларош, ни его дочь не появлялись на пороге ее дома. Куда бы они ни направились, теперь мы их не сумеем найти.

— Значит, Ларош черт знает где, а мою жену обвиняют в совершенном им преступлении, — усмешка Хьюго поблекла. — Это так не пройдет, Джон. Как только я встану на ноги, из-под земли его достану и собственноручно перережу ему горло.

— Разумеется, — согласился шериф. — Вот только вы его не найдете. Мои люди и я уже проверили все постоянные дворы и трактиры, все поля отсюда до Лизбури, каждое стойло и загон для скота, и нигде его не было. Говорю вам, милорд, он исчез.

Хьюго нахмурился.

— Мужчине спрятаться не так уж и сложно, учитывая обстоятельства, но у него ведь есть дочь. Мадмуазель Изабелла едва ли потерпит такое обращение и смирится с нуждой прятаться по лесам. Уверен, где бы они ни были, она требует от него хотя бы какого-то комфорта.

— Но я постучался буквально в каждый дом, их нигде нет.

— Никто не признается, шериф. Этот человек не вчера родился, конечно, у него есть друзья.

— Боюсь, один из его друзей стоит многих, — пробормотал шериф. Хьюго пристально взглянул на него.

— Не нравится мне твой тон, Джон. О чем еще ты мне не сказал? Что за друг такой завелся у Лароша?

— Едва ли он ему друг... Но, милорд, должен сообщить, что вашего слугу никто не

видел с тех самых пор, как в вас выстрелили.

Хьюго махнул бы рукой, если бы у него были силы. Питер — и переметнулся к врагу? Вряд ли это возможно, ведь Ларош теперь беден, а Питер слишком любит роскошь. Он непрестанно жаловался во время их путешествия из Лондона, так с чего бы теперь ему покидать поместье, чтобы вести трудную и полную лишений жизнь?

— Ты уверен? — уточнил лорд. — Абсолютно уверен? Думаю, странно, что...

— Я тоже так подумал, поэтому зашел в его комнату. Он забрал все свои вещи, а его лошадь исчезла из стойла. Он ушел и вряд ли теперь вернется.

— Поехал в Лондон, — уверенно отозвался Хьюго. — Да. Он скучал по городу...

— Нет, милорд, — в глазах шерифа появилось что-то похожее на... Жалость? — Не в Лондон.

— Что значит «Не в Лондон»? — раздраженно поинтересовался Хьюго, который не терпел, когда его жалели. — Куда еще ему идти? У парня нет ничего, кроме того, что дал ему я, включая его лошадь и одежду. Он никогда не утруждал себя вежливостью и попытками скрыть недовольство. Я более чем убежден, что он просто сгреб все вещи и уехал домой...

— А вы не находите это странным, милорд? Он решил отправиться домой сразу же после того, как вас пытались убить, — мягко проговорил шериф. — Вам не кажется странным, что он не задержался ни на день, чтобы справиться о вашем состоянии. Публично обвинив вашу жену в преступлении, он...

Хьюго прищурился.

— Что ты сказал, де Бриссак? Он посмел...

— Полагаю, он не так невиновен, как вам хотелось бы верить, милорд, — тихо перебил его шериф. Мужчина покачал головой.

— Но почему? Зачем моему слуге желать мне смерти? Моя гибель ничего ему не принесет.

— Ему нет, а вот его любовнице — да.

— Его... — недоговорив, лорд замолчал. — Изабелла?

— Это единственное объяснение, которое приходит мне в голову, — склонил голову Джон де Бриссак. — У Лароша нет ничего, что прельстило бы охочего до роскоши и богатства юнца. Кроме, разумеется, его прелестной дочери. Юноша вроде Питера пойдет на многое, желая завоевать расположение такой женщины. Даже попытается убить своего хозяина, чтобы ее отец смог получить... — когда Хьюго вновь покачал головой, шериф лишь нетерпеливо всплеснул руками. — Да, милорд. Задумайтесь. Когда Финнула взяла вас в плен, вы отправили парнишку в замок, чтобы избавиться от его назойливого присутствия. Здесь он был в компании Ларошей, пока вы не вернулись, и этого времени, пусть и недолгого, было достаточно. Расположить к себе Питера нетрудно, думаю, Ларош щедро угощал его и поил вином, а Изабелла, возможно, соблазнила...

— Этого мальчишку? — Хьюго скривился. — Только не она! Она посчитала бы его бесцельной тратой своего времени и своего очаровательного умения соблазнять мужчин.

— Но ведь это очаровательное умение не помогло ей в вашем случае, — шериф поднял указательный палец. — Разве она, э-э-э, не пыталась вызвать у вас симпатию?

Хьюго ошеломленно уставился на шерифа, вдруг осознав, что Джон де Бриссак уже не впервые видит его буквально насквозь. Спустя несколько мгновений напряженного молчания, он кивнул, признавая правоту шерифа. К тому же, на ум ему пришла сцена,

разыгравшаяся в момент его возвращения: пьяный Питер, на шею которого висела новехонькая золотая цепь. И почему он сразу не обратил на это внимания?

— Да, она ко мне приходила, — вздохнул он. — В ночь перед свадьбой.

— А когда вы, э-э-э, сообщили ей, что она вам не интересна, она направилась к Питеру. Думаю, и до этого они с отцом обхаживали его, но та ночь стала решающей.

— Но я все равно не понимаю! — возмутился Хьюго. — На что она надеялась, соблазняя моего слугу? Он же ничего не решает!

— Вы ошибаетесь, милорд. У Питера было то, что Изабелле и ее отцу очень хотелось заполучить — ваше доверие. Он мог передвигаться по замку, не вызывая никаких подозрений. Он — прекрасная пешка для смертельной игры.

Хьюго приподнял бровь.

— Хочешь сказать...

— Да. Не Реджинальд Ларош толкнул камень с крыши, не он закинул шипы чертополоха под седло коня, не он выпустил стрелу. Это был ваш слуга, Питер.

— Разумеется, — процедил лорд сквозь стиснутые зубы. — Я убью его. Как только я найду его, я его убью.

— Конечно, — тихо согласился шериф. — Ведь это очевидно, милорд. В руках Изабеллы он стал послушной куклой. Она могла попросить его убить вас, но сделать это так, чтобы все выглядело так, словно виновата в преступлении Финнула. Таким образом они убивают двух зайцев одним ударом: вы мертвы, а ваша жена повешена за убийство. Реджинальд Ларош становится хозяином Стивенсгейта, продолжая набивать свои карманы остатками денег старого лорда Джоффри, — закончив свою речь, Джон перевел дыхание и хмыкнул. — Суший дьявол! Не думал я, что Ларош окажется таким хитроумным интриганом.

— Я убью из него хитроумие, как только он попадет ко мне в руки, — теперь Хьюго был вне себя от ярости. Казалось, даже кровь вскипела в жилах от той ненависти, которая теперь затопила все его тело. Собравшись с духом, он сбросил с себя одеяло — и обнаружил, что всю одежду с него предусмотрительно сняли. — Проклятье! — вскричал он. — Где все мои вещи?

— У миссис Лавер, — последовал ответ. — Куда вы собираетесь, милорд?

— За этой сволочью по имени Реджинальд Ларош, — отозвался Хьюго, метая молнии из глаз. Глядя на его праведный, но такой неуместный в данной ситуации гнев, Джон де Бриссак не удержался от хохота.

— Вы хорошо подумали, милорд? — выдавил он сквозь смех. — Как вы собираетесь найти его, если ни я, ни мои люди не сумели?

— Ни у тебя, ни у твоих людей нет тех инстинктов, что есть у меня. И я верну свою жену!

— Только не в таком виде, милорд. Если вы продолжите так размахивать руками, рана может вновь открыться.

— Не знаю, о чем ты говоришь, де Бриссак, — фыркнул Хьюго. В Акко его ранили и хуже, но все заживало, как на собаке, значит, так будет и в этот раз.

— Старый Грегор настоятельно советовал миссис Лавер держать вас в постели неделю, — скрестил руки на груди Джон, наблюдая за попытками Хьюго подняться с кровати. — Вы потеряли много крови, вам нельзя вставать.

— Черта с два, старый козел! — выплюнул в его сторону Хьюго. — Хочешь, чтобы я неделю валялся в кровати, пока ты держишь мою жену у себя дома? Не выйдет! Подай мне

тунику и штаны!

Джон де Бриссак оскорбленно втянул носом воздух.

— Должен вам сказать, милорд, что ваша жена находится под присмотром моей матери каждую минуту, что проводит в моем доме...

— Не сомневаюсь, — буркнул Хьюго. — Мадам де Бриссак наверняка мечтает о такой невестке.

— Что? О невестке, которая не умеет ни сеять, ни убираться, а готовит просто отвратительно? — рассмеялся шериф. — Вы не знаете мою матушку. Она уже сочла вашу жену бесполезной, а приведи я ее в дом в качестве своей супруги, матушка уже к утру выставила бы нас обоих из дома.

— Вероятно, — согласился лорд, успокаиваясь. — Но Финнула чертовски хорошо обращается с острыми предметами, знаете ли... — тут у него перед глазами все поплыло, и мужчина был вынужден лечь обратно. Голова вновь потяжелела, сил махать руками и кричать больше не было.

Шериф тут же бросился к подопечному, накрывая его одеялом и заботливо подтыкая, как и в прошлый раз.

— Я служу вам верой и правдой, — укоризненно покачал он головой, — а вы обвиняете меня в том, что я волочусь за вашей женой! Как я уже говорил вам, милорд, нельзя казнить человека за подозрения, лишь действия являются причиной. Я ни за что не позволил бы себе непристойного поведения рядом с Финнулой, да и она сама отрезала бы мне за это что-нибудь...

В ответ Хьюго лишь простонал. Шериф покачал головой.

— Отдыхайте, милорд, — произнес он успокаивающе, показывая, что ничуть не злится. — Оставьте все заботы мне. Я найду Лароша, ваша жена вернется к вам в скором времени, все будет в порядке.

— Мальчик, — простонал Хьюго. На большее не хватало сил.

— Питер? Да, его я тоже найду, не беспокойтесь.

— Нет, — неимоверным усилием воли мужчина заставил себя достать одну руку из-под тяжелого одеяла и притянуть к себе шерифа, вцепившись в его рукав. — Не этот. Другой.

Де Бриссак непонимающе поморгал.

— Другой мальчик?

— Мой... сын.

Впервые за все время шериф потерял всю свою уверенность.

— Джейми, — пробормотал он. — Да, Джейми.

— Где он? — попытывался Хьюго слабым голосом. — За ним кто-нибудь приглядывает? Он может быть в опасности...

— Джейми, — повторил шериф, и на его лицо упала тень тревоги. Тем временем лорд отпустил рукав шерифа, и бессильно уронил руку, проклиная свою слабость.

— Найди его, — прошептал он. — Сейчас же.

Глава 25

За те три дня, что Финнула провела в доме де Бриссаков, советы по ведению домашнего хозяйства сыпались на нее, не переставая. Мадам де Бриссак заставляла ее делать все то, что раньше с радостью выполняли сестры Финнулы, предоставляя младшей полную свободу и возможность охотиться. Чем дальше, тем больше мадам де Бриссак приходила в ужас от того, что Финнула не умела даже самых простых вещей. Взбивать масло, прясть — все это

было для девушки в новинку. Также пожилая дама была поражена отказом Финнулы прикрыть длинные рыжие волосы чепчиком, несмотря на то, что она была замужем вот уже неделю. О последнем обстоятельстве мадам де Бриссак напоминала гостю неустанно, а поскольку Финнула все время находилась под ее ястребиным взором, эти слова произносились буквально каждые пять минут. И, чтобы не слышать надоевшую фразу в очередной раз, Финнула, сжав зубы, старалась делать все, как ей говорили. Не исключено, что это и был план мадам де Бриссак, вознамерившейся сделать из Финнулы Крейс настоящую леди и достойную хозяйку поместья.

Так или иначе, к концу третьего дня своего заточения, Финнула научилась делать сыр и масло, могла испечь буханку хлеба, знала, как заштопать прореху на любой одежде, и вполне сносно управлялась с прялкой. Помимо этого она наизусть выучила несколько молитв из книги мадам де Бриссак и несколько абзацев о том, как должна вести себя женщина, ставшая женой и хозяйкой в доме.

Все это Финнула терпела лишь потому, что знала — либо насмешки и поучения от мадам де Бриссак, либо тюрьма. Девушка не боялась ни крыс, ни тараканов, но быть брошенной в тюрьму за преступление, которого она не совершала, ей не хотелось. Поэтому она лишь мысленно пообещала себе больше никогда в жизни не прикасаться к прялке. Сестры, навещавшие ее по нескольку раз в день, были в ужасе от того, как хозяйка дома загоняла Финнулу, и даже насквозь правильная Патриция шепотом предложила Финнуле сбежать и пообещала помочь в этом, но девушка отказалась.

Несмотря на множество дел, Финнула с каждой минутой чувствовала себя все хуже. Она говорила себе, что это ей лишь кажется, и все дело в том, что ее опять несправедливо обвинили в преступлении. Когда Бринн заметила ее изможденный вид, Финнула лишь отмахнулась и сказала, что всему виной недостаток свежего воздуха. Никому и ни за что она бы не призналась, что ее осунувшееся лицо — следствие не тяжелой работы по дому, но тоски и переживаний за мужа. По вечерам она тихо плакала в подушку, делая это так, чтобы никто не слышал ни звука. Она не могла уснуть без рук Хьюго, нежно обнимающих ее плечи, но не хотела, чтобы хоть одна живая душа знала об этом. Она никому не говорила о своих тревогах и думала, что никто не подозревает о них.

Вот только Джон де Бриссак не мог не заметить, что каждый вечер, когда он возвращался домой глубок за полночь, Финнула еще не спала и встревоженно следила за ним, ожидая самых худших вестей. Он видел, как она стала бледна за эти несколько дней и как старается унять дрожь в руках, и молчаливо шел ей навстречу, делая вид, что не замечает заплаканных глаз и не слышит всхлипов поздно ночью.

Но именно слезы Финнулы, а не угрозы лорда Хьюго, стали толчком для шерифа, который каждый день посылал людей в разные уголки графства и за его пределы с тем, чтобы они нашли Ларошей. Именно из-за слез Финнулы обычно сдержанный шериф терял терпение и проклинал Реджинальда и его дочь. Именно из-за слез Финнулы Джон де Бриссак не мог есть, пить и спать, пока настоящий преступник был на свободе. Он видел, как страдает та, что спасала людей, и теперь пытался сделать все для того, чтобы спасти ее.

Одна лишь мадам де Бриссак не замечала перемен в настроениях гостыи и сына, а потому продолжала честить Финнулу при любой удобной возможности.

— И что ты думаешь? — бушевала на, обращаясь к сыну и указывая пальцем на Финнулу, покорно сидевшую в углу с шитьем. — Чем, по-твоему, эта бездельница весь день занималась? Болтовней! Сплетничала с сестрами, которые ничем не лучше нее самой!

Видно, от той красотки, что захомотала трубадура, этот самый трубадур-то и сбежал, прихватив все денежки, что дал им лорд Хьюго. Не по вкусу ему честная жизнь с мельником-то, а Меллана — знай, слезы льет. Да и лучше ей без него-то будет...

Шериф де Бриссак, снимавший в этот момент сапоги, так и застыл.

— Это правда? — спросил он Финнулу. Та подняла глаза и кивнула, тяжело вздохнув.

— Боюсь, да. Вряд ли мы снова увидим Джека Мэллори. А если и увидим, мой брат доберется до него раньше нас...

— В этом я не сомневаюсь, — Джон вернулся к сапогам. — Значит, еще одна пропажа, — проворчал он себе под нос. Финнула встрепетнулась.

— Еще одна? Кто еще пропал? Вы ищете Ларошей и Питера, но кто еще?

Мадам де Бриссак было решительно все равно, кто стал мужем Финнулы. Несмотря на то, что им был лорд, Финнула по-прежнему оставалась для нее своенравной дочерью мельника.

— Как ты смеешь так говорить с шерифом? — зашипела она. — Что за наглый тон? Опусть глаза и не смей раскрывать рот, пока тебя не спросят. Что, я совсем ничему тебя не научила?

Джон де Бриссак укоризненно взглянул на мать и поинтересовался, не осталось ли в доме эля. Когда мадам де Бриссак, шаркая, ушла, он со стуком поставил сапоги на специально прилаженную к стене полку.

— Простите ее, миледи, — извинился он, подходя к Финнуле, — я не...

Но девушка лишь махнула рукой.

— Забудьте. Скажите то, о чем не могли упомянуть при вашей матушке. Хьюго... — она помолчала, собираясь с духом. — Хьюго не стало хуже?

— Нет, нет! — заверил ее шериф, опускаясь на деревянный стул и обхватывая голову руками. — Послушай, Финнула... Я опасаюсь не за лорда Хьюго, а за Джейми.

— Джейми? Что с ним?

— Никто не видел его с того вечера, как... С того вечера, как Хьюго был ранен. Лорд переживает, не случилось ли с ним чего, нет ли какой измены...

— Измены? — перебила Финнула. — Хьюго боится не об измене, шериф, а о том, что мальчик пострадал! Скажите, Джон, — она пристально посмотрела ему в глаза, — жизнь Джейми в опасности?

Джон де Бриссак повесил голову.

— Боюсь, что да. Мальчик никогда не оставался вдалеке от крова и тепла надолго, он всегда возвращался. Возможно — и лорд Хьюго думает так же — Питер забрал его с собой, когда бежал.

— Ему пришлось забрать его силой, — нахмурилась Финнула. — Сам он не пошел бы с Питером!

— Именно. Поэтому сейчас очень важно найти Лароша, ведь больше Питеру направиться некуда. Но все попытки тщетны, мы не нашли ни единого следа Ларошей или Питера.

Финнула резко встала и начала мерить шагами комнату.

— Где вы искали мальчика?

— На полях, в лесу, — Джон помолчал, затем решил говорить начистоту и добавил, — в реке. Обшарили каждый стог сена...

— Вы считаете, он мертв, — холодно оборвала речь шерифа Финнула.

— Да.

— А собаки брали след?

— Да, — в подтверждение своих слов шериф вынул из-за пазухи маленькую тунику, в которой Финнула узнала ту самую тунику, в которой Джейми бегал по замку, снимая, когда становилось жарко. Должно быть, ее никогда не стирали, и в данном случае это было словно подарком с небес. — Собаки повели нас в лес, где потеряли след.

Финнула задумчиво взяла из рук шерифа тунику.

— Толстый Луи может взять след и повести людей куда дальше, — уверенно сказала она.

— Это, разумеется, так, но ведь он не поведет за собой никого, кроме тебя, Финнула.

Девушка закусил губу, не осмеливаясь взглянуть на шерифа.

— А вы не... Вы не позволите мне...

— Даже не думай об этом, — с этими словами Джон забрал тунику и сунул обратно за пазуху. Ты просишь невозможного. Пока я не заставлю Реджинальда Лароша и Питера сознаться в преступлении, ты ни шагу отсюда не сделаешь, — взглянув на поникшую духом Финнулу, шериф слегка смягчился. — Не смотри так на меня, Финнула, — ласково произнес он. — Ты ведь знаешь, что мэр Хиллъярд ничего так не хочет, как твоей казни.

Финнула скривилась.

— Я не понимаю, за что он так меня ненавидит. Он охотно ел оленину, которую я приносила ему всю зиму.

— Мэр Хиллъярд ненавидит ситуации, в которых выглядит дураком, а то, что за попытку убийства лорда Хьюго было некого арестовать, как нельзя лучше доказывает, что он дурак и есть. Он не желает, чтобы его обводили вокруг пальца, а потому согласен повесить вину на первого попавшегося. Дело не в отношении к тебе, Финнула. К тому же, он был против брака своей дочери и Роберта, а теперь брак отменен, так что...

— Верно, — тихо согласилась Финнула. Проведя рукой по волосам, она устало прислонилась к стене, глядя в одну точку, словно какая-то мысль никак не давала ей покоя.

— Что такое, Финн? — тихо окликнул ее шериф. Девушка пожала плечами.

— Реджинальд Ларош хочет смерти Хьюго, — буднично заметила она, — чтобы стать хозяином Стивенсгейта.

— Да, это так, — согласился шериф. — И что же?

— Значит, все, что нужно Ларошу — гибель Хьюго. Как только он прознает об этом, сразу же объявится.

— Да, но Хьюго жив, Финнула, и никто, клянусь тебе, никто не посмеет приблизиться к нему с тем, чтобы причинить вред.

— Но предположим, — вдруг произнесла девушка, — что лорд Хьюго не выжил. Предположим — лишь представим на миг! — что он скончался сегодня ночью...

Шериф в ужасе взглянул на нее.

— Что ты такое говоришь?!

— ...и всем стало известно, что он умер, а я повешена за его убийство, — продолжала Финнула, точно не слыша его.

— Но...

— ...тогда Ларош выйдет из своего укрытия, и его даже не придется искать.

В глазах шерифа вспыхнул огонек понимания.

— Но это же ложь! — заспорил он.

Финнула нетерпеливо топнула ногой.

— Конечно, это ложь! Я ни за что не предложила бы убить собственного мужа, Джон! — она гневно воззарилась на шерифа. — Поверьте, убедить людей в том, что лорд Хьюго скончался будет нетрудно. Надо лишь держать его подальше от чужих глаз да так, чтобы даже миссис Лавер ничего не знала. Слухи поползут мгновенно, вскоре все начнут судачить о том, что лорд умер от раны, а я виновна в его смерти. Тогда-то Лароши и Питер и объявятся, попадут прямиком к вам в руки, и вы сможете арестовать их и судить! Неужели это так сложно понять? — она слегка улыбнулась. Шериф покачал головой.

— Что скажет на это ваш муж? Он ведь рыцарь, воевавший задолго до того, как стать лордом. Для такого человека прикинуться мертвым... Он едва ли с этим смирится.

— Считаете, он выберет смерть сына? — рассерженно уточнила Финнула. — Едва ли. Объясните ему все от начала и до конца, он согласится на наш план.

Джон де Бриссак потер подбородок, ничего не отвечая. Это молчание было для Финнулы хуже всякой пытки. Она понимала, что в ее плане есть недостатки, но это был единственный способ защитить Джейми, ведь действовать нужно было быстро. Она также знала, что шериф прекрасно понимает все это, вот только согласится ли он?.. Если нет, то поиски могут ни к чему не привести, Реджинальд Ларош останется на свободе — и тогда им с Хьюго поможет один лишь бог, а что будет с Джейми, и подумать страшно.

Вдруг шериф поднял голову.

— Хорошо.

Финнула удивленно взглянула на него.

— Хорошо?

— Да. Так мы и поступим. Я поговорю с лордом Хьюго утром.

Он уже поднялся было со своего стула, но Финнула усадила его на место.

— Утром будет слишком поздно! Вы должны поговорить с ним немедленно!

Шериф в недоумении развел руками.

— Зачем? Почему это не может подождать?

— Чем дольше мы ждем, тем меньше времени остается у Джейми! Вполне возможно, что они держат его в плену, Джон!

— Нет, Финнула, — покачал головой шериф, — я не думаю, что это так...

— Но ведь это возможно? — напирала девушка.

— Возможно, но мне кажется...

— Тогда он может умереть сегодня ночью! Скажите! Скажите лорду Хьюго, что мы разыграем его смерть, слухи дойдут до Лароша и тогда...

Обескураженный упорством Финнулы, шериф сдался. Он выставил ладонь вперед, останавливая ее пылкую речь.

— Очень хорошо, — устало произнес он. — Очень хорошо, миледи. Сделаю так, как прикажете. Отправлюсь в поместье сию же секунду. Только, прошу, подайте мне сапоги...

Финнула с радостью подняла с полки сапоги и протянула их шерифу. Он натянул их на ноги, вынул из-за пазухи тунику Джейми и положил на стул, затем заглянул в комнату и сказал матери, что уходит, и направился к двери. Уже стоя на пороге, он обернулся и серьезно посмотрел на леди Фитцсивен.

— Вы думаете, это сработает? — тихо спросил он.

— Я думаю, да, — так же тихо откликнулась она.

— Хорошо, — с этими словами Джон направился к стойлу, а Финнула прислонилась к

дверному косяку и, сделав глубокий вдох, подумала о том, что в небе нет ни облачка. Добрый знак. Эта ночь безупречно подошла бы для охоты.

Глава 26

Едва дождавшись полной темноты, Финнула на цыпочках прокралась к дверям и прислушалась. Никого. Она не собиралась согласовывать свой уход из дома шерифа с мадам де Бриссак или ждать возвращения ее сына. Да и если бы собиралась, то потратила бы на ожидание слишком много драгоценного времени, которое можно потратить на поиски Джейми. Приняв решение, Финнула не хотела и не могла больше ждать.

Кожаных штанов у нее теперь не было, так что девушка нашла самое темное из своих платьев — им оказалось блио темно-синего, почти черного, цвета. Глупая серебристая вышивка легко скрывалась под черной накидкой, и вскоре Финнула уже готова была выходить. Разумеется, она не могла позволить себе скрипеть старой дверью, а потому вылезла на улицу через окно.

Толстый Луи, сидевший возле дома, узнал ее в тот же миг, но не проронил ни звука, вместо этого молча приветствуя хозяйку вилянием хвоста. Мадам де Бриссак и слышать ничего не хотела о том, что пес хорошо выучен, а потому выставила собаку на улицу.

С собой у Финнулы не было ни ножа, ни лука, ни колчана, ни единой монетки, чтобы купить где-то хотя бы что-то. Да и где покупать? Полночь, все торговцы давно видят уже пятый сон, а с теми, что шатаются по ночам, лучше не иметь никаких дел. Все, что было у Финнулы с собой — шарф с изумрудом, но его она не променяла бы ни на какие богатства мира. Обернувшись в последний раз на дом, девушка мысленно пожелала, чтобы никто в деревне не узнал о ее побеге, иначе шерифу де Бриссаку не сдобровать. Впрочем, если она сумеет найти Джейми к утру, то быстро вернется обратно и примет наказание за побег, каким бы оно ни было.

Луна еще не взошла, и Финнула свернула с дороги в лес, чтобы ненароком не встретить кого-нибудь по пути. Она знала эти места как свои пять пальцев, а потому шла уверенно, зная, что путь приведет ее к поместью Сивенсгейт. Толстый Луи бежал рядом, явно радуясь возможности прогуляться, а может, и предвкушая скорое приключение.

К тому времени, как они добрались до поместья, луна уже сияла в небе, и Финнула то и дело напоминала себе о том, что, хоть в лунном свете она сама может видеть все вокруг лучше, ее саму тоже легко разглядеть.

В окнах спальни лорда горел свет, и девушка усилием воли заставила себя отойти в тень и не смотреть туда, где сейчас шериф де Бриссак рассказывал ее мужу детали плана. Как бы ни хотелось ей дать Хьюго знать о том, что она здесь, совсем рядом, Финнула не могла себе этого позволить.

Обойдя замок, Финнула прошагала дальше в лес, где собаки шерифа потеряли след Джейми. Из дома она прихватила с собой тунику мальчика, и теперь Толстый Луи с любопытством обнюхал вещицу, а затем опустил огромную голову и принюхался к земле. Вскоре он уже бежал в чащу, а Финнула, приподняв подол платья, неслась за ним.

Глава 27

— Черта с два!

От негодования Хьюго даже сел на кровати. Он уже чувствовал себя намного лучше, силы возвращались к нему с каждым часом с того самого момента, как он отослал целителя с его проклятыми настойками прочь. Он понятия не имел, что знахарь там намешал и чем

его поил, да и не хотел знать. Ему стало намного лучше, и никто на свете не убедил бы его в необходимости умирать снова. Пусть даже и только на словах.

— Милорд, — терпеливо произнес шериф, — это единственный способ...

— Найди другой! — рявкнул Хьюго и потянулся за кувшином с водой. — Я не стану притворяться мертвым — и точка, — он наполнил кружку водой и залпом осушил ее. — Если ты не можешь отыскать моего сына, я сделаю это сам. Миссис Лавер! Миссис Лавер подайте мне меч!

Шериф протяжно вздохнул. Он и не ожидал, что лорд Хьюго согласится участвовать в плане Финнулы. Для человека, готового ринуться в бой, бездействие подобно смерти. Разумеется, лорд Хьюго не пошел бы на это, и Джон чувствовал себя дураком, предлагая ему такой вариант.

Лишь теперь шериф задался вопросом: почему же Финнула, которая, бесспорно, знала своего мужа куда лучше, чем он, Джон де Бриссак, предложила разыграть такое глупое представление? Она не могла не знать, что Хьюго откажется от ее затеи...

— Шериф! — его мысли прервал молодой парень, один из товарищей по службе, ворвавшийся в спальню. — Милорд, — впопыхах поклонился он Хьюго. — Шериф, леди Финнула! Ваша матушка... Ваша матушка просила срочно передать, что леди Финнула сбежала!

Хьюго выскочил из кровати.

— Что? — его голос был очень тихим, едва различимым. — Что ты сказал?

Джон де Бриссак машинально потянулся за пазуху, но затем вспомнил, что оставил тунику Джейми дома. Дома, у Финнулы. Теперь все встало на свои места. Финнула не хотела, чтобы Хьюго притворялся погибшим. Она хотела выиграть время.

— Что значит «Леди Финнула сбежала»? — наступал Хьюго на парня. — Джон! — он круто обернулся к шерифу. — Где моя жена? Где Финнула?!

Джон де Бриссак указал рукой на темный лес, простирившийся за окнами поместья.

— Там, милорд. Она там.

Глава 28

Она нашла его до рассвета.

Далеко уйти он не успел — Финнула с Толстым Луи шли по следу всего лишь пару часов. Конечно, дорога едва ли была легкой, ведь приходилось продирааться через чащобу, Финнула то и дело чертыхалась, отцепляя свою юбку от очередной ветки, упавшей на землю. Толстый Луи несколько раз терял след, но легко находил его вновь, а Финнула замечала приметы того, что до них через чащу уже кто-то проходил. Люди шерифа не обратили внимания на поломанные сучья и примятую траву, хотя именно по ним можно было понять, что преступники не особенно-то старались замести следы.

Луна еще не начала спускаться с неба, когда Толстый Луи плюхнулся на землю и протяжно завыл. Финнула положила руку на голову пса и взгляделась в темноту.

Неудивительно, что шериф и его люди не сумели найти эту пещеру — лучше даже сказать, нору. Она же знала эти места еще с детства, детям всегда запрещали играть в этих местах, а потому она, Финнула, частенько сюда прибегала. В этой пещере длинными зимними месяцами жили волки, и это были не какие-то глупые слухи. В деревне пещеру окрестили Волчьей Норой.

Этой же ночью обитателями пещеры стали не волки. Во всяком случае, не четвероногие. Обойдя нагромождение камней, Финнула прищурилась, разглядывая темные

силуэты. Неподалеку теплился огонь, видно, Реджинальд Ларош не слишком-то боялся того, что его обнаружат. К одному из деревьев была привязана лошадь, в которой Финнула узнала кобылу Лароша, а неподалеку стоял конь Питера. Видимо, ночи преступники коротали в пещере, а дни проводили в лесной чаще. Подкравшись чуть ближе, девушка увидела и Питера, сидевшего у костра. Возле него Финнула с облегчением разглядела и Джейми, который совершенно точно был жив. Никаких сомнений! Иначе зачем связывать мертвому руки и ноги? Реджинальда с дочерью спали на своих плащах рядом, предоставив Питеру почетное право охранять пленника.

Теперь нужно было дать шерифу знать, что преступники скрываются поблизости, но Финнуле не хотелось уходить. Конечно, она могла бы сейчас выйти из чащи и отбить Джейми у Питера, даже не разбудив Ларошей, но не будучи безоружной.

Прислонившись к одному из деревьев, Финнула неохотно признала: надо идти обратно. Настала пора прощаться со свободой... Как странно, она ведь вышла в лес на охоту впервые с тех пор, как взяла в плен Хьюго. Нет, ни за что она не обменяет свою свободу на одобрение окружающих, пусть она и стала теперь женой лорда. Когда они с Хьюго вернулись на мельницу, где их ждал Роберт, Меллана рыдала и корила во всем произошедшем себя, утверждая, что лишь она одна виновата в том, что Финнула попала в такую переделку — но Финнула была уверена, что это она недооценила Хьюго в тот день в трактире. Она ошиблась, решив, что может контролировать его и сумеет взять над ним верх.

Возможно, именно поэтому она в него и влюбилась. Такой же свободолюбивый и своенравный человек, Хьюго стал ее отражением.

Тем временем Толстый Луи, покорно сидевший у ног хозяйки, вдруг учуял кролика — и, гавкнув, бросился за ним. Лаянье вспугнуло лошадей, которые нетерпеливо переступили с ноги на ногу, а Питер поднял голову.

— Что за... — его голос был сонным и виноватым, видимо, он уснул и теперь боялся наказания за это. — Боже милостивый! — в лунном свете они увидел Толстого Луи. Финнула поспешно отступила в тень.

Тут, к ее вящему недовольству, Реджинальд Ларош приподнял голову и схватился за лежавший возле него меч.

— Что такое? — громко осведомился он. — Шериф?

— Нет, — Питер указал немилосердно трясущимся пальцем в сторону Толстого Луи, поедавшего кролика. — Там волк, сэр! Никогда не видел таких громадных...

— Проклятье, — выругался Ларош, не дослушав Питера. — Ну так не стой, словно болван, брось в него что-нибудь!

— Бросить? — испуганно отступил на шаг Питер. — Он же кинется на меня!

Ворча себе под нос, Ларош поднял с земли увесистый камень и повернулся к Толстому Луи. Финнула охнула, хоть и знала, что наместник и в мертвую утку с трех шагов не попадет. Так и вышло — камень пролетел над головой пса, который даже не заметил, что в него что-то бросили. Девушка мысленно обругала себя за то, что отвлеклась и позволила Толстому Луи заметить кролика, тем самым выдав их присутствие.

— Ой! — вздрогнула Изабелла Ларош, поднимаясь со своего плаща и протирая глаза. — Что такое? Что произошло?

— Волк, — сообщил ей Питер таким глубоким и серьезным голосом, какого Финнула никогда не слышала. Видимо, он не оставлял попыток впечатлить девушку. — Не тревожьтесь, мадмуазель. Я не подпущу его к вам.

Но и сама Изабелла едва ли была напугана. Она пальцами распутала длинные волосы и грациозно встала. Хотя они и ночевали в лесу, Изабелла не оставила ночную сорочку тосковать в сундуке, и теперь красовалась в легком одеянии, едва ли скрывавшем ее тело. Должно быть, Питер весь извелся, пуская на нее слюни, злорадно подумала Финнула.

Едва взглянув в сторону Толстого Луи, Изабелла фыркнула.

— Это не волк, — и с этими словами села обратно на плащ. — Это собака Финнулы Крейс.

Финнула поднесла руку к глазам. Какой позор!

— Что? — в унисон воскликнули Ларош с Питером. Изабелла взглянула на них, как на идиотов.

— Я же сказала, — раздраженно повторила она, — это собака Финнулы Крейс, я ее узнала. Она никуда не выходит без этого чудища. Избавьтесь от нее, она отвратительна.

Махнув рукой, девушка повернулась на бок и, похоже, вернулась ко сну. Питер с Ларошем уставились друг на друга, затем посмотрели на собаку.

— Если это... животное здесь, — начал Реджинальд тоном, от которого у Финнулы поползли мурашки по спине, — то не может ли быть поблизости и хозяйки?

— Совершенно невозможно, — уверенно возразил слуга. — Финнула-то в тюрьме!

— А ее собачка просто прогуливалась по лесу и случайно набрела на нас? — в отблесках огня Финнула увидела недобрую усмешку на лице наместника. — Нет, она где-то рядом, я чувствую. В нас в любой миг может прилететь стрела...

Питер поспешно задрал голову, точно ожидал, что дождь из стрел прольется над ним сию же минуту.

— Думаете, сэр? Не может такого быть! Мы ведь постарались...

Ларош нетерпеливо щелкнул пальцами, призывая Питера к молчанию, и пытливым взглядом обвел окружавшие их деревья, за которыми пряталась Финнула. Его глаза скользнули по ней, затем в другую сторону. Он не увидел девушку, но знал, что она рядом.

О, да. Он знал, что она здесь.

В следующий миг он схватил за шиворот Джейми и рывком поставил его на ноги. Затем хладнокровно прижал лезвие меча к горлу мальчика и вкрадчиво произнес:

— Выходи.

Джейми, напуганный происходящим, затаил дыхание, боясь пошевелиться.

— Выходите, миледи, — ухмыльнулся Ларош. — Мы все знаем, что вы здесь. Или мальчику не поздоровится.

Ладони Финнулы сжались в кулаки с такой силой, что еще немного — и она сломала бы ногти или вонзила их в собственную кожу. Выхода не было, и девушка медленно оторвалась от дерева и вышла к преступникам. На лицах ожидавших ее людей были написаны самые разные чувства. Ларош ликовал, Питер был в растерянности, Изабелла злилась, и Джейми... Джейми ударился в слезы.

— Нет! — закричал он, безуспешно пытаясь высвободиться. — Нет, миледи! Уходите! Уходите скорее!

Не обращая никакого внимания на мальчика, Финнула подошла почти вплотную к Ларошу, не сводя с него глаз.

— Какая честь, — с насмешливым почтением произнес он, отпуская мальчика и толкая его в сторону Питера. — Взгляни, Изабелла, сама леди Фитцстивен пожаловала к нам в этот прелестный вечер.

Изабелла смерила Финнулу взглядом.

— Убей ее, — выплюнула она.

— Ах, у моей дочери такой характер, — залился смехом Ларош. — Простите ее, леди Финнула. Изабелла бывает несдержанна временами.

Едва шевеля губами, Финнула шепнула Толстому Луи:

— Уходи. Беги домой. Домой.

Собака послушно бросилась прочь, и Финнула, удовлетворенно наблюдая за ней, не успела заметить занесенную руку...

Удар был неожиданным, и девушка едва устояла бы на ногах, если бы кто-то не схватил ее за руку, не давая упасть. В ушах у Финнулы зазвенело. Сделав над собою усилие, она взглянула на Лароша, крепко державшего ее локоть, и бросила:

— Шериф и его люди уже идут сюда. Тебе придется отпустить нас.

— Моя дорогая, — Ларош почти ласково улыбнулся девушке, — вы такая же обманщица, как и прежде. Что же нам с вами делать?

— Убей ее, — снова предложила Изабелла.

— О, она, несомненно, умрет, — Ларош скорчил сочувственную гримасу и погладил Финнулу по лбу, где выступила кровь из раны от удара. — Таков и был наш план. Во всяком случае, такую цель я преследовал, когда мой глупый кузен Джоффри решил жениться на тебе, моя хорошая. Конечно, он уже был не в состоянии оставить тебе наследника, так что все было в порядке, пусть в тот раз ты и выкрутилась... — он вздохнул при воспоминании. Финнула с отвращением отвернулась. — А потом наш обожаемый Хьюго Фитцстивен объявился из ниоткуда и притащил тебя с собой в качестве своей жены. Не этого ты ожидала, когда брала его в плен, а? — он рассмеялся в лицо Финнуле. — И что же я мог сделать, когда твой любезный Хьюго вышвырнул нас из замка? Разумеется, мне вспомнился старый план. Жаль, что на этот раз я не мог подсыпать в еду яд...

Его речь Финнула слушала с нарастающим ужасом. Она бы ни за что не стала свидетельницей этой исповеди, если бы Ларош не был уверен, что минуты ее сочтены. Это подозрение подтвердилось, когда терпение Изабеллы лопнула.

— Да прикончи ее наконец! — взорвалась она. — Хватит рассказывать ей сказки на ночь, убей ее — и дело с концом. Я и без того слишком устала.

Питер удивленно посмотрел на девушку.

— Убить, вот так вот? Безжалостно?

Изабелла закатила глаза.

— О чем ты болтаешь, мальчик? Ты готов был и убить лорда Хьюго, и отправить ее на виселицу. Что тебе теперь не по нраву?

— Но... — в причудливо меняющемся свете огня Финнула краем глаза заметила, что Питер покраснел. Может, мелькнула в ее голове безумная мысль, он теперь понял, какова на самом деле его возлюбленная? — Но... Убить женщину... Это ведь как с мальчиком! Это неправильно, не по-рыцарски! Месье, — бросился он к Ларошу, — в самом начале вы ничего не говорили о том, чтобы убивать женщин или детей!

— Бестолочь, — фыркнула Изабелла. — Давай, отец, убей ее и закопай тело. Никто ее не найдет, все решат, что она сбежала, чтобы не быть повешенной.

— Но ведь лорд Хьюго жив! — вскричал Питер. — Они не казнят ее, если лорд жив!

— Едва ли я могу об этом забыть, — огрызнулся Ларош. — Если бы ты, парень, сделал все, как надо, Хьюго не задержался бы на этом свете. Я уже начинаю думать, что ты

специально промахнулся...

— Я ведь уже говорила тебе, отец! — воскликнула Изабелла. — Отправь меня в замок, я разделаюсь с лордом. Если он и вправду так плох, как говорят, придушить его подушкой не составит никакого труда...

Финнула больше не могла это слушать. Будучи безоружной, она не могла отомстить преступникам за их злодеяния, но и бездействовать не могла.

— Убейте меня, если хотите, — вскинула она голову. — Убейте Хьюго, если сможете — в чем я сомневаюсь. Но не троньте Джейми. Он всего лишь ребенок, его смерть ничего вам не принесет.

— Ничего не принесет, говоришь? — усмехнулся Ларош. — Джейми — наследник твоего мужа, моя хорошая. А если все пойдет как по маслу, единственным наследником буду я.

— Он незаконнорожденный, — с деланным равнодушием пожала плечами Финнула, решив играть свою роль до конца. — Хьюго он не нужен, наследником ему не быть. Отпустите его, и он сбежит, больше никогда не показавшись в поместье. Все решат, что он умер, — произнося это, она не осмеливалась даже взгляд бросить в сторону Джейми. Финнула лишь надеялась, что мальчик поймет: она лгала, чтобы защитить его.

Наместник вновь издал короткий смешок.

— Ты очень красноречиво просишь за чужую жизнь. Должен признать, смерть мальчика мне не так уж необходима, в отличие от твоей. Но, думаю, ты меня поймешь, что уверенность — это всё, о чем можно мечтать в нашем изменчивом мире. Именно ради уверенности я хочу избавиться от вас обоих, — он мягко улыбнулся. — Ладно. Питер, найди веревку, которой мы связывали мальчика, она должна выдержать вес леди Финнулы.

Финнула вздрогнула. Она никак не ожидала, что ее жизнь оборвется так внезапно, что преступники убьют ее с таким хладнокровием. На охоте она всегда колебалась перед тем, как подстрелить оленя, а теперь таким же оленем стала она, но никто не колеблется перед принятием решения. У Джейми тоже не было иного выхода, но ему придется наблюдать еще и за ее гибелью.

Изабелла подошла к Финнуле.

— Дурочка, — рассмеялась она, — неужели ты и правда считала, что мой отец отпустит бастарда Хьюго на свободу? Он давным-давно избавился бы от него, если бы этот идиот, — она кивнула на Питера, — не устраивал из этого трагедию.

Финнула взглянула в сторону слуги. Тот смотрел в землю.

— Поэтому лорд Хьюго захотел на тебе жениться? — допытывалась Изабелла, впиваясь ногтями в плечо Финнулы. — Ты беременна от него? Ха! Теперь хозяйкой Стивенсгейта стану я, и я буду куда лучшей леди, чем ты со своими рыжими патлами и ужасными кожаными штанами, — прошипела она.

Промах Изабеллы был в том, что она пыталась запугать человека, которому уже нечего было терять. Она могла хотя бы дождаться того, чтобы руки Финнулы были связаны, и лишь потом оскорбляла бы ее... Но об этом она не подумала, а потому кулак Финнулы врезался в ее прелестное личико, и Изабеллу оглушил хруст. Из носа хлынула кровь, и она отскочила в сторону, прижимая ладони к лицу, а Финнула с трудом перевела дыхание. Вдруг за спиной раздалось знакомое лаянье, и девушка обернулась, не в силах поверить, что это и правда был Толстый Луи.

— Финнула!

Глаза Финнулы так и распахнулись, когда из чащи вылетел Хьюго верхом на Скиннере.

Глава 29

Ни увещевания, ни просьбы, ни угрозы Джона де Бриссака не возымели ровным счетом никакого эффекта, и Хьюго оделся и оседлал коня еще раньше, чем шериф успел собрать своих людей. Лорд Стивенсгейта не обратил ни малейшего внимания на мольбы миссис Лавер остаться в постели и, не дожидаясь шерифа, рванул напрямик в чащу леса, где, по его расчетам, находилась Финнула, которой следовало задать хорошенькую взбучку за самовольный побег из дома де Бриссаков.

Конечно, он не мог винить ее за попытку предпринять хоть какие-то действия. Теперь Хьюго понял, что Ларош оставался безнаказанным столько времени исключительно потому, что ни у кого не хватало смелости восстать против него, а Финнула была, пожалуй, единственным человеком, который мог бы оказать сопротивление. Именно этим она и занималась, охотясь в лесах и спасая крестьян от голодной смерти, вот только, как бы ни любили ее люди, теперь ее благие деяния играли против нее. Будучи женщиной, Финнула не могла рассчитывать на благосклонность со стороны мэра и наместника, которые, судя по всему, вознамерились избавиться от девушки. Что же, сумрачно подумал Хьюго, пусть сперва постараются избавиться от него.

Оказавшись в лесу, где собаки де Бриссака потеряли след Джейми, Хьюго огляделся по сторонам. В детстве он играл здесь с друзьями, что взрослые всегда строго-настрого запрещали, потому что неподалеку была Волчья Нора. Разумеется, храбрые мальчишки не раз бегали к ней... Что, если Джейми теперь там? Ларош едва ли ушел далеко, ему нужно было укрытие — а Волчья Нора, снискавшая дурную славу в округе, могла бы оказаться безупречным местом.

А Финнула знала лес как свои пять пальцев. Она легко бы догадалась, куда идти, ей, как и Хьюго, не нужны были луна или проторенные тропинки, чтобы найти мальчика и преступников.

Когда же навстречу Хьюго из леса выбежал Толстый Луи, Хьюго похолодел. Очевидно, что Финнула не ушла бы на поиски без верного друга, но почему теперь пес бежит куда-то в одиночестве? Он не мог оставить хозяйку, а значит, она сама приказала ему это сделать...

Мужчина окликнул пса, и тот немедленно остановился, приветливо замахав хвостом. Когда Хьюго скомандовал ему вести его к Финнуле, Толстый Луи гавкнул и кинулся обратно в чащу, даже не оглядываясь, словно он был уверен, что Хьюго следует за ним. Мужчина лишь диву давался, наблюдая за собакой, ведущей его за собой. Выходит, недооценил он Толстого Луи, пес оказался не просто жуткого вида созданием, охранявшим Финнулу.

Хьюго понятия не имел, что обнаружит там, куда его вел Толстый Луи. Разумеется, он найдет Финнулу — но вот что с ней? Жива ли она? Чем дальше вел его пес, тем больше росло беспокойство Хьюго. Воображение начало рисовать самые ужасные картины...

...но вот чего Хьюго никак не ожидал увидеть, так это Изабеллу Ларош, прижимающую руки к носу, из которого сочилась кровь, и грозно наступавшую на нее Финнулу. Неподалеку с ноги на ногу переминался Питер, у которого было такое выражение лица, словно его ударили в грудь что было силы, а возле него стоял Ларош, сжимая в руках длинную веревку. На земле лежал, свернувшись калачиком, Джейми, чьи руки и ноги были связаны. Мальчик с ужасом наблюдал за Финнулой, которая только что осмелилась постоять за себя.

— Финнула!

Услышав оклик Хьюго, девушка обернулась, и выражение удивления на ее лице

показалось мужчине настолько неуместным, что он не сумел удержаться от смеха.

Всеобщее ошеломление разом спало, а Ларош, вернув свою отвисшую до земли челюсть на место, метнулся к Финнуле, оттащил ее в сторону и прижал к ее горлу меч.

— Добрый вечер, лорд Хьюго, — вежливо улыбнулся он, точно они были на светском приеме, а не посреди леса, и в его руках не было меча, прижатого к шее хрупкой девушки. — Какой приятный сюрприз! Знай мы, что вы наведаетесь к нам, мы бы непременно подготовились, не так ли, Изабелла?

Его дочь в ответ лишь издала раздраженный возглас, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Хьюго, — прохрипела Финнула, — что ты тут делаешь? Ты должен лежать в постели, тебе нельзя вставать!

Мужчина лишь улыбнулся при мысли о том, что даже в такой опасности Финнула отчитывает его.

— Мне намного лучше, — заверил он собравшихся. — Шериф и его люди уже едут сюда, они будут здесь с минуты на минуту.

— Ваша жена сказала нам то же самое, — хмыкнул Ларош. — Вы — просто пара жалких лгунишек. Стоите друг друга! Как это трогательно, что вы умрете вместе в эту прекрасную ночь.

Хьюго прокашлялся.

— Я повторяю снова, Ларош: шериф и его люди уже в пути, и вскоре ты будешь арестован. Так что я предлагаю тебе отпустить мою жену и бросить меч в сторону. В ближайшее время он тебе не понадобится.

— Считаешь меня дураком, племянничек? — ухмыльнулся Ларош, дергая Финнулу за волосы. Девушка не издала ни звука. — Или, может, хочешь попытаться убить меня сам? Так вот что: я знаю куда более опытных воинов, и они не в силах меня одолеть. Где уж тебе, желторотому юнцу! — он хрипло рассмеялся.

— Вот как? Тогда почему ты прячешься от меня за моей женой? — недобро прищурился Хьюго. — Отпусти девушку и встреть свою смерть в бою, как мужчина!

— Я не стану с тобой драться, — фыркнул Ларош. — А ты ни шагу ко мне не сделаешь, иначе... — с этими словами он слегка провел лезвием меча по коже Финнулы, и на ее шее выступило несколько капелек крови.

— Хватит, отец, убей его! — крикнула Изабелла, не отнимая ладоней от носа. — Убей его! Он оскорбил меня. Питер тебе поможет, так, Питер?

Слуга, не смея поднять глаз от земли, пробормотал в ответ:

— Нет.

Изабелла метнула на него злобный взгляд.

— Что ты сказал? — рявкнула она.

— Я сказал «Нет», — Питер с вызовом вскинул подбородок и взглянул на Изабеллу, затем на ее отца. — Отпустите ее, месье. Вы зашли слишком далеко.

Ларош приподнял брови.

— Что? — его лицо скривилось от злости. — Ты свихнулся, мальчишка?

— Нет, — Питер покачал головой, и на глаза упала прядь светлых волос. Он нетерпеливо отбросил ее назад. — Я только теперь понял... Это неправильно. Вы поступаете низко. Я верил вам, месье, когда вы сказали, что лорд Хьюго — необразованный мальчишка, сбежавший из дома, и вы будете куда лучшим хозяином для деревни. Я верил

вам, когда вы сказали, что лорд Хьюго понятия не имеет, что делает, и что его выбор супруги лишь доказывает это. Но он никогда бы не стал хладнокровно убивать ни женщину, ни ребенка. В вашем племяннике, милорд, я вижу лишь достойного мужчину и рыцаря, человека слова и чести. В вас же нет ничего этого и в помине, и мне стыдно за то, что я не понял этого сразу, — затем Питер повернулся к Хьюго и склонил голову. — Милорд, я совершил ужасную, непростительную глупость, и я сожалею обо всем, что...

— Надеюсь, так и есть, — бросил Хьюго, спрыгивая с коня, — потому что отныне твоя жизнь перестанет казаться тебе медом. Подумать только, что ты сделал с моей женой!

— С вашей женой? — заморгал Питер. — Но я не... Я пытался убедить их сохранить её жизнь...

— Ты чуть было не сломал ей ребро в день нашей встречи с ней, — прорычал Хьюго, не дав слуге договорить. — Но за это я бы тебя уже простил, если бы потом ты не вздумал обвинять ее в попытке убийства, хотя на самом деле за всеми злодеяниями стоял ты.

Слуга понурился.

— Я должен понести наказание, милорд, и я приму его, каким бы оно ни было.

— Непременно, — пообещал лорд. — Я взял тебя к себе, дал одежду и кров, а ты отплатил мне предательством! Твой отец был моим хорошим другом, ему было бы стыдно за такого сына.

— К счастью, он уже умер, — пробормотал Питер.

— К счастью, да, — кивнул Хьюго. — А ты еще не раз будешь молить о смерти, когда я до тебя доберусь. Дорогой дядюшка, — презрительно бросил он Ларошу, — выбирай оружие.

Реджинальд Ларош, слушая разговор Питера и Хьюго, совсем забыл о Финнуле и ослабил хватку. Воспользовавшись этим, девушка немедленно ткнула его локтем под ребра и отскочила в сторону. Пока наместник корчился от боли, она бросилась к Джейми и, рывком подняв его на ноги, оттащила подальше от Ларошей и Питера.

— Джейми, — она торопливо начала высвобождать его руки из пут, — Джейми, с тобой все хорошо?

— Не знаю, — пробормотал мальчик. — Спасибо, что развязала меня.

Тем временем Хьюго встал возле них, обнажив свой меч, чтобы защитить от нападения, если потребуется.

— Ты с ума сошла? — осведомился он через плечо. — Неужели ты совсем ничего не соображаешь?!

— Прямо как ты, — огрызнулась Финнула, развязывая веревки на запястьях Джейми. — Ты ранен, но все равно рвешься в бой! Не смей...

— Спасибо, любовь моя, — остановил ее возмущения Хьюго. — Ты совершенно права, но сперва я должен отомстить.

— Отомстить! — фыркнула девушка, принимаясь за веревки на ногах мальчика. — Он не стоит того, Хьюго, оставь его шерифу!

— Он убил моего отца. И тебя бы тоже убил, если бы я не успел приехать вовремя.

— Значит, ты хочешь сразиться за право носить имя лорда Стивенстейта? — Реджинальд Ларош криво усмехнулся, глядя на Хьюго.

— Да, — как бы невзначай поигрывая мечом, отозвался тот. — Победи меня — и поместье твое.

— Хьюго! — вскричала, не поверив своим ушам, Финнула.

Но ее муж прекрасно понимал, что Ларош не отступит от своего, а потому лучше

решить вопрос в честной дуэли, нежели подсыпанием яда и жизнью в постоянном страхе. К тому же, он был совершенно уверен, что одержит победу.

Его ожидания оправдались: Реджинальд Ларош, помолчав, вскинул голову.

— Вы все — мои свидетели, — обвел он взглядом присутствующих. — Вы слышали, что он сказал: я побеждаю — титул мой.

— Прикончи его, отец, — почти радостно воскликнула Изабелла, — и эту дрянь тоже, — кивнула она в сторону Финнулы. Затем, бросив взгляд на Питера, прищурилась. — Да и этого предателя вместе с ними.

Реджинальд Ларош усмехнулся, явно довольный кровожадностью своей дочери.

— Иди сюда, племянничек. Посмотрим, кто заслуживает титул лорда Стивенсгейта.

Хьюго успокаивающе улыбнулся Финнуле, которая в ужасе наблюдала за происходящим. Он был уверен в своих силах и в своей победе.

По походке и манере Лароша держать меч становилось ясно, что он был не таким уж тьюфяком. Он, должно быть, всю юность провел в компании французских рыцарей, учивших его сражаться. Несмотря на возраст, Ларош был легче, чем Хьюго, и двигался куда быстрее. Хьюго делал выпад мечом — а в следующий миг наместник оказывался буквально в шаге от места, где стоял раньше. Впрочем, и сам Хьюго ловко уходил от ударов меча Лароша, и смертельный танец продолжался.

— Устал, племянничек? — поддразнил его Ларош.

— Устал от твоего мельтешения, — отозвался Хьюго. — Почему бы тебе не постоять минутку на месте?

— И дать тебе возможность проткнуть меня мечом? — хохотнул наместник. — Едва ли.

Финнула, освободившая Джейми от веревок, теперь стояла, с тревогой наблюдая за происходящим.

— Осторожнее! — вырвалось у нее, когда меч наместника со свистом прорезал воздух в полудюйме от лица ее мужа. Она явственно видела, что силы Хьюго на исходе. Глупец! О чем только он думал, вызывая Лароша на дуэль? Он ведь ранен, поднимать меч для него становится все сложнее и сложнее. Как он собирался одержать победу, если практически подписал себе смертный приговор?

Реджинальд Ларош лишь похвалялся своими способностями, на деле же Хьюго давным-давно мог бы снести ему голову, не будь он ранен. Пока что он лишь уворачивался от ударов и атаковал сам, но неудачно, а потому дуэль затянулась. Это обстоятельство, впрочем, не опечалило шерифа де Бриссака, который, выехав из чащи, с облегчением обнаружил, что Хьюго, Финнула и Джейми были целы и более-менее невредимы.

— Что здесь происходит? — прогремел он под звон мечей, обнажаемых его людьми.

— Хьюго спятил, — отозвалась Финнула с нотками истерики в голосе, — и сражается с Ларошем за титул лорда.

Шериф спрыгнул с лошади.

— Так я и знал. Именно такого исхода и следовало ожидать, когда лорд Хьюго понесся в лес...

— Прошу вас, шериф! Они ведь убьют друг друга!

— Боюсь, моя дорогая, именно этого они и хотят. Хотя все это должно быть прекращено во имя закона.

— О! — Финнула слабо вскрикнула, когда Ларош, не обращая внимания на шерифа, сделал резкий выпад мечом, и мог бы серьезно ранить Хьюго, если бы тот не отразил

удар. — Шериф! Остановите их!

— Ваш муж хочет отстоять вашу честь, миледи, — заметил шериф, наблюдая за кружащимися в гибельном танце мужчинами.

— Нет! — Финнула нетерпеливо дернула шерифа за рукав. — Моя честь тут не при чем, остановите же их!

Но шериф не сдвинулся с места, предоставляя Хьюго вершить правосудие.

— Скажи-ка мне, дядюшка, — вкрадчиво проговорил мужчина, не сводя глаз с Лароша, — это ты отравил моего отца?

Ларош ни слова не произнес в ответ, сосредоточившись на том, чтобы не дать Хьюго ранить себя, а поэтому лорд Стивенсгейта продолжил говорить.

— Это был ты? Или твоя дочь — исчадие ада? Яд ведь всегда был женским оружием.

Отступая назад, Ларош вдруг понял, что он почти прижат к нагромождению камней Волчьей Норы и бежать ему некуда.

— Признай, что ты убил моего отца, — прорычал Хьюго. — Признавайся же.

Понимая, что он загнан в угол и терять больше нечего, Ларош издал хриплый смешок, от которого Джейми испуганно зарылся лицом в юбку стоявшей возле него Финнулы. Девушка же по-прежнему держалась за рукав шерифа, не в силах разжать пальцы.

— Да, это я убил старика, — промолвил наместник с кривой усмешкой.

— И обвинил во всем женщину, которую я люблю? — угрожающе тихо спросил Хьюго.

— Да, — фыркнул Ларош. — И она была бы виновна и в твоей смерти, если бы твой бестолковый слуга научился стрелять.

Молниеносным движением выбив меч из руки противника, Хьюго сгреб его за шиворот и встряхнул. На его лице была написана такая ярость, какой Финнула никогда не видела, и было очевидно, что он готов раскромсать Лароша на мелкие кусочки — и стать убийцей, пусть и считавшим, что совершает правое дело. Не без труда девушка заставила себя отпустить рукав шерифа и высвободить свою юбку из рук Джейми. Дрожа всем телом, она бросилась к мужу.

— Не нужно, Хьюго, — Финнула остановилась возле него. — Не нужно, не убивай его. Ты больше не на войне. Пусть его судят другие.

Хьюго повернул голову к жене, и она увидела, что его глаза потемнели от гнева.

— Почему?

— Почему? — переспросила она. — Что «Почему»?

— Почему я не должен его убивать? — с видимым усилием спросил мужчина.

Финнула ни за что в жизни не сумела бы объяснить своего порыва, ведь она сама убивала животных на охоте. Теперь Ларош стал для Хьюго такой же добычей, но... ей не хотелось, чтобы ее муж становился *таким* охотником. Нет. Этого не произойдет. Она не позволит Хьюго вновь пережить то, что он переживал на протяжении десяти лет, воюя на Святой земле.

— Я не знаю, почему, но ты не должен убивать его, — прошептала она, и глаза ее наполнились слезами. — Возвращайся домой, Хьюго. Возвращайся ко мне. Ты мне нужен. Я люблю тебя.

И в следующий миг Хьюго отбросил своего противника в сторону (того немедленно подхватили люди шерифа) и положил руки на плечи Финнулы. Девушка прижалась к его груди, и они стояли так, может, минуту, а может, и несколько дней, прежде чем Хьюго легонько коснулся ее подбородка, желая взглянуть на нее.

В его глазах больше не было ни тени ярости или желания возмездия, теперь его взгляд был наполнен теплотой и нежностью. Он не поцеловал ее, просто смотрел на нее, и Финнула вдруг поняла, что не хочет, чтобы этот миг заканчивался. Кто бы мог подумать, что в неизвестном человеке, взятом в плен ради выкупа, она найдет того, кого любит?

— Ты... — начав было говорить, Хьюго запнулся. — Ты простишь меня?

Финнула ожидала чего угодно — но только не этого вопроса.

— Простить тебя? За что?

— За то, что сжег твои штаны.

Девушка не сумела сдержать смехок.

— Я уже тебя простила. А ты простишь меня?

— За что? — удивленно склонил голову Хьюго.

— За то, что взяла тебя в плен, чтобы получить выкуп.

— Ах, это, — Хьюго крепко прижал ее к себе. — Не за что мне тебя прощать. Это были лучшие дни в моей жизни. Честно сказать, я уже давно молюсь святому Элиасу о том, чтобы нам снова оказаться в его рощице... — он многозначительно приподнял бровь и улыбнулся.

С трудом сдерживая смех, Финнула поцеловала мужа, не давая ему договорить.

Глава 30

Так уж вышло, что, даже раздобыв себе новую пару, Финнула больше не могла носить кожаные штаны.

За минувшие шесть месяцев ее живот заметно округлился, и девушка не могла влезть ни в одно из своих платьев. Ее сестры тут же охотно принесли ей собственные наряды, в которых ходили, когда сами были беременны, а больше всего в этом усердствовала Меллана, которая, родив мальчика, очень быстро вернула свои прежние формы. Вот только Джека Мэллори поблизости не было (сбежав из Стивенсгейта, он так и не вернулся), и оценивать красоту девушки по достоинству, на первый взгляд, было некому.

Но тут-то, к большому удивлению Мелланы, шериф де Бриссак зачастил на мельницу, то помогая ей с малышом, то делая какие-то мелочи по хозяйству. Когда же мадам де Бриссак скончалась, шериф пришел к Роберту, чтобы просить руки Мелланы. Получив благословение от брата девушки, Джон де Бриссак направился к будущей невесте — и получил утвердительный ответ.

Финнула, хоть и ждала ребенка, не собиралась оставлять любимого дела, а потому ее и Хьюго частенько можно было видеть в лесах графства с луками и стрелами. Они всегда возвращались с дичью, но охотничья сумка Финнулы всякий раз чуть ли не лопалась, и становилось ясно — леди Фитцстивен не собирается уступать свой титул лучшего стрелка во всем Шропшире.

Хьюго был любим народом и, уже вскоре после суда над Ларошем и казни последнего, понял, что он вполне способен достойно справляться с ролью лорда и решать вопросы, касающиеся жизни многих людей. Несмотря на то, что Питер и Изабелла Ларош сбежали от шерифа и его людей и направились куда-то в Шотландию, Хьюго всякий раз говорил Финнуле, что эта парочка больше никогда их не потревожит, а образ жизни, который они теперь вынуждены вести, стал для них достаточным наказанием. Финнула же притворялась, будто ей было неизвестно, что Хьюго подкупил людей шерифа, чтобы те дали пленникам сбежать. Она втайне гордилась великодушным решением мужа и тем, как он дал этим сбившимся с пути людям шанс на исправление своих ошибок.

В один прекрасный день незадолго до Рождества по Стивенсгейту разнеслась весть: к

лорду Хьюго нагрянули гости — боевые товарищи, с которыми он сражался бок о бок на протяжении десяти лет. Слуга влетел в Большой зал, где Финнула полировала свой лук, а миссис Лавер занималась шитьем, и на одном дыхании выпалил:

— Они словно только что прибыли со Святой земли! Их лица темнее кожи, из которой сделаны их ремни!

— Ну так пригласи их войти, — пожала плечами Финнула.

Вошедшие в зал мужчины и впрямь были рыцарями, вернувшимися из крестового похода. Таким же обросшим и загорелым был Хьюго, когда они с Финнулой встретились в таверне, вот только у неожиданных гостей не было той галантности, которой всегда обладал лорд Стивенсгейта. Заполонив весь зал, они громко переговаривались и не утруждали себя соблюдением правил приличия. Миссис Лавер тихо приказала слуге найти лорда Хьюго, а сама отошла в сторонку. Финнула же вышла вперед и вопросительно взглянула на гостей. Один из рыцарей подошел к ней.

— Э-э-э... Так, прекрасная леди, это, выходит, и будет поместье Стивенсгейт? — неуверенно проговорил он.

— Выходит, оно и будет, — кивнула Финнула.

Рыцарь заулыбался.

— Ничего себе дворец! А Хьюго Фитцстивена здесь не найдется, а, красотка?

— Найдется. Он скоро будет здесь. Почему бы вам не присесть и не подождать его? — предложила Финнула. — Если хотите, вам нальют эля или, может быть, вина?

Мужчины переглянулись, а затем один из них расхохотался.

— Я охотно выпью кружку эля, — крикнул он, — если ты сядешь со мной и позволишь заглянуть в твои прелестные глазки — или еще куда.

Миссис Лавер с шумом втянула воздух.

— Сэр! Вы не знаете...

— Я определенно знаю, что эта прелестница лучшая из всех, что я видел за всю свою жизнь, — хохотнул рыцарь, стоявший неподалеку от Финнулы, и без лишних рассуждений обхватил ее за талию и притянул к себе, громко чмокнув в щеку.

Реакция девушки была незамедлительной. Быстрым движением выхватив из кармана платья кинжал, она извернулась, точно кошка — и вот уже острие указывало на горло наглеца. Мужчина замер, с трудом сглотнув, и Финнула не без удовольствия отметила, что его кадык нервно дернулся.

— Сделаете так еще раз, сэр, — так же вежливо, как и раньше, произнесла она, — и вы в жизни не сможете выпить ни единой кружки эля.

— Финнула, — послышался знакомый голос. По залу эхом разнеслись шаги Хьюго, — мне сказали, у нас гости, — снимая перчатки, он еще не видел разыгравшуюся в зале сцену. Следом за ним шагал Джейми, наконец-то умытый и причесанный, да еще и подросший на добрых полфута. — Твой брат просил передать, что завтра у них будет гостить Розамунда. Говорят, она приехала с тем, чтобы повидать Меллану, но, если я хоть сколько-нибудь знаю женщин, обручальное кольцо вернется на ее палец еще до Пасхи... — тут он поднял голову и замолчал, обескураженный увиденным. — Черт подери!

В первый миг Хьюго захотелось схватиться за меч, чтобы защитить жену от нахально обступивших ее мужчин, но уже в следующую секунду он узнал в них своих старых товарищей, которые обещали навестить к нему, еще когда он сам отправлялся домой. Заметив кинжал в руке Финнулы и ошарашенное выражение на лицах рыцарей, он лишь

рассмеялся.

— Ну, джентльмены, — весело произнес он, — вижу, вы уже познакомились с моей женой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net